

75 ЛЕТ

В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ ПРОВЕРЕНЫ!

Воспоминания и дневники
военных контрразведчиков

В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ ПРОВЕРЕНЫ!

Воспоминания и дневники
военных контрразведчиков

ББК 63 3(2)622

В11

В11 В боевой обстановке проверены! Воспоминания и дневники военных контрразведчиков. М.: Издательский дом Руденцовых, 2020. 224 с., ил.

ISBN 978-5-902887-41-6

В книге собраны рассказы, воспоминания и дневники руководителей и оперативных сотрудников, зафронтовых разведчиков и технических специалистов советской военной контрразведки о Великой Отечественной войне.

ISBN 978-5-902887-41-6

© Департамент военной контрразведки ФСБ России,
текст и фотоматериалы, 2020

© Издательский дом Руденцовых, 2020

Слово к читателю

Война Советского Союза против фашистской Германии и ее сателлитов была самой тяжелой из всех, известных человечеству. Гитлеровцы бросили против нашей страны громадную армию, вооруженную новейшей для того времени техникой. Одновременно с открытой вооруженной борьбой развернулась не менее ожесточенная тайная война, по своему размаху и напряженности также не имевшая аналогов в истории.

Самые квалифицированные кадры немецкой разведки были брошены на советско-германский фронт. Тысячи шпионов, диверсантов и террористов должны были подготовить условия для молниеносного разгрома Красной Армии. Ими был пущен в ход весь арсенал коварных приемов и методов шпионажа и диверсий.

Но планам блицкрига не суждено было осуществиться на нашей земле — у стен Москвы враг был остановлен и обращен в бегство. Три с половиной года спустя Советские Вооруженные Силы завершили разгром немецко-фашистских войск. Полное поражение потерпела и разведка противника. Огромная заслуга в этом принадлежит сотрудникам советских органов государственной безопасности, в том числе военным контрразведчикам, на плечи которых легла основная тяжесть борьбы со спецслужбами гитлеровской Германии. Они с честью выполнили задачи по ограждению Армии и Флота от вражеской агентуры, ликвидации диверсантов, проникновению в разведцентры, ведению радиоигр. Многие из них сложили головы в боях за Родину, проявив высочайший профессионализм, личное мужество и верность присяге.

За образцовое выполнение боевых заданий на фронтах Великой Отечественной войны тысячи военных контрразведчиков были отмечены боевыми орденами и медалями. Четверым из них — Жидкову П. А., Кравцову Г. М., Крыгину М. П. и Чеботарёву В. М. — посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. На их героических примерах воспитываются новые поколения контрразведчиков, пришедшие на смену ветеранам войны.

В книге, которую вы держите в руках, представлены рассказы, воспоминания и дневники руководителей и оперативных сотрудников, зафронтовых разведчиков и технических специалистов. Опираясь только на факты, ничего не придумывая и не приукрашивая, они знакомят читателя с наиболее интересными эпизодами противостояния советских и германских спецслужб в годы Великой Отечественной войны.

Собранные здесь истории из фронтовой жизни проиллюстрированы уникальными фотографиями, портретами и документами, многие из которых никогда ранее не публиковались, проведя десятки лет в архивных делах и семейных альбомах ветеранов.

Конечно, все аспекты деятельности военной контрразведки в годы войны невозможно отразить в одном издании, но и то небольшое, что удалось осветить в этой книге, дает читателю возможность представить, насколько сложной и опасной была работа чекистов-фронтовиков, какого напряжения сил, ума и нервов она требовала.

Отмечая 75-летний юбилей Великой Победы, мы склоняем головы перед памятью павших героев, благодарим за самоотверженность и жизненную силу ветеранов, внесших неоценимый вклад в разгром фашизма и послевоенное восстановление страны. К глубочайшему сожалению, многие из них не дожили до сегодняшнего праздника.

Поздравляю ветеранов, всех сотрудников военной контрразведки с самым дорогим для нас праздником — Днем Победы советского народа в Великой Отечественной войне! Желаю вам, вашим родным и близким здоровья, долгих лет жизни, счастья и благополучия! Ваш ратный труд, жизненный и профессиональный опыт и сегодня служат делу укрепления обороноспособности страны, обеспечения безопасности ее Армии и Флота.

*Руководитель Департамента военной контрразведки ФСБ России
генерал-полковник Юрьев Николай Петрович*

Их подвиг бессмертен!

Время неумолимо отдаляет нас от тех суровых героических лет, когда на полях величайших в истории сражений решались судьбы нашей Отчизны и всего человечества. Все, от мала до велика, встали тогда на защиту Родины, жили одной мыслью — одолеть врага.

1418 дней и ночей длилась смертельная битва с агрессором. В боях, развернувшихся от Баренцева до Черного моря, Красная Армия и Военно-Морской Флот нанесли врагу сокрушительное поражение, превратили в прах мечты германского фашизма о мировом господстве.

Плечом к плечу с бойцами и командирами непримиримую борьбу с захватчиками вели военные контрразведчики. Более 6 тысяч наших товарищей пали смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной. Тех, кто уцелел, забирают у нас боевые раны, контузии и неумолимое время. День ото дня их становится все меньше...

Необходимо окружить ныне живущих ветеранов заботой и вниманием, ведь они являются первоисточниками правды о вкладе нашего народа в разгром гитлеровской Германии, освобождение Европы от «коричневой чумы». В современном мире, насквозь пронизанном информационными технологиями, несложно подменить понятия чести, совести и достоинства на выгодные антироссийским силам суррогаты, исказить и преуменьшить вклад советского народа в достижение Великой Победы.

Задача ветеранских организаций и действующих сотрудников военной контрразведки — не допустить этого. Подвергать критике и разоблачению любые попытки переписать историю и принизить заслуги наших старших товарищей. Способствовать тому, чтобы современная российская молодежь воспитывалась на примерах из жизни соотечественников, а не «чудо-героев», образ которых насаждает массовая западная культура.

К сожалению, большинства ветеранов, воспоминания которых легли в основу этой книги, уже нет с нами. Тем дороже для нас их правдивые истории о жизни и службе на благо Родины. Они помогут нынешним и будущим поколениям россиян очистить сознание от не соответствующих действительности домыслов, узнать правду о вкладе в Великую Победу сотрудников государственной безопасности.

75-я годовщина Победы — это прежде всего память об ушедших и радость за живущих сегодня ветеранов военной контрразведки — участников Великой Отечественной войны. Низкий поклон им за подаренную нам свободу и возможность радоваться жизни. Будем достойны памяти павших, будем достойны ныне живущих!

*Председатель Совета Общественной организации ветеранов
Департамента и органов военной контрразведки
генерал-лейтенант запаса Шидловский Леонид Дмитриевич*

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Подпись

Иван Фрищков

Звание

Сержант Посбезопасности

Имя, отчество и фамилия

Иван Фрищков

Иванов

Наименование части, управления, учреждения

О.О.УФ-15

А.К.В.Д. в/с. 7557

24 февраля 1939 г.

В ТЕ ТРУДНЫЕ ДНИ

Из воспоминаний генерал-майора Белоусова Михаила Артемьевича.

Родился в 1907 году в с. Красный Кут Самарской губернии. С 1937 года — слушатель Военно-политической академии имени В.И. Ленина. С 1941 года — в военной контрразведке. В начале войны — старший оперуполномоченный, с июля 1941 года — начальник информационного отделения Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта. В сентябре 1941 года попал в окружение с командованием, Военным советом и Особым отделом фронта. С июля 1942 года — начальник 4-го отделения Особого отдела НКВД Сталинградского (Донского, Южного) фронта, с февраля 1943 года — заместитель начальника Особого отдела НКВД — Отдела контрразведки «Смерш» 5-го механизированного корпуса Степного фронта, затем 2-го Украинского фронта, с февраля 1944 года — начальник 3-го отдела УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта. В августе 1944 года руководил вывозом из Бухареста в Москву политического руководства Румынии.

В послевоенные годы — на различных руководящих должностях в органах военной контрразведки. Окончил службу в сентябре 1966 года в должности начальника Особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по Киевскому военному округу.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II степени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями и знаками отличия, в том числе иностранных государств.

Поздно вечером 17 июля 1941 года меня вызвал к себе начальник Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта комиссар государственной безопасности 3-го ранга Михеев Анатолий Николаевич:

— Завтра утром мы с Петровым Ф.А. (начальник одного из отделов Управления ОО НКВД СССР. — *Прим. составителей*) выезжаем в действующую армию. Ты едешь с нами. Собирайся.

Поскольку ранее я уже выезжал с Михеевым А.Н. на несколько дней на Западный фронт, то спросил:

— Надолго?

— До полной победы над фашистами!

Ранним утром 18 июля на двух машинах мы двинулись в путь.

Михеев Анатолий Николаевич. Родился в 1911 году в г. Кемь Архангельской губернии в семье таможенного чиновника. В 1927 году окончил Архангельскую уездную школу 2-й ступени. С 1928 по 1931 год — курсант Ленинградской военно-инженерной школы. После ее окончания командовал взводом, затем ротой отдельного саперного батальона 7-го стрелкового корпуса (г. Днепропетровск). В 1933 году был переведен в 4-ю Пограншколу НКВД (г. Саратов), где занимал должности курсового командира саперно-маскировочного дивизиона и командира роты.

В конце 1935 года поступил в Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева. На четвертом курсе, в звании капитана госбезопасности, был назначен начальником Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Орловского военного округа. Через полгода — начальником Особого отдела НКВД СССР Киевского Особого военного округа. На этой должности успешно вел борьбу с украинскими националистами, был награжден орденом Красной Звезды.

В августе 1940 года переведен в центральный аппарат ГУГБ НКВД СССР на должность начальника 4-го отдела. В феврале 1941 года возглавил 3-е Управление НКО СССР. 17 июля 1941 года, по личной просьбе, был назначен начальником Особого отдела НКВД СССР Юго-Западного фронта.

С нами поехал и адъютант Михеева А. Н. — лейтенант госбезопасности Пятков Иван Филиппович. Это был в полном смысле военный человек: подтянутый, дисциплинированный, сильный и уже имевший боевую биографию.

Знак «Участнику Хасанских боев». Утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об увековечении памяти героев Хасана» от 5 июня 1939 г.

Военный билет Пяткова И. Ф. 1930 г. (Архив УФСБ России по Омской области)

Из наградного листа оперуполномоченного Особого отдела 121-го корпусного артиллерийского полка сержанта госбезопасности Пяткова И. Ф.: «31.07.1938, находясь на высоте Заозёрной со стрелковой ротой 118-го стрелкового полка и группой пограничников, когда обнаглевшие самураи, превосходя численностью в несколько раз больше, окружили Заозёрную сопку и сосредоточили по ней ураганный огонь всеми средствами, тов. Пятков личным примером мужества сражался с противником, удерживая натиск, помогая командованию в отражении противника и организованному выходу из боя. Достоин награждения орденом Красного Знамени».

В августе 1938 года, будучи оперуполномоченным Особого отдела 40-й стрелковой дивизии, он участвовал в боях с японцами у озера Хасан. Когда в одном из батальонов были убиты командир и начальник штаба, Иван Филиппович принял командование на себя. В течение двух суток бойцы отражали яростные атаки врага, несколько раз переходившие в рукопашные схватки. Батальон уничтожил до 200 солдат противника и не сдал занимаемого рубежа.

За мужество и героизм, проявленные в боях у озера Хасан, Пятков И. Ф. был награжден орденом Красного Знамени.

Михеев А. Н. планировал уже через сутки прибыть в местечко Бровары в 16 километрах под Киевом, где размещались штаб и Особый отдел Юго-Западного фронта. Но из-за бездорожья мы добрались до места только через три дня.

Михеев А. Н. сразу же направился в штаб фронта для встречи с командующим генерал-полковником Кирпоносом М. П., членом Военного совета Бурмистенко М. А. и начальником штаба генерал-лейтенантом Пуркаевым М. А.

Как новый начальник Особого отдела фронта он представился членам Военного совета и доложил им о задачах, возложенных на органы военной контрразведки в связи с началом войны.

Вернувшись в отдел, Михеев А. Н. провел совещание, на котором потребовал от оперативных работников соблюдения железной дисциплины, определил их место и роль в сложившейся обстановке и обязал каждого военного контрразведчика помогать командирам

*Лейтенант госбезопасности
Пятков Иван Филиппович. 1939 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

*Герой Советского Союза генерал-полковник
Кирпонос Михаил Петрович. 1941 г.*

*Младший лейтенант госбезопасности
Горюшко Георгий Георгиевич. 1939 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

и политработникам в поддержании высокого боевого и морального духа войск.

«Каждому из нас, — говорил он, — надо проникнуться чувством глубокой ответственности за судьбу Родины и строжайше выполнять требования директив Партии и Правительства».

Вечером Михеев А. Н. вызвал меня к себе и объявил, что мы едем на передовую, с собой берем старшего оперуполномоченного Горюшко Г. Г.

Горюшко Георгий Георгиевич — человек атлетического сложения, сильный духом и надежный во всех отношениях — уже бывал в боях с фашистами. На третий день войны он и старший лейтенант госбезопасности Котовенко А. П. были командированы в район Шепетовки. В пути следования увидели, что на лесок возле дороги из двух немецких самолетов выброшен десант.

Диверсанты! Решение принимается молниеносно: Котовенко А. П. мчится на машине в Шепетовку за подкреплением, а Горюшко Г. Г. остается на опушке леса наблюдать за десантом.

Когда Котовенко А. П. вернулся со взводом пограничников, в обусловленном месте

он увидел Горюшко Г. Г., уже вооруженного немецким автоматом. Оказалось, что недалеко от него приземлился один из диверсантов, и, пока тот выпутывался из строп парашюта, Горюшко Г. Г. прикончил его без единого выстрела.

Прибывшие с Котовенко А. П. пограничники скрытно окружили диверсантов. Плотный огонь почти в упор оказался неожиданным для фашистов. Через 15–20 минут бой закончился. Из шестидесяти парашютистов в живых осталось только двое. На допросе они сообщили, что выброшенная группа имела задание вывести из строя Шепетовский железнодорожный узел.

Конечной целью нашей поездки на Западный фронт был левый фланг Киевского укрепрайона, где в те дни сложилось наиболее тяжелое положение.

Участок фронта, на котором немцы подошли близко к Днепру, прикрывала 147-я стрелковая дивизия под командованием полковника Потехина С. К.

На позиции одной из рот, от личного состава которой после десяти вражеских атак осталось только восемь человек, нашей группе довелось участвовать в отражении одиннадцатой. В этом бою Горюшко Г. Г. удалось связками гранат поджечь два фашистских танка.

Перед возвращением в отдел Михеев А. Н. предупредил нас: «В отделе никому не рассказывайте, в какой переплет мы попали, а то найдутся и такие, которые скажут: “Зачем их понесло в окопы?” А нам это надо было, особенно мне. Я лично хотел видеть в бою наших красноармейцев, быть с ними рядом, на себе ощутить психологическое состояние человека в момент фашистской атаки. Увидеть условия работы наших оперработников на передовой».

Так закончился первый день нашего пребывания на фронте. «Закончился день» — выражение неточное. В Особом отделе фронта тогда работали круглосуточно с перерывом на сон часа на два-три.

На второй день пребывания на фронте Военный совет поручил Михееву А.Н. оказать помощь командованию «в наведении порядка в прифронтовой полосе и в пополнении частей людьми».

Для выполнения задания был задействован почти весь резерв оперативного состава Особого отдела фронта, в том числе технические специалисты, сержанты, старшины и наиболее подготовленные бойцы из батальона охраны. В течение дня было создано несколько десятков оперативных групп по три-четыре человека, которые возглавили военные контрразведчики. На них возлагалась задача организовывать из военнослужащих и военнообязанных, находившихся в прифронтовой полосе, подразделения по 40–60 человек и отправлять их на передовую.

Также были созданы оперативные группы с задачей оказания помощи командованию в организации четкой и бесперебойной работы переправ через Днепр и железнодорожных станций, находящихся в непосредственной близости от линии фронта.

Известно, что к концу июля командованию Юго-Западного фронта удалось значительно укрепить боеспособность войск. Каждый километр на подступах к Киеву противнику приходилось брать в ожесточенных боях, ценой больших потерь. Если в течение первого месяца войны ему удалось в полосе нашей обороны продвинуться более чем на 700 километров, то во второй месяц темп его наступления замедлился в 10–12 раз. Во многом этому способствовали своевременные и грамотные действия военных контрразведчиков.

Военный совет фронта дал тогда их деятельности высокую оценку. Нередки были случаи, когда оперработникам приходилось поднимать бойцов в атаку, многие из них сложили головы на поле брани. Смелость и отвагу проявили майор госбезопасности Черник С.А., старшие лейтенанты госбезопасности Базанов М.А., Котовенко А.П., Чураков Д.Д., младшие лейтенанты госбезопасности Горюшко Г.Г., Красножён Н.Е. и другие.

8 августа 1941 года около трех десятков немецких танков при поддержке полка пехоты прорвали нашу оборону на левом фланге Киевского укрепрайона и захватили хутор Совки. Создалась угроза прорыва противника в Киев, захвата мостов через Днепр и окружения наших частей, находящихся западнее города. Командующий фронтом возложил задачу по ликвидации прорыва на воздушно-десантную бригаду полковника Родимцева А.И. и измученные боями остатки войск 206-й стрелковой дивизии.

Генерал-полковник Кирпонос М.П. обратился за помощью к Михееву А.Н., который немедленно направил на этот участок своего заместителя Петрова Ф.А. и оперработника Горюшко Г.Г. Прибывшие на место военные контрразведчики помогли командирам подготовить подразделения к бою и поднять красноармейцев в атаку, которую возглавили сами.

*Лейтенант госбезопасности
Котовенко Андрей Павлович. 1939 г.*

*Член Военного совета ЮЗФ
Бурмистенко Михаил Алексеевич. 1941 г.*

*Член Военного совета ЮЗФ дивизионный комиссар
Рыков Евгений Павлович. Фото 1940 г.*

В этом бою Петров Ф.А. был тяжело ранен. Горюшко Г.Г. вынес его с поля боя и передал санитарам, а сам заменил погибшего пулеметчика и мастерски бил по фашистам из «Максима».

Бой продолжался два часа. Задание командования было выполнено — группировка немцев, прорвавшаяся в Совки, уничтожена. Допрошенные пленные показали, что доведенный до каждого немецкого солдата личный приказ Гитлера «Овладеть Киевом 10 августа!» остался невыполненным.

21 августа в результате нового наступления немцев на правом фланге нашего фронта были потеснены войска 27-го стрелкового корпуса. Штаб фронта, Военный совет и Особый отдел передислоцировались в Прилуки. 14 сентября немецкие танковые части соединились вблизи станции Ромодан, в результате часть войск, штаб фронта, Военный совет и Особый отдел оказались в окружении.

Михеев А.Н. приказал сформировать из сотрудников отдела и роты охраны три боевые группы. Первая — семь человек, во главе с ним, оставалась с Военным советом фронта, вторая — весь оперсостав отдела — должна была следовать со штабом, третья — вспомогательные подразделения отдела — уходила с остальными войсками. Я находился во второй группе.

При расставании Михеев А.Н. сказал, что надеяться на прорыв кольца окружения снаружи не следует. Оперработник должен быть всегда готов к активным боевым действиям, служить образцом мужества и стойкости. Добавил еще несколько ободряющих слов и в сопровождении Пяткова И.Ф. и Чеботенко В.П. убыл в расположение Военного совета.

Рано утром 19 сентября наша группа вошла в село Городище. Военный совет уже был здесь. Во второй половине дня от Михеева А.Н. был получен приказ всем военным контрразведчикам построиться на южной окраине села, в роще старых кленов. В строю — 62 сотрудника госбезопасности. Подошли Михеев А.Н., начальник штаба фронта Тупиков В.И., командующий Кирпонос М.П., члены Военного совета Бурмистенко М.А. и Рыков Е.П.

Михеев А.Н. довел обстановку: «Военный совет решил использовать последнюю возмож-

ность для выхода из создавшегося положения. Для этого он организует отряд прорыва в составе двух взводов: первого — из вас, чекистов, и второго — из красноармейцев комендантской роты штаба и пограничников, охраняющих Военный совет. Командиром взвода особистов назначается старший лейтенант госбезопасности Оксень. Командиром второго взвода — пограничник майор Ширяев. Отрядом будет командовать начальник войск охраны тыла полковник Рогатин».

Затем Михеев А. Н. попросил генерала Тупикова В. И. поставить боевую задачу. Свое выступление Тупиков В. И. закончил словами: «Если вам удастся прорвать окружение, Военный совет пойдет за вами. Если же сложите здесь головы, Родина вас не забудет».

Заняв исходное положение, мы по команде полковника Рогатина В. Т. бросились в атаку на немецких автоматчиков, окопавшихся в кустарнике на склоне высоты, и минут через двадцать уничтожили их. К нашему счастью, гитлеровцев там оказалось, как и предполагал генерал Тупиков В. И., не так уж много.

Атака и развитие прорыва продолжались часа полтора. За это время нам удалось переправиться вплавь через реку Многа у села Загребелье и продвинуться в заданном направлении на три километра. Севернее села Мелехи наш взвод соединился со взводом майора Ширяева. Подсчитали потери. У нас — человек десять. Примерно столько же у Ширяева. Вышли из строя и оба приданных ему броневика.

Полковник Рогатин В. Т. послал в Городище, в Военный совет, двух пограничников с донесением о том, что отрядом задача выполнена — путь из Городища свободен — и Военный совет может следовать за отрядом. Мы же продолжали выполнение задачи, уходя в направлении села Сенча. Вечером мы двинулись по полям, озаряемым пожарищами горящих хлебов, на Сенчу...

26 сентября, измотанный переходами и многочисленными стычками с немецкими заслонами и отдельными подразделениями, наш взвод переправился через реку Псёл вблизи хутора Млыны и вышел в расположение 5-го кавалерийского корпуса.

Ядро нашего взвода составляли 18 военных контрразведчиков. Мы вышли из окружения

*Начальник штаба ЮЗФ генерал-майор
Тупиков Василий Иванович. Фото 1938 г.*

*Генерал-майор
Потапов Михаил Иванович. 1941 г.*

*Капитан госбезопасности
Белоцерковский Иван Митрофанович. 1941 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

в военной форме с оружием, личными и партийными документами и после короткого отдыха были готовы выполнять новые боевые задачи.

Что же произошло с сотрудниками трех подразделений, находившихся в группе Военного совета фронта, после того как наш отряд осуществил прорыв из села Городище?

Направленные туда Рогатиным В.Т. пограничники доложили командующему фронтом, что немецкое окружение прорвано, путь свободен, можно идти за отрядом прорыва. Военный совет вышел из Городища, но задержался на переправах из-за неисправности мостов на реке Многа. В полночь продолжил движение, но не по нашему маршруту, а несколько западнее его. Возможно, генерал Кирпонос М.П. изменил маршрут движения потому, что два больших отряда генерала Потапова М.И. и генерала Баграмяна И.Х. должны были по его задаче захватить мосты через реку Сула.

Группа Военного совета вскоре догнала колонну штаба и тыловых подразделений 5-й армии во главе с генералом Потаповым М.И. Их совместный отряд численностью около 800 человек к рассвету 20 сентября вышел к хутору Дрюковщина.

Кирпонос М.П., посоветовавшись с генералами, приказал остановиться здесь на дневку, укрыв отряд в урочище Шумейково, расположенном западнее реки Сенча. Как только рассеялся утренний туман, над ними появился немецкий самолет-разведчик. Вскоре урочище плотным кольцом окружили десяток немецких танков и двадцать автомашин с пехотой. По урочищу был открыт пулеметный и артиллерийско-минометный огонь.

Командиры, политработники и военные контрразведчики стали перегруппировывать подразделения для отражения атаки фашистов.

Первыми повели в контратаку свои подразделения лейтенант госбезопасности Пятков И.Ф., младший лейтенант госбезопасности Горюшко Г.Г., начальник Особого отдела 5-й армии капитан госбезопасности Белоцерковский И.М., начальник штаба армии генерал Писаревский Д.С. и еще пять-шесть штабных командиров. Почти все они погибли. Горюшко Г.Г. замахнулся на танк гранатой, но не успел ее бросить, как был скошен пулеметной очередью. Пятков И.Ф. был тяжело ранен в живот и застрелился, когда немцы попытались взять его в плен. Погибли в бою Белоцерковский И.М. и Писаревский Д.С.

Пытаясь вырваться из окруженного урочища, поднимали бойцов в атаку комиссар госбезопасности Михеев А.Н., дивизионные комиссары Рыков Е.П. и Никишев М.С., генералы Кирпонос М.П., Тупиков В.И. и Потапов М.И.

Но силы были неравны. Под лавиной огня приходилось отходить вглубь урочища, затем снова и снова контратаковать. В этих боях были ранены Михеев А.Н., Рыков Е.П., Кирпонос М.П. и Потапов М.И.

Бой у урочища продолжался весь день. Героическое сопротивление советских воинов заставило противника прекратить к вечеру свои атаки. К этому времени уже были убиты командующий фронтом Кирпонос М. П., многие командиры, политработники, красноармейцы и особисты.

Ночью оставшиеся в живых, не теряя надежды на прорыв, организовали несколько небольших групп и выбрались из урочища. Группа генерала Тупикова В. И. пошла в северном направлении и в километре от урочища, у хутора Овдиевка, напоролась в темноте на засаду немцев. Завязалась перестрелка, в ходе которой генерал Тупиков В. И. был убит.

Группа под командой Михеева А. Н., в которую входили заместитель начальника Особого отдела фронта Якунчиков Н. А., член Военного совета 5-й армии дивизионный комиссар Никишев М. С., начальник Особого отдела одной из дивизий этой армии старший лейтенант государственной безопасности Стороженко А. А. и три красноармейца из взвода охраны, направилась на восток.

Медаль «За оборону Киева»

Подвиг Михеева А. Н. Художник Камынина Е. В. 2014 г. Холст, масло

Утро 21 сентября застало эту группу в двух километрах юго-западнее села Исковцы Сенчанского района. Здесь на поле, в стогах сена, решено было дожидаться вечера. Но вскоре появились немецкие танки, которые гусеницами стали утюжить разбросанные по полю копны. Они гонялись за людьми, давили и расстреливали их из пулеметов. Гранат ни у кого не было. Михеев А. Н. со своими товарищами пытался укрыться в овраге, но танк преследовал их до самого обрыва. Михеев А. Н., Якунчиков Н. А. и Никишев М. С. героически пали в этом неравном бою.

*Мемориал советским воинам в урочище Шумейково
Лохвицкого района Полтавской области Украины*

*Майор госбезопасности
Якунчиков Николай Алексеевич. 1941 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

*Дивизионный комиссар
Никишев Михаил Семенович. 1939 г.
(Российский государственный архив
кинофотодокументов)*

Так в те грозные дни работники особых отделов делили с войсками все тяготы боевой жизни, служили образцом мужества, героизма и преданности Родине.

Возле урочища Шумейково, где командование Юго-Западного фронта с группой военных контрразведчиков приняло последний бой, сооружен монумент в честь советских воинов, сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками на Украине летом и осенью 1941 года. Монумент торжественно открыт 18 сентября 1976 года, в канун 35-й годовщины этого боя.

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ИВАНА УСТИНОВА

*Из воспоминаний генерал-лейтенанта Устинова
Ивана Лаврентьевича.*

Родился в 1920 году в дер. Малая Бобровка Екатеринбургской губернии в семье крестьянина-середняка.

В 1935 году, окончив школу-семилетку, поступил в Ирбитский медицинский техникум. В 1938 году, после получения диплома фельдшера-акушера, был распределен на работу в Северо-Уральские исправительно-трудовые лагеря.

В январе 1940 года зачислен в Свердловское военно-пехотное училище. По окончании учебного заведения, в июне 1941 года, поступил в распоряжение 3-го Управления НКО СССР с назначением на должность оперуполномоченного 3-го отдела 6-й кавалерийской дивизии. Участвовал в Смоленском сражении, в боях под Вязьмой, в Орловской и Белорусской стратегических наступательных операциях. За годы войны прошел путь от оперуполномоченного до начальника Отдела контрразведки «Смерш» 3-го отдельного учебного танкового полка, готовившего танкистов для участия в штурме Кёнигсберга.

В послевоенное время руководил чекистскими коллективами в Прибалтийском, Киевском и Дальневосточном военных округах, в Группе советских войск в Германии. Стоял у истоков создания разведывательных подразделений в системе военной контрразведки. В 1970 году возглавил 3-е Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. С 1981 по 1991 год — советник председателя Госплана СССР по вопросам безопасности.

За мужество и профессионализм в оперативно-служебной деятельности награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Всякое случалось на войне: когда солдата от смертельного осколка спасала звездочка на пилотке или портсигар в нагрудном кармане. Когда мина падала прямо под ноги бойцу, но не взрывалась, и он чудом оставался жив. Вот и в моей жизни было несколько случаев, когда смерть смотрела мне прямо в лицо и не было никакой надежды уцелеть...

Осенью 1941 года небольшая группа военнослужащих под моим руководством прорывалась из окружения южнее Вязьмы. Немцы трижды преграждали нам путь, и каждый раз, используя только стрелковое оружие и гранаты, мы прорывали боевые порядки неприятеля.

В одном из боев мы атаковали занятый противником хутор. Рассыпавшись в стрелковую цепь, приблизились к домам на окраине, и тут, внезапно, по нам открыли огонь из пулемета. Очередь разом срезала несколько человек, а меня заслонил от пули молодой политрук. Этот герой, имя которого я так и не узнал, умер у меня на руках...

В конце октября 1941 года, выполняя задание командования, я прибыл в район города Клина, чтобы выяснить обстоятельства несвоевременного прибытия одного из артиллерийских полков и принять меры по его скорейшему направлению на фронт.

Как выяснилось, задержка была связана с разрушением железнодорожного полотна на пути следования эшелонов. К моменту моего приезда пути уже восстановили, воинские эшелоны готовились к выдвиганию в намеченный пункт. Штаб артиллерийского полка размещался в деревянном доме на окраине, куда я и направился.

Не успел я войти в дом, как начался налет вражеской авиации. Офицеры штаба укрылись в подвале, где для меня места уже не нашлось. Забежав в соседнюю комнату, я прижался к стене за большой кирпичной печью. Буквально через секунду в дом попала авиабомба, крыша и стены обрушились.

Придя в себя, я с большим трудом выбрался из-под обломков. На месте подвала зияла воронка, повсюду были разбросаны части тел и обрывки обмундирования погибших.

В те времена было не принято по каждому ранению обращаться в медсанбат. Вот и полученные под Клином контузия и переломы ребер прошли как-то сами собой...

Еще один похожий случай произошел осенью 1944 года, когда наши войска уже стояли на границе Восточной Пруссии. Будучи начальником Отдела контрразведки «Смерш» 83-го полевого эвакуопункта 11-й гвардейской армии, я выехал на встречу с одним из своих негласных помощников.

Дороги были заполнены военной техникой, и мы с водителем с большим трудом пробирались по ним на стареньком трофейном «Опеле». Я торопил его: «Быстрее! Чего ты плетешься? Обгони колонну по обочине!» — а он мне: «Делаю все, что можно, товарищ капитан. Выжимаю из “немца” последние силы...»

Устинов И.Л. в дни битвы за Москву. 1941 г.

*Сотрудники Особого отдела 16-й армии после боев под Москвой. 1942 г.
Устинов И.Л. — в первом ряду, второй слева*

Встреча была назначена на 16 часов, человек уже 20 минут ждал меня в обусловленном месте.

Вот за деревьями показалось двухэтажное кирпичное здание, которое занимал эвакуационный госпиталь, я еще раз попросил водителя прибавить газу. Через мгновение над нами со свистом пролетел снаряд, раздался оглушительный взрыв. Но откуда, ведь мы находились на приличном расстоянии от линии фронта?

Въехали во двор госпиталя, там переполох, бегут люди с носилками. Зашел за здание, где у меня должна была состояться встреча, и увидел воронку, кровь, срезанные осколками ветки. Спрашиваю у санитаров, что случилось, в ответ: «Шальной снаряд попал в беседку, погиб один из наших работников». Подумать только, не задержись я на несколько минут, меня бы уже не было! Вероятно, судьба сохранила мне жизнь для испытаний более значительных...

НА МОЖАЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

О своем отце — сотруднике Особого отдела 336-й стрелковой дивизии Западного фронта капитане госбезопасности Гришечкине Д.В. вспоминает ветеран «Смерша» полковник Гришечкин Александр Дмитриевич.

Дмитрий Васильевич родился в 1903 году в с. Монастырское Симбирской губернии, в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу, работал писарем в волостной управе. В 1920–1930-х годах проходил службу в частях особого назначения, принимал участие в борьбе с бандитизмом и кулачеством. В сентябре 1941 года направлен для прохождения службы в Особый отдел НКВД Приволжского военного округа. Участник битвы за Москву, боев на Можайском и Жиздринском направлениях.

Награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Говорят, что нам, родившимся в двадцатых годах прошлого века, не повезло. Очень многих забрала война. Остались в живых только трое из ста. Что же говорить о поколении наших отцов, на долю которых выпали сразу две мировых войны? Многим из них пришлось с оружием в руках защищать завоевания Революции, бороться с бандитизмом и басмачеством.

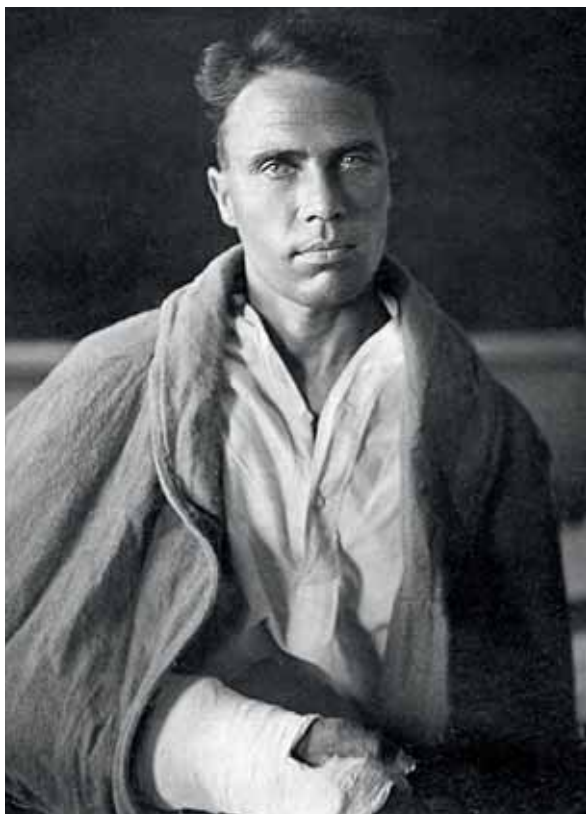
Мой отец — Дмитрий Васильевич посвятил свою жизнь защите Родины. Он начал службу в частях особого назначения, которые создавались для оказания помощи органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией и несения карательной службы на особо важных объектах.

В сентябре 1941 года направлен для прохождения службы в военную контрразведку, где принял в контрразведывательное обеспечение 1130-й стрелковый полк 336-й стрелковой дивизии Западного фронта.

В первые месяцы войны, когда обстановка на фронтах складывалась неблагоприятно для Красной Армии, военным контрразведчикам нередко приходилось участвовать в боях с противником, насмерть стоять на рубежах и позициях, прорываться из окружения, принимать командование в критических ситуациях.

*Капитан Гришечкин Дмитрий Васильевич.
31 октября 1943 г.*

*Капитан Гришечкин Дмитрий Васильевич.
в госпитале № 4623. Москва, 1942 г.*

Так, находясь непосредственно на передовой в районе села Вышнее Можайского района Московской области, когда осколком снаряда убило командира, Гришечкин Д.В., как старший по званию, взял командование стрелковой ротой на себя.

После артиллерийской подготовки, при поддержке нескольких танков, гитлеровцы попытались продавить советскую оборону на участке с. Вышнее — Хващевка. Пехота противника рассыпалась из бронетранспортеров в стрелковые цепи и быстро приближалась к нашим позициям.

К счастью бойцов, вооруженных только стрелковым оружием, после одной из неудачных контратак на краю села оказался танк Т-34. Боевая машина потеряла ход в результате подрыва на mine, но экипаж уцелел и боекомплект был полон.

Умело воспользовавшись его огневой мощью, Гришечкин Д.В. поднял в атаку бойцов, заставив гитлеровцев отступить. В этом бою было подавлено более десяти огневых точек, взято в плен 15 солдат противника.

Медаль «За оборону Москвы»

Два поколения военных контрразведчиков: Гришечкины Дмитрий Васильевич (в первом ряду) и Александр Дмитриевич с супругами. 1973 г.

В июле 1942 года под городом Жиздрой Дмитрий Васильевич вновь повел в атаку солдат. Во время боя он был тяжело ранен осколком мины в плечо. Кости правой руки оказались раздробленными, от ампутации ее спасло только мастерство военных хирургов.

Вернуться на фронт после такого ранения Гришечкину Д. В. запретили — врачебной комиссией он был признан негодным к военной службе, получив инвалидность III группы. Но оставить чекистское ремесло в такое сложное для страны время опытный контрразведчик не мог. Он добился у начальства разрешения продолжить службу. После восстановления от полученных ран и контузий Дмитрий Васильевич исполнял обязанности старшего оперуполномоченного в военно-медицинских учреждениях.

За мужество и героизм, проявленные в боях под Москвой, капитан госбезопасности Гришечкин Д. В. был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За оборону Москвы».

В дни обороны Москвы

Из воспоминаний генерал-майора Русака Ивана Тимофеевича.

Родился в 1906 году в дер. Кривичи Минской губернии, в многодетной семье. В феврале 1932 года окончил Саратовское бронетанковое училище. Служил в Московском отдельном танковом полку. В 1934 году направлен на учебу в Московскую военную академию моторизации и механизации. После ее окончания поступил на службу в НКВД. В годы войны занимал должности начальника Особого отдела НКВД 15-й армии Ленинградского военного округа, заместителя начальника Особого отдела НКВД (3-го отдела) Московского военного округа, начальника Особого отдела НКВД по Московскому военному округу, начальника Особого отдела НКВД 34-й армии Северо-Западного фронта, заместителя начальника Особого отдела НКВД по Северо-Западному фронту, помощника начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР (в этой должности руководил опергруппами ГУКР «Смерш» в Польше, Восточной Пруссии и Маньчжурии).

Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II степени, тремя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «50 лет пребывания в КПСС», имеет 13 медалей, в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией».

В первый день войны я был назначен начальником Особого отдела войск Московского военного округа и Московской зоны обороны.

С июля по декабрь 1941 года ежедневно с семи часов вечера до семи часов утра Москва подвергалась массированным налетам фашистской авиации. Все правительственные учреждения были эвакуированы в Куйбышев и другие города за Волгу. Штаб Московского военного округа переехал в город Горький, а вместе с ним и наш Особый отдел. В Москве оставались Штаб Московской зоны обороны и оперативная группа Особого отдела обороны Москвы.

У меня было четыре заместителя, два из них находились в Горьком, два — со мной в Москве. Жили мы в своих кабинетах, в углу стояли койки, на стене висели автоматы, пистолеты — всегда при себе на ремне.

Разведорганы противника забрасывали в Москву большое количество агентов, шпионов, диверсантов и террористов. Пропагандистский аппарат Геббельса 24 часа в сутки распространял по радио и в листовках лживые слухи о падении Москвы.

В этих тяжелейших условиях военные контрразведчики принимали своевременные контрмеры по срыву мероприятий противника, проявляя самоотверженность и героизм.

Приведу только один пример: старший оперуполномоченный 147-й авиадивизии, прикрывавшей небо Москвы, капитан Нечипорук В.В. выявил немецкого агента Краева, который намеревался совершить

*Майор Нечипорук Владимир Васильевич.
1946 г.*

*Верховный главнокомандующий И. В. Сталин
процезносит речь на параде 7 ноября 1941 г.*

диверсию на аэродроме и, угнав самолет, перелететь через линию фронта. При задержании Краев оказал вооруженное сопротивление, выстрелив Нечипорук В. В. в грудь из пистолета. После этого герой три месяца пролежал в госпитале. За успешную оперативную работу он был награжден орденом Красной Звезды.

В то время как вражеские войска стояли в 30 километрах от Москвы, в самом ее сердце — на Красной площади — 7 ноября 1941 года проходил парад советских войск. Я, будучи начальником Особого отдела Московской зоны обороны, нес персональную ответственность за обеспечение безопасности парада.

Войска проходили по Красной площади в полной боевой выкладке, многие из них с ходу отправлялись на передовую. Благодаря тому, что погода стояла пасмурная, шел снег, вражеская авиация не смогла воспрепятствовать проведению этого важнейшего мероприятия. Парад принимал Верховный главнокомандующий И. В. Сталин.

Парад войск на Красной площади 7 ноября 1941 г.

Плакат «Будь бдителен!». Художник Торич Л. М. 1941 г.

В мае 1942 года, когда непосредственная опасность для Москвы миновала, я подал рапорт на имя начальника Управления особых отделов НКВД СССР с просьбой направить меня в действующую армию. Рапорт был рассмотрен, моя просьба удовлетворена. Уже в конце месяца я выехал на Северо-Западный фронт, принимать должность начальника Особого отдела 34-й армии.

За успешное выполнение задач по контрразведывательному обеспечению войск Московского гарнизона я был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Москвы».

В ОДНОМ СТРОЮ С МУЖЧИНАМИ

Из воспоминаний лейтенанта Юниной Елены Павловны.

Родилась в 1927 году в дер. Садовники Ленинградского района Московской области, в крестьянской семье. После окончания 10 классов средней школы поступила в Московский механико-технологический техникум. В 1949 году поступила на гражданскую службу в Управление МГБ СССР по Московской области. В 1950 году откомандирована в УКР МГБ СССР по ГСОВГ, где самостоятельно изучила немецкий язык и была назначена на должность переводчика. В 1953 году получила первое офицерское звание «младший лейтенант». Непосредственный участник событий июня 1953 года, когда западными спецслужбами были спровоцированы антисоветские выступления в ГДР.

С 1952 по 1956 год — в УКР МГБ СССР по ГСОВГ (с марта 1953 года — Управление особых отделов

МВД СССР по ГСОВГ, с марта 1954 года — Управление особых отделов КГБ при Совете Министров СССР по ГСВГ).

С 1956 по 1987 год — на различных должностях в Особом отделе КГБ при Совете Министров СССР по Московскому округу ПВО, 3-м Главном управлении КГБ при Совете Министров СССР, Особом отделе КГБ СССР по ЦГВ.

Награждена медалью «Ветеран труда», нагрудным знаком «Ветеран военной контрразведки». За добросовестное отношение к служебным обязанностям неоднократно поощрялась руководством.

С трашное слово «война», прозвучавшее 22 июня 1941 года, подчинило себе без остатка наши судьбы. Впереди были страх, голод, разлуки, утраты, бомбежки Москвы, заклеенные крест-накрест газетными полосками окна, карточки на хлеб. Еще вчера беззаботные школьницы, молодые девушки внезапно стали взрослыми и военнообязанными.

В то время как немцы бомбили Москву, в здании на Лубянке и днем и ночью находились на рабочих местах сотрудницы Управления особых отделов НКВД СССР Воробьева Валентина Андреевна, Чеканова Татьяна Павловна, Нацвин Евдокия Тимофеевна и другие.

В сентябре 1941 года как личную утрату восприняли известие о гибели на фронте бывшего начальника Управления Михеева Анатолия Николаевича.

*Старший лейтенант
Чеканова Татьяна Павловна. 1945 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

*Воробьева Валентина Андреевна. 1941 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

Молодой и энергичный, он был почти ровесником большей части женского коллектива. Сотрудницы были в него наивно, по-девичьи влюблены и плакали, как дети, получив печальную весть.

Женщины уходили на фронт наравне с мужчинами. Свой путь к Победе они прошли не в туфельках по асфальту, а в гимнастерках и сапогах по разбитым фронтовым дорогам.

Из Подмосковья до Берлина дошла Кириленко Вера Никитична. В день подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии она расписалась на стене Рейхстага, поставив точку в своей военной биографии.

Летом 1941-го мобилизована на службу в Управление особых отделов Антипова Марина Андреевна. В 1943 году в составе ОКР «Смерш» она принимала участие в страшных боях за Днепр.

Не понаслышке знает о тяжелых боях в Сталинграде и на Курской дуге Диденко Мария Ивановна.

*Младший лейтенант
Нацвин Евдокия Тимофеевна. 1943 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

Военный билет Диденко Марии Ивановны. 1948 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)

Кириленко Вера Никитична. 1979 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)

Сотрудницы 3-го Главного управления МГБ СССР.
Юнина Е. П. — во втором ряду, крайняя справа. Москва, 1950 г.

*Машинистка 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР
Швагерова Анна Степановна. 1940 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

*Сержант госбезопасности
Федотова Мария Васильевна. 1939 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

В июле 1942-го призвана на службу в Особый отдел Сосипаторова Лидия Александровна, еще год назад переживавшая бомбежки в тоннеле строящегося московского метро на станции «Павелецкая».

На фронт ушли Зубрикова Александра Васильевна, Суботка Галина Андреевна, Деревянко Нина Васильевна.

В суматошные дни октября 1941-го, когда немцы подошли к Москве, Федотова Мария Васильевна и Швагерова Анна Степановна в составе особой группы были направлены в Куйбышев с архивом военной контрразведки. Путь на пароходе по Волге был долгим и опасным. В дороге у Марии Васильевны родился сын, но она не оставила свою работу. Вернулись на Лубянку они зимой 1942 года, после разгрома немцев под Москвой.

Упомянув здесь лишь несколько имен, я с уважением вспоминаю обо всех сотрудницах военной контрразведки — ветеранах войны, на каких бы участках оперативно-служебной деятельности они ни находились.

Хотя труд их был не столь заметен, каждому военному контрразведчику хорошо известно, как много порой зависело от работы этих скромных тружениц чекистского ремесла. В годы Великой Отечественной войны им выпали те же испытания и невзгоды, что и мужчинам.

ОБОРОНЯ СОВЕТСКОЕ ЗАПОЛЯРЬЕ

Из воспоминаний полковника Чижевского Тимофея Анисимовича.

Родился в 1916 году в с. Хиславичи Могилевской губернии в крестьянской семье. Работал заведующим производством на одном из ленинградских заводов. В 1938 году по решению Дзержинского райкома партии был направлен на оперативную работу в Особый отдел Ленинградского военного округа. Принимал участие в советско-финляндской войне, был ранен. С первых дней Великой Отечественной войны на руководящей работе в особых отделах 14-й армии, затем 7-й воздушной армии Карельского фронта. В августе 1945 года участвовал в Маньчжурской стратегической наступательной операции.

В послевоенный период проходил службу в 3-м Управлении КГБ при Совете Министров СССР и Особом отделе Северного флота. В 1956 году заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и другими.

В первый день войны я был назначен начальником контрразведывательного отделения Особого отдела 14-й армии Северо-Западного фронта. Мой непосредственный начальник майор госбезопасности Ключев Николай Николаевич, опытнейший контрразведчик, поставил передо мною и моими подчиненными следующие задачи: организовать своевременное выявление и обезвреживание вражеской агентуры и диверсантов, обеспечить проникновение в немецкие и финские разведшколы, с тем чтобы парализовать подрывную деятельность вражеских разведок против частей и соединений фронта.

В марте 1942 года в одном из ожесточенных боев на рубеже Западной Лицы было взято в плен несколько солдат и офицеров противника. На допросе в разведотделе 14-й армии один из офицеров назвался командиром разведывательной роты 2-й горнострелковой дивизии обер-лейтенантом Шорнборном. Он сообщил, что вверенное ему подразделение имело непосредственное отношение к разведы-

Листовка Политического управления одного из фронтов, распространявшаяся среди жителей прифронтовых районов

вательному отделу «1Ц» штаба дивизии. Также отделы «1Ц» имеются в штабах горнострелкового корпуса и армии «Норвегия». Они ведут разведку против советских войск на Мурманском направлении и занимаются контрразведывательной работой в прифронтовой полосе. Командованию армии придана абвергруппа-214. Она осуществляет разведывательно-диверсионную деятельность в тылу советских войск.

На вопрос, что ему известно о работе абвергруппы, Шорнборн ответил:

— За четыре дня до моего пленения ко мне в разведроту приезжал из Рованиemi офицер абвера. Он осмотрел участок фронта на рубеже Западной Лицы. Из разговора с этим офицером я понял, что абвергруппа готовит заброску своих агентов на советскую сторону в ближайшее время.

Как выяснилось впоследствии, немецкая разведка готовила к заброске в расположение наших войск в районе реки Западная Лица группу хорошо подготовленных шпионов, которые были снабжены надежными документами прикрытия, оружием, усыпляющими порошками, значительными суммами денег. Один из агентов ранее проживал в Мурманске, его жилье должно было использоваться ими в качестве конспиративной квартиры.

Чтобы сорвать замыслы немецких агентов по сбору разведывательных данных о наших войсках, Особым отделом 14-й армии был разработан план дополнительных мероприятий, который предусматривал: усиление службы воздушного наблюдения, оповещения и связи на случай возможной выброски шпионов на парашютах; введение в действие новых бланков командировочных предписаний; выставление секретов на путях наиболее вероятного проникновения шпионов через линию фронта; проведение с бойцами переднего края и жителями прифронтовых районов бесед о повышении бдительности.

Вскоре принятые военными контрразведчиками 14-й армии меры доказали свою эффективность.

Как только немецкий агент Коршунов перешел нейтральную полосу, находившиеся в секрете бойцы без шума задержали его. Через два часа вражеский лазутчик вместе с изъятыми у него документами под охраной был доставлен в Мурманск.

— Я получил задачу проникнуть в Мурманск для сбора разведывательных данных, — рассказывал арестованный агент. — Надлежало узнать расположение штаба и полевого управления 14-й армии, дислокацию воинских частей, находящихся в Мурманске и его окрестностях, а также складов с военной техникой и боеприпасами. Нужно было собрать данные о находящихся в Мурманском порту военных кораблях и судах, узнать, минирован ли вход в Мурманский залив.

Также Коршунов сообщил, что в разведшколе в Вихуле он проживал с курсантами Вороновым и Прудько, которых вначале немцы планировали забросить в Мурманск вместе с ним, но потом изменили свое решение. Коршунов отметил, что Прудько до войны более пяти лет проживал в Мурманске, где работал в торговом порту.

Прочитав показания Коршунова, бригадный комиссар Клочев Н. Н. резюмировал:

— Обращает на себя внимание обилие вопросов, включенных в задание. Для сбора таких сведений одному агенту потребуется слишком много времени. Несомненно, что задание предназначалось для группы агентов. У меня лично нет сомнений, что одновременно с Коршуновым направлено, разумеется, по другому маршруту, еще несколько шпионов. Скорее всего, следует ожидать прибытия в Мурманск Воронова и Прудько. Не исключено, что они должны здесь встретиться с Коршуновым.

Последующие события подтвердили слова опытного руководителя.

Придавая исключительное значение данным о возможном появлении агентов Воронова и Прудько в Мурманске, Клочев Н. Н. возглавил всю последующую работу армейского Особого отдела по пресечению деятельности выявленной шпионской группы.

Нам с капитаном Савченко А. И. было предложено разработать мероприятия по розыску и задержанию агентов абвера. В этой работе приняли активное участие начальники подразделений Особого отдела армии капитаны Зверев Н. М. и Леваков Ф. И. Клочев Н. Н. утвердил план намеченных мероприятий, согласовал его с командованием армии.

По нашему предложению Коршунов описал внешность Воронова и Прудько. Однако, как выяснилось позднее, скрыл от нас известный ему мурманский адрес Прудько, где ему надлежало встретиться с членами разведгруппы. Коршунов опасался, что в случае задержания Воронов и Прудько расскажут военным контрразведчикам о его «работе» среди курсантов школы в качестве агента-provokatora.

В соответствии с планом розыска сотрудники Особого отдела армии Васильев Г. Н., Зайцев П. И. и Тонин М. С. направились в военную комендатуру города, на железнодорожный и морской вокзалы, в дежурную службу милиции. Розыскные мероприятия в окружении штаба армии осуществлял старший лейтенант Соловьев А. К.

Все военные контрразведчики получили ориентировку, в которой описывались внешние приметы Воронова и Прудько, указывалось, что агенты могут быть в форме военнослужащих Красной Армии, иметь при себе красноармейские книжки или удостоверения личности, командировочные предписания, продовольственные аттестаты, выписанные на другие фамилии, а также значительные суммы советских денег. Отмечалось, что разыскиваемые могут быть вооружены огнестрельным оружием.

Занимаясь розыском шпионов, мы опирались на помощь военнослужащих и гражданских лиц. Однако напасть на след удалось далеко не сразу. Попытка установить адрес, по которому Прудько до войны проживал в Мурманске, не увенчалась успехом, так как эта фамилия в документах не значилась. Только на шестой день розыска, 14 апреля 1942 года, начальник контрольно-пропускного пункта лейтенант Крикунов Н. П., проверяя документы у старшины Денисюка, обратил

внимание на его значительное сходство с одним из разыскиваемых. Предъявленное старшиной командировочное предписание было выписано на старом, уже отмененном бланке.

По заранее обусловленному сигналу на КПП прибыл Соловьев А.К. Старшина был задержан. У него были изъяты фиктивные документы, пистолет иностранного производства, советские деньги в сумме 3 тысяч рублей и 16 ампул с усыпляющим веществом.

На первом же допросе, проведенном полковником Клочевым Н.Н. с моим участием, задержанный был изобличен и признал, что является агентом абвера Прудько. Позднее он рассказал, как изменил Родине.

Не смирившись с раскулачиванием отца, имевшего зажиточное хозяйство и наемных работников-батраков, Прудько уехал из Николаевской области в Мурманск. В августе 1941 года был призван в Красную Армию и отправлен на фронт. В первом же бою с оружием перешел на сторону врага. На допросе выдал гитлеровцам сведения, составлявшие военную тайну.

Находясь в лагере военнопленных, он выслуживался перед начальством и вскоре был назначен помощником старшины лагеря. Из попавших в плен сослуживцев выдал гитлеровцам трех коммунистов.

В январе 1942 года в лагерь приехал офицер абвера. Вызывал пленных на беседу. С ним завел разговор о сотрудничестве с немецкой разведкой. Уговаривать Прудько не пришлось. Он с радостью согласился стать абверовским разведчиком. Вскоре его доставили в Рованиemi, где обучили шпионскому ремеслу. В конце марта он был переброшен через границу СССР.

Рассказывая о содержании разведывательного задания, Прудько почти слово в слово повторил показания Коршунова.

На заданный ему вопрос о напарнике Прудько ответил, что абверовцы переправили его одного.

Прервав допрос, майор Клочев Н.Н. пригласил начальников подразделений Особого отдела армии для решения неотложного вопроса.

— По показаниям Коршунова, — сказал он, — абверовцы подготовили для заброски в Мурманск трех агентов — его, Прудько и Воронова. Глубоко убежден, что у Прудько есть напарник. Скорее всего, это Воронов. Сейчас, когда мы задержали Прудько, он может затаиться или, что для нас крайне нежелательно, попытаться уйти к своим хозяевам. Продолжая активный розыск Воронова, мы должны поставить Прудько в такие условия, чтобы он назвал своего напарника и указал возможное место его пребывания.

После обсуждения различных вариантов наших дальнейших действий было принято решение: для изобличения Прудько в даче ложных показаний провести между ним и Коршуновым очную ставку.

Результат превзошел все наши ожидания. Ошеломленный появлением Коршунова, Прудько не только подтвердил его показания о подготовке трех агентов

*Младший лейтенант госбезопасности
Соловьев Андрей Кузьмич. 1941 г.*

Начальник ОКР «Смерш» 7-й воздушной армии Карельского фронта полковник Ландышев С.Н. (справа) и его заместитель подполковник Чижевский Т.А. 1944 г.

Медаль «За оборону Советского Заполярья»

абвера для направления в Мурманск, но и рассказал, что прибыл в город не один, а вместе с Вороновым, назвал адрес, где остановился его сообщник.

Группа захвата во главе с капитаном Савченко А.И. немедленно направилась по указанному адресу. Воронова на месте не оказалось. Военные контрразведчики оставили на квартире засаду.

Воронов появился к исходу дня. Он был в гражданском костюме. Члены группы захвата по приметам опознали его и задержали. При обыске у Воронова были изъяты пистолет с патронами, 18 ампул с усыпляющим веществом, поддельные документы на имя красноармейца Аистова. В дополнение к этому были обнаружены советские деньги в сумме 1300 рублей и комплект красноармейского обмундирования.

Улики были настолько неопровержимы, что Воронов на первом же допросе, который вели капитан Савченко А.И. и старший лейтенант Соловьев А.К., признал себя виновным в шпионаже в пользу фашистской Германии.

Воронов вырос в семье служащего, осужденного на семь лет лишения свободы за крупную растрату. В начале войны, находясь в рядах Красной Армии, он попал к фашистам в плен. В лагере, где много пленных умирало от голода, тяжелого труда и истязаний, Воронов познакомился и наладил хорошие отношения с одним военнопленным, который знал немецкий язык и пользовался доверием у лагерного начальства. Вскоре, после беседы с приезжавшим в лагерь офицером абвера, этот пленный куда-то исчез.

Прошло не более трех недель, как офицер из военной разведки вновь появился в лагере. В беседе с Вороновым он предложил ему выбор: либо гибель от голода

и непосильного труда в лагере, либо учеба в разведшколе. Воронов согласился стать агентом абвера. Его отвезли в разведывательно-диверсионную школу в Вихулу, где он встретил своего знакомого по лагерю, ставшего курсантом Коршуновым.

Воронов рассказал военным контрразведчикам о своей учебе в разведшколе, об отъезде вместе с Коршуновым в Рованиemi, о подготовке трех агентов абвергруппы-214 для очень трудного рейда в Мурманск. К сказанному добавил, что он был переправлен на советскую сторону вместе с Прудько. Они благополучно добрались до Мурманска, где остановились на квартире, в которой до войны жил его поделник.

На одном из допросов Воронов сообщил, что в лагере военнопленных и в разведшколе в Вихуле Коршунов сообщал начальству об антифашистски настроенных лицах.

На проведенной очной ставке с Вороновым Коршунов признал, что действительно выполнял поручения администрации лагеря, а затем и разведшколы по выявлению лиц, способных нанести ущерб разведывательным органам гитлеровской Германии. Коршунов также сообщил, что по указанию администрации вел постоянное наблюдение за своими напарниками Вороновым и Прудько.

В ходе следствия были получены обстоятельные данные о деятельности абвергруппы-214 и ее учебного центра, о работавших в них официальных сотрудниках, а главное — о разведчиках-диверсантах, подготовленных к заброске в тыл войск Карельского фронта. Все это помогло военным контрразведчикам лучше организовать работу по своевременному задержанию и обезвреживанию вражеских шпионов и диверсантов.

За успешное выполнение заданий командования по борьбе с фашистской разведкой Военный совет 14-й армии представил полковника Клочева Н. Н. и автора этих строк к награждению орденами Красного Знамени. Капитана Савченко А. И. и старшего лейтенанта Соловьева А. К. наградили орденами Красной Звезды. Несколько контрразведчиков были отмечены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В суровую военную пору сотрудники особых отделов Карельского фронта с честью выполнили возложенные на них задачи. «Героическая защита Заполярья войдет в историю нашего народа как одна из самых ярких, запоминающихся страниц, — писала газета «Правда» 6 декабря 1944 года. — Здесь враг был остановлен осенью 1941 года. Здесь находится участок, где врагу в течение всей войны не удалось перешагнуть линию нашей государственной границы». В победу советских войск на севере нашей страны внесли достойный вклад военные контрразведчики 14-й армии и всего Карельского фронта.

*Чижевский Тимофей Анисимович.
Художник Сайбаталов Х. Г. Ленинград, 1985 г.*

АГЕНТ-«СИГНАЛЬЩИК»

Из воспоминаний капитана 1-го ранга Веселова Михаила Николаевича.

Родился в 1915 году в дер. Кирюшино Костромской губернии в семье крестьянина-середняка. В 1930 году окончил неполную среднюю школу.

С 1930 по 1935 год трудился секретарем-счетоводом колхоза «Ленинский путь».

С 1936 по 1937 год — на общественно-политической работе.

В 1941 году окончил Военно-морское училище НКВМФ (г. Ленинград). В этом же году прошел месячные курсы при Особом отделе НКВД КБФ, после чего продолжил службу в военной контрразведке. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности оперуполномоченного Особого отдела НКВД КБФ.

С 1942 по 1945 год — оперуполномоченный / старший оперуполномоченный Особого отдела НКВД — ОКР «Смерш» Военно-морской ордена Ленина академии имени К. Е. Ворошилова.

С 1947 года на оперативных и руководящих должностях в особых отделах Ленинградского военного округа и Северного флота. Вышел в отставку в 1971 году с должности начальника Особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по Мурманскому военно-морскому гарнизону.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

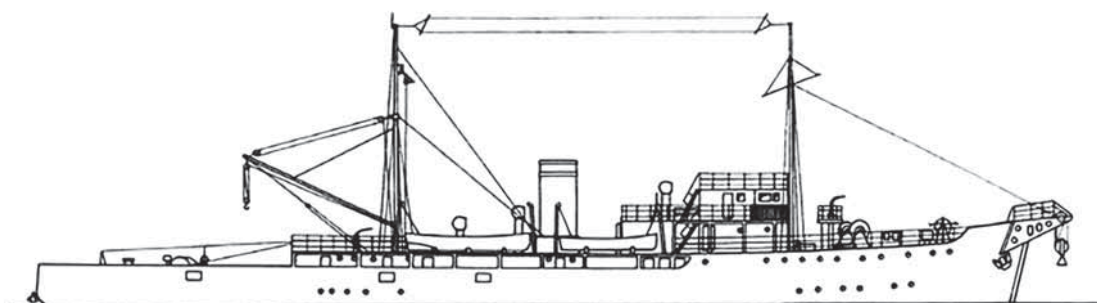
С декабря 1941 до мая 1942 года, в самую тяжелую блокадную зиму, мне довелось вести контрразведывательную работу на кораблях Экспедиции подводных работ особого назначения. Размещался я тогда на спасательном корабле «Нептун» у моста Лейтенанта Шмидта на реке Неве.

Обстановка была сложная, враг засылал в Ленинград сигнальщиков, распространителей слухов, которые проникали в осажденный город под видом беженцев — выходцев из окружения.

Однажды ко мне обратился мичман с «Нептуна» и рассказал, что в первые месяцы войны к его жене в Ленинград приехал брат, как и она, финн по национальности.

Ордена Трудового Красного Знамени Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН) — государственная организация, занимавшаяся в СССР подъемом кораблей, судов, подводных лодок и другими подводными работами.

Создана приказом Председателя ОГПУ при СНК СССР № 528 от 17 декабря 1923 года. До 1931 года находилась в ведении ОГПУ, затем передана в Народный комиссариат путей сообщения, в 1936 году — в Народный комиссариат водного транспорта, в 1939 году — в Народный комиссариат морского флота. В 1941 году ЭПРОН передана в состав ВМФ, в 1942 году — преобразована в Аварийно-спасательную службу Военно-Морского Флота.

Спасательное судно «Нептун». Спущено на воду 23 февраля 1939 г., вошло в состав плавсредств ЭПРОН 28 декабря 1940 г. С началом Великой Отечественной войны включено в состав аварийно-спасательных сил Краснознаменного Балтийского флота

С некоторых пор они с женой стали замечать, что этот родственник тайком проникает на чердак, как правило по ночам. Мичману удалось незаметно осмотреть чердак, где он обнаружил тайник с револьвером, ракетницей, сигнальными патронами и какими-то бумагами, которые он не читал. Поскольку было известно, что фашистское командование при бомбежках и артобстрелах Ленинграда активно использовало авианаводчиков и корректировщиков огня, которые запускаемыми ракетами, особенно в ночное время, указывали вражеским самолетам наиболее важные объекты, сообщению мичмана было уделено особое внимание и приняты меры к его проверке.

Приглашенная на беседу жена мичмана призналась, что ее брат в беседах неоднократно отмечал, что ждет прихода немцев в Ленинград, чтобы, как он заявлял, «вешать и расстреливать коммунистов». С санкции прокурора был проведен обыск

Медаль «За оборону Ленинграда»

*Капитан 1-го ранга
Веселов Михаил Николаевич. 1975 г.*

на чердаке, где были обнаружены не только револьвер и ракетница, но и список руководящих партийных работников Ленинграда с их адресами.

Арестованный брат жены мичмана сознался, что по заданию немецкого командования при авианалетах указывал из ракетницы немецким пилотам на важные объекты военной и гражданской инфраструктуры города, а списки коммунистов хранил, чтобы передать их фашистам, когда те придут в Ленинград.

Обстоятельства разоблачения агента-«сигнальщика», ждавшего прихода немцев, были доведены личному составу на сборах командиров и политработников частей Ленинградского гарнизона как пример проявления политической бдительности. Я был горд, что крупица моего труда стала вкладом в общее дело.

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

О деятельности советского разведчика Гоменюка Степана Дмитриевича в тылу врага рассказывает полковник Леонов Иван Яковлевич.

Иван Яковлевич родился в 1915 году, в дер. Афанасово Московской губернии.

В 1938 году окончил педагогический институт, работал учителем. С началом Великой Отечественной войны после непродолжительной учебы стал сотрудником органов военной контрразведки Карельского фронта. Участвовал в обороне Заполярья и Карелии. Затем более 25 лет находился на руководящей работе в Центре и Особом отделе Ленинградского военного округа.

В 1956 году заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1969 года — на административной и партийной работе в одном из центральных издательств Ленинграда. Долгое время являлся председателем Совета ветеранов военной контрразведки Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов, вел большую общественную работу.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Морозной зимой 1941 года сводный отряд из бойцов Беломорского гарнизона несколько дней и ночей преследовал в карельских лесах диверсантов. Вражеская группа была разгромлена.

Наутро капитан Чижов, командир отряда, провел подробный разбор действий подразделения.

Красноармейцы расходились, живо обсуждая подробности поиска и боя. К командиру отряда подошел один из бойцов — высоколобый, с внимательным взглядом из-под бровей вразлет:

— Красноармеец Гоменюк. До войны я любил читать книги о наших разведчиках, действующих в тылу врага. Я думаю, что если у фашистов есть шпионские школы, то разве не могут проникнуть туда и наши разведчики?

— А как вы считаете, возможно ли это? — спросил капитан.

— А почему бы и нет?

— В принципе вы правы.

Гоменюк Степан Дмитриевич родился в 1910 году на Украине, войну начал в партизанском отряде НКВД «Папанинцы». В середине декабря 1941 года отряд был переподчинен Особому отделу Карельского фронта, где на его базе сформировали диверсионно-разведывательную группу в количестве 20 человек.

После нескольких рейдов в тыл противника отряд потерял более половины личного состава и был расформирован. Один из его наиболее подготовленных бойцов — Степан Гоменюк, обладавший необходимыми качествами для участия в проведении зафронтовых операций, — был отобран для внедрения в финские разведывательные органы.

За успешное выполнение ответственных заданий военной контрразведки Карельского фронта в тылу врага, проявленные при этом стойкость и мужество Степан Дмитриевич отмечен государственными наградами. В послевоенные годы он неоднократно поощрялся за успехи в мирном труде и большую работу по патриотическому воспитанию молодежи.

он неоднократно поощрялся за успехи в мирном труде и большую работу по патриотическому воспитанию молодежи.

Учётно-послужной лист

Наименование и № военно-учётной специальности	1.	Лист №	6-1814
Ф.	Гоменюк	И.	Степан
О.	Дмитриевич	Пол.	Мр.
Год рожд.	1910	Национальность	Укр.
Осен. гражд. спец.	Спец.	Партийность	Чл.
Родной язык	Украинский	Знание других языков	
Грамотность, Облик или специальная образованность	Ск 7 кл.		
Когда, наем РВК, какой области призван, мобилизован (последний раз)	Ноябрь 1942г. Архангельский РВК. Архангельская обл.		
Продолжительность службы в Красной Армии, до мобилизации, призыва. Откуда прибыл в часть. № красноармейской книжки. Время призыва.	С.Р.И.С.В. Ш.Л.В.В. 1942 г.		
Был ли в плену и окружении (с какого по какое время). Имеет ли близких родственников находящиеся или находившиеся в плену, в танке угнанных с их местожительства (наименование об их судьбе)	Нет		
Место рождения и адрес постоянного местожительства до ухода в армию. Домашний адрес. Ф. И. О. жены или отца или матери. Возраст детей	г. Рыбная Слобода, Архангельский р-н с. Коменца. д. № 1. Таштагольский р-н Архангельская обл. Жена: Ульяна Васильевна Гоменюк 1910 г.р. 4 детей		
Форм. № 1/73 0 м.л. 491-х/90	Учит управляет автомашиной, гусеничным трактором, мотоциклом, ездит на велосипеде, водит, провешивать и ухаживать за лошадью, Пилой, фанкультурой. Знает средства связи - проволокой, развед. Сигнальщик (сужное подчеркнуть)		

Учетно-послужной лист красноармейца Гоменюка С. Д.
(Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации)

*Группа военных контрразведчиков Особого отдела Карельского фронта
(слева направо: Смирнов Н. Т., Катала П. А., Холево С. И., Калинин И. С.). 1942 г.*

О разговоре с красноармейцем Гоменюком С. Д. капитан Чижов доложил своему начальнику, подполковнику Холево С. И., возглавлявшему одно из ведущих подразделений Особого отдела Карельского фронта.

Опытный контрразведчик Холево Семен Иванович, побеседовав с Гоменюком С. Д., заинтересовался им как возможным кандидатом в зафронтовые агенты Особого отдела. Предложил ему рассказать о себе.

«Родился я в 1910 году на Украине, в бедной крестьянской семье, — начал Гоменюк Степан Дмитриевич, — рано остался без отца. На руках у матери было трое детей. Учиться пошел поздно. Окончив школу-семилетку, уехал на заработки в Ленинград, работал на заводе «Большевик».

После окончания срочной службы в армии по оргнабору направился на Север. Устроился на работу заведующим почтовым отделением.

Жизнь налаживалась, я добросовестно работал, много читал, занимался спортом, оказывал матери помощь деньгами. Но случилась беда. В почтовом отделении оказались нечистоплотные люди. Воспользовавшись тем, что я слабо контролировал их работу, они совершили крупную растрату государственных средств. За это я был осужден на 2 года заключения в исправительно-трудовом лагере. Работал в лагере старательно и был освобожден досрочно. Вскоре началась война, меня призвали служить в армию, распределив в воинскую часть, расположенную в Беломорске».

В ходе следующей встречи подполковник Холево С. И. предложил Гоменюку С. Д. после соответствующей подготовки отправиться в тыл врага с целью

*Петрозаводская школа финской разведки.
Рисунок бывшего курсанта школы Анжудовича А. В. 1942 г.
(Фото из архива УФСБ России по Республике Карелия)*

внедрения в одну из разведывательных школ противника. Степан Дмитриевич согласился.

Вскоре план направления Гоменюка С. Д. в тыл врага со специальным заданием Особого отдела фронта был утвержден. Советский разведчик «Ленинградец» отправился за линию фронта.

С трудом преодолевая встречный ветер, забивавший глаза снегом, Гоменюк С. Д. медленно шел вперед. Увидев сваленное дерево, присел на него, осмотрелся. Метель затихла, начинало светать. В полусотне шагов от себя он заметил несколько солдат противника.

Вспомнив инструктаж военных контрразведчиков, Степан поднял руки с зажатым в одной из них белым платком и зашагал к переднему краю вражеской обороны. Гоменюка С. Д. доставили в штаб, где его начал допрашивать капитан, свободно владевший русским языком:

— Что вас заставило перейти на нашу сторону?

— В почтовом отделении, где произошла растрата, я работал заведующим. И хотя я лично этого преступления не совершал, меня судили вместе с растратчиками. В результате я попал в исправительно-трудовой лагерь. Советская власть нанесла мне незаслуженную тяжелую обиду, и воевать за такую власть я не хотел и не хочу. Поэтому я здесь.

Сначала Гоменюк С. Д. был помещен в лагерь для военнопленных. После проверки его, по секрету от других обитателей барака, вызвали в канцелярию лагеря.

— Как вам тут живется, господин Гоменюк? — усадив «перебежчика» напротив себя, спросил моложавый майор.

Майора интересовало буквально все: места, где работал, его родственники, служба в Красной Армии, судимость и пребывание в заключении, обстоятельства перехода через линию фронта.

*Офицеры мобильного разведцентра «Раски» (Osasto Raski), названного по фамилии возглавившего его капитана Рейно Раски (третий слева).
Влади Мармо — третий справа. 1941 г.*

Закончив беседу с Гоменюком С. Д., майор сказал:

— Я доволен. Подумаю, как облегчить ваше положение.

Майор сдержал слово. Не прошло и недели, как расторопный лейтенант, действовавший по его распоряжению, скрытно вывез Гоменюка С. Д. из лагеря военнопленных и поселил его в небольшом домике на окраине оккупированного Петрозаводска.

Здесь Степан отдыхал в буквальном смысле этого слова. Целыми днями, валяясь на койке, он рассматривал иностранные журналы с красочными иллюстрациями, читал брошюры, напечатанные на русском языке. Все эти пропагандистские материалы приносил ему одетый в штатское платье офицер финской разведки, отрекомендовавшийся капитаном Мармо. Этот офицер, хорошо говоривший по-русски, ежедневно под вечер навещал Гоменюка С. Д., интересовался его самочувствием, спрашивал, нет ли у него жалоб на питание, на отношение к нему обслуживающего персонала.

Как-то раз капитан Мармо в обычное время не явился. А ночью в комнату Гоменюка С. Д. ввалились два солдата, разбудили, сунули в руки одежду, показали на дверь. Во дворе втолкнули в кузов крытого грузовика, куда-то повезли. Степан заметил, что следом за грузовиком идет легковой «Опель».

У оврага машины остановились. Солдаты вывели Гоменюка С. Д. на небольшую поляну. К ним подошел приехавший на «Опеле» капитан Мармо, кивнул одному солдату. Тот принес лопату и лом. Капитан запрокинул голову, потянул носом воздух, крикнул:

— Чудная ночь, Гоменюк, а? Кому в такую весеннюю ночь хочется умирать? Но будем говорить начистоту. Как ни прискорбно, вы оказались советским разведчиком. Об этом свидетельствует тщательная проверка. Мне приказано вас расстрелять. И все же я хочу предоставить вам выбор. Жизнь будет дарована в случае, если вы

откровенно расскажете, с каким заданием прибыли к нам. Все. Думайте. На это я даю вам две минуты. Не больше.

Ну?! — Капитан придвинулся ближе, пристально глядя в освещенное фонариком бледное лицо Гоменюка С. Д. — Больше ждать нет смысла.

По команде офицера солдат завязал Степану глаза.

Потянулись томительные мгновения страшного ожидания. Наконец раздались выстрелы. Степан не сразу поверил, что остался жив. Пришел в себя, когда к нему подошел офицер. «Маленькая проверочка», — беспечным тоном объявил он, указывая на только что устроенную им инсценировку расстрела.

В разведшколу, размещавшуюся в двухэтажном доме в центре Петрозаводска, Гоменюка С. Д. привел капитан Мармо. Как выяснилось, он являлся помощником начальника школы.

— Сейчас вы пойдете на прием к нашему начальнику майору Раски, — объявил капитан Гоменюку С. Д.

— Я достаточно информирован, — начал майор, — и не буду лишним раз затруднять вас пересказывать свою биографию заново. Единственный вопрос, который я намерен уточнить: в силу каких причин вы изъявили свое согласие на сотрудничество с нашей разведкой?

— Вы, господин майор, очевидно, знаете, что я добровольно перешел на вашу сторону, не желая воевать за Советскую власть, которая нанесла мне неза заслуженную обиду, искалечив всю мою жизнь. Это и есть ответ на ваш вопрос.

— Отлично. У вас есть вопросы ко мне?

— Вопросов нет.

— С сего дня вы не Степан Гоменюк, а Александр Морозов. О вашей настоящей фамилии никто не должен знать.

Вскоре в школе начались регулярные занятия.

С первых дней учебы Гоменюк С. Д. обратил внимание на царившую в школе обстановку недоверия и страха. Преподаватели, инструкторы, обслуживающий персонал следили за каждым шагом курсантов. За малейшее нарушение установленного режима курсанты строго наказывались. Групповые сборы, доверительные беседы не разрешались. Часто распространялись различные провокационные слухи с целью выявления среди курсантов лиц, оставшихся в душе советскими патриотами. Руководство школы поощряло антисоветски настроенных курсантов.

Гоменюк С. Д. испытал это на себе. Его соседом по комнате был невысокого роста блондин с мелкими чертами лица и белесыми бровями. При знакомстве назвал себя Комаровым.

Как-то перед отбоем Комаров, правда весьма осторожно, высказал ему, курсанту Александру Морозову, сомнение в окончательной победе Гитлера и Маннергейма над Советским Союзом. Разведчику стало ясно, что Комаров — провокатор.

— А я думаю, что они в конце концов выигрывают войну, — спокойно заметил Гоменюк С. Д. — Тогда и мы с тобой окажемся на высоте.

— Ты, пожалуй, прав, — согласился Комаров.

Через день администрация школы переселила его в другую комнату. «Закончилась еще одна проверка “преданности” курсанта Морозова нынешнему начальству», — с удовлетворением подумал Гоменюк С. Д.

Тем временем советский разведчик приступил к выполнению полученного задания. Он знакомился с курсантами, внимательно присматривался к ним, старался узнать их прошлое, настоящие имена и фамилии, в каких частях Красной Армии они служили до пленения, запоминал внешние приметы каждого из будущих шпионов.

«Надо бы обо всем, о будущих шпионах и диверсантах передать чекистам. Но как это сделать? Через кого?» — напряженно думал Гоменюк С. Д.

Однажды его новый сосед по комнате, простодушный, добрый, но не всегда выдержанный курсант Курчавый, обмолвился, что «скоро Лосев будет на той стороне». Со слов Курчавого Гоменюк С. Д. знал, что оба они содержались в одном лагере для военнопленных, дружили там, но в разведшколу пришли в разное время — вначале Лосев, затем Курчавый.

Сейчас, когда товарищ Курчавого — выпускник разведшколы Лосев идет на задание, Гоменюк С. Д. решил получить точный ответ на этот вопрос.

Для начала он тщательно проанализировал поведение Курчавого, отметив, что ни разу не слышал от него антисоветских высказываний.

Гоменюк С. Д. решил пойти на риск. Случай представился неожиданно. Проходили ночные прыжки с парашютом. У одного из курсантов парашют не раскрылся. Он упал в самом центре полигона. Степан и Курчавый оказались поблизости. Подбежали к погибшему. Следом подошел инструктор. Он грубо выругался.

Курчавый скрипнул зубами, отошел в сторону. До Степана донеслось из темноты: — Сволочи. Хотят, чтобы мы за них свои жизни не жалели, шли против своих.

Гоменюк С. Д. догнал его, тихо спросил:

— Ты для инструктора ругался или для меня?

Курчавый резко остановился, подступил к Степану:

— Доносить собрался? Иди, докладывай!

— Может быть, ты скажешь, кого я выдал?

— Пока нет. Но, говорят, ты перебежчик. Так это или нет?

— Перебежчики бывают разные. А ты почему из лагеря в школу пошел? Жить хотел! А клеймо шпиона? Я замечаю, ты теперь об этом крепко думаешь. Так знай: чтобы смыть этот позор, есть только один путь — не скулить, действовать против врагов.

Курчавый долго молчал.

— Кто ты такой? — наконец спросил он.

— Разве не видишь? Советский патриот, как и ты.

— А может, наоборот, хитрый провокатор.

— Мы живем с тобой в одной комнате не первый день. — Степан положил свои руки на плечи Курчавого. — Разве я похож на провокатора?

— Ну хорошо. Объясни, чего ты хочешь?

— Я знаю, что Лосев твой друг. Он уходит на задание в советский тыл. Поговори с ним, убеди явиться к своим с повинной. Запомни, что это единственно верный путь для тех, кто оказался здесь, в разведшколе.

Вечером Курчавый сообщил Степану, что его друг согласен.

— Очень хорошо! — обрадовался Гоменюк С. Д. — Тогда повидай его еще раз и расскажи о том, что он должен передать армейским чекистам.

Курчавый выполнил и эту просьбу Степана Гоменюка.

Время шло. Программа знаний в разведывательной школе, рассчитанная на три месяца, подходила к концу. Из агентов очередного выпуска первым к начальнику школы был вызван Гоменюк С. Д.

Майор Раски принял его в присутствии капитана Мармо.

— Через три дня мы выпускаем ваш курс, — сказал шеф, — а еще через три дня намерены переправить вас к русским. Задание — диверсионного характера. О деталях вас проинструктируют. До выброски в тыл противника будете жить в другом корпусе вместе с радистом. Он полетит вместе с вами, но у него самостоятельное задание.

*Немецкий гидросамолет Heinkel He 59 финских ВВС. 1943 г.
Гидросамолеты этой модели активно использовались финской военной разведкой
для заброски агентурных групп на территорию Советской Карелии*

Радист оказался мрачноватым, неразговорчивым человеком. Он не докучал Степану никакими вопросами. За день до выхода на задание радист заболел. Ночью он бредил, называл кого-то «товарищ майор», рассказывал о разведывательной школе, об администрации и выпускниках школы.

Утром подошел к Степану:

— Ночью мне пришлось туго, был жар. Надо сходить к врачу. Не слышал, я тут... не бредил, часом?

— Не знаю. Я сразу же уснул.

Радист пошел умываться, Степан обшарил карманы его куртки. В записной книжке оказалась фотография молодой женщины. На обороте — автограф, написанный латинскими буквами. «Еще одна проверка», — решил Гоменюк С. Д.

Через полчаса он уже докладывал майору Раски о том, что говорил «в бреду» заболевший радист. Выслушав его, шеф школы заметил:

— Вам, Морозов, повезло, если бы не эта случайность, все могло бы кончиться для вас печально. Мы, разумеется, примем надлежащие меры.

На следующий день начальник разведшколы вновь вызвал Гоменюка С. Д. к себе. На этот раз в его кабинете находился майор, который «вызволил» советского разведчика из лагеря военнопленных.

Офицеры поинтересовались, готов ли Гоменюк С. Д. к выполнению ответственного задания в тылу русских войск. Получив положительный ответ, майор Раски перешел сразу к делу:

— Задание состоит из двух частей. Первое: проникнуть в Беломорск, уточнить местонахождение штаба Карельского фронта и воинских частей, размещенных в городе, а также собрать сведения об установленном в городе режиме. Второе: используя командировочное удостоверение и другие документы, которые вам будут выданы, войти в здание штаба фронта и подложить в удобном месте взрывное устройство с часовым механизмом.

Родная земля встретила Степана чудесным июньским рассветом. Он благополучно приземлился. Проследив, куда опускался парашют с грузом, свободно вздохнул, припал к земле. С трудом сдержал наворачнувшиеся на глаза слезы.

Поздно вечером Степан подошел к дому, в котором располагался Особый отдел Карельского фронта.

Часовой доложил подполковнику Холево С. И. о прибытии бойца с пакетом на его имя. Встретились в кабинете. Семен Иванович поздравил Степана с благополучным возвращением, засыпал вопросами:

— Как самочувствие? Где приземлились? Как добрались? С чем прибыли?

— Привез подарочек, чтобы поднять на воздух штаб фронта, — с серьезным видом доложил Степан, доставая из рюкзака взрывное устройство.

— Вот чего они захотели!

Около двух часов Гоменюк рассказывал о своем пребывании в логове врага, об активной деятельности разведшколы противника, о данном ему разведывательно-диверсионном задании.

На основании информации, полученной от разведчика Особого отдела, командование Карельского фронта приняло ряд важных решений.

Для укрепления положения нашего разведчика в стане врага решили имитировать совершение Гоменюком С. Д. «по собственной инициативе» диверсии на военных складах, расположенных на окраине Беломорска. Идею этой инсценировки выдвинул командующий фронтом. «Несколько дней назад, — сказал он, — у нас освободились склады из-под снарядов. Следует заминировать их в двух-трех десятках мест, заложить туда побольше дымовых шашек и поджечь. Пожар складских помещений и взрывы мин создадут полную видимость совершения диверсионного акта».

После «совершения диверсии» в Беломорске Гоменюк С. Д. еще два дня находился в Особом отделе фронта. За это время он доложил о добытых им сведениях, о деятельности разведшколы, ее структуре, методах обучения, о руководящем составе, преподавателях, инструкторах и особенно об агентах, подготовленных к выброске в тыл советских войск со шпионско-диверсионными заданиями.

Все эти данные имели большое значение для организации целенаправленной контрразведывательной работы по пресечению подрывной деятельности вражеской агентуры в тылу советских войск.

29 июня 1942 года военные контрразведчики Карельского фронта переправили Гоменюка С. Д. через линию фронта. На переднем крае вражеской обороны он был задержан и доставлен в город Медвежьегорск.

Прошло совсем немного времени, как агент Морозов уже ехал в сопровождении лейтенанта на машине, присланной майором Раски. Лейтенант доставил его в поселок Коссалма, находившийся в 35 километрах от Петрозаводска. Туда недавно передислоцировалась разведывательная школа, в стенах которой Гоменюк С. Д. в течение трех месяцев осваивал шпионско-диверсионные науки. В здании бывшего дома отдыха, расположенного на берегу озера, Гоменюку С. Д. выделили отдельную комнату.

Не прошло и часа, как его вызвал к себе шеф школы.

Майор Раски усадил агента в кресло, поздравил с благополучным прибытием.

— Расскажите, как прошел рейд, удалось ли вам выполнить наше задание?

— Да, я считаю, что удалось. Правда, с некоторыми изменениями.

Агент доложил шефу, как он выполнил полученное задание: во-первых, выяснил, что штаб Карельского фронта передислоцировался, однако новое место его расположения узнать, к сожалению, не удалось. Но адскую машину он по собственной

*Награждение курсанта Петрозаводской школы финской разведки.
Берег озера Шотозеро, Карелия, 1943 г.*

*Медаль «За заслуги»,
которой руководство финского
разведцентра наградило
Гоменюка С. Д.*

инициативе все же пустил в дело, подложив ее к стене большого склада с боеприпасами на окраине Беломорска. В результате взрывов и пожара этот важный военный объект был полностью уничтожен.

Во-вторых, он, подвергая себя большому риску, сумел разведать, какие воинские части входят в настоящее время в состав Беломорского гарнизона, что нового внесено в правила передвижения военных и гражданских лиц по городу.

Майор Раски внимательно выслушал агента, задал ряд уточняющих вопросов и, выразив удовлетворение его докладом, вызвал к себе капитана Мармо.

— Агент Морозов в полной мере оправдал наше доверие, — заявил он. — Запишите все, что он выяснил о Беломорском гарнизоне. А главное — срочно составьте подробную схему окраины города, где размещался взорванный военный склад.

Через несколько дней Гоменюка С. Д. неожиданно вызвали в кабинет начальника школы. Майор Раски строго посмотрел на своего агента.

— Смотрите сюда. — И майор показал Степану крупную фотографию с изображением какой-то местности. — Где следы взорванного и сожженного вами склада? Их нет! Все, что вы мне докладывали, — чистая выдумка!

Степан сообразил, что на фотографии у майора снято не то место, где в действительности находился уничтоженный склад боеприпасов.

— Я взорвал склад! — твердо заявил Гоменюк С.Д. — И хочу объяснить вам, почему на фотографии нет следов диверсии. Ваши летчики сфотографировали не то место. Я прошу вас повторить проверку моих сведений о диверсии.

Решительный тон Степана, видимо, подействовал на майора.

— Хорошо, — негромко сказал он. — Я все это проверю еще раз.

Повторная авиаразведка подтвердила данные Гоменюка С.Д. об уничтожении военного склада. Обвинение, выдвинутое шефом разведшколы в его адрес, было снято. Более того, через несколько дней после ознакомления с отчетом своего агента о результатах разведывательного рейда майор Раски объявил Гоменюку:

— Мы положительно оцениваем работу, проделанную вами по нашему заданию в Беломорском гарнизоне. За проявленные вами мужество, инициативу и находчивость вышестоящее командование наградило вас медалью «За заслуги».

Положение советского разведчика в стане врага заметно укрепилось. Ему было предложено остаться на работе в учебном разведцентре противника.

Став инструктором, Гоменюк С.Д. получил право свободного передвижения не только по поселку, он мог даже выезжать в Петрозаводск. Неизмеримо умножились его контакты со всем личным составом школы. Все это значительно расширило возможности разведчика по выполнению задания Особого отдела. Он постарался как можно лучше использовать их в интересах борьбы с врагом.

Летом 1944 года войска Карельского фронта провели Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию, освободили столицу Карелии. Поспешно отступая, администрация разведшколы вывезла с собой некоторых наиболее ценных агентов. В их числе оказался советский разведчик Гоменюк С.Д.

Позднее, когда ему удалось вернуться на Родину, Степан Дмитриевич представил в советскую военную контрразведку ценные сведения о деятельности разведывательных органов противника, об известных ему официальных сотрудниках, особенно агентах вражеской разведки, заброшенных или подготовленных к заброске на территорию нашей страны с подрывными заданиями. На основании этих данных органы госбезопасности обезвредили немало вражеских шпионов и диверсантов.

*Советский разведчик Гоменюк Степан Дмитриевич.
Художник Сайбаталов Х.Г. Ленинград, 1983 г.*

ОБОРОНЯ ОДЕССУ

Из воспоминаний генерал-майора Иванова Леонида Георгиевича.

Родился в 1918 году в с. Чернавка Тамбовской губернии, в семье счетовода. В 1937 году окончил среднюю школу и поступил в Академию связи имени В.Н. Подбельского. Со второго курса направлен на работу в органы НКВД. В июле 1940 года окончил Московскую школу ГУГБ НКВД. В довоенные годы проходил службу на различных должностях в УГБ УНКВД УССР по Черниговской области. С началом Великой Отечественной войны по личному ходатайству перевелся в военную контрразведку, где был назначен на должность старшего оперуполномоченного 3-го отдела Одесского военного округа, затем Особого отдела Отдельной Приморской армии и Одесского оборонительного района. После эвакуации войск из Одессы воевал в Крыму и Сталинграде. В дальнейшем служил в ОО НКВД — ОКР «Смерш» 51-й армии. С января 1944 года — начальник отделения ОКР «Смерш» 5-й ударной армии Сталинградского, Юго-Западного, Южного, 3-го и 4-го Украинских и 1-го Белорусского фронтов.

В послевоенные годы занимал руководящие должности в УКР МГБ СССР по ГСОВГ, УКР МГБ СССР по Киевскому военному округу, 3-м Управлении КГБ при Совете Министров СССР, особых отделах КГБ при Совете Министров СССР по Прибалтийскому, Киевскому, Московскому военным округам и Южной группе войск.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, четырьмя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Одессы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В Одессу я прибыл 14 июля. Город выглядел абсолютно мирным: работали магазины, кинотеатры, кафе, на улицах продавали воду и мороженое. И только первая бомбежка города, случившаяся вскоре после нашего прибытия, резко изменила его. Вскоре немецким летчикам удалось разбомбить в городе несколько важных зданий и объектов. Было повреждено здание обкома партии,

некоторые портовые сооружения, выведен из строя водопровод. Штаб Приморской армии располагался в подземном хранилище пивоваренного завода.

Из этого хранилища вел 800-метровый подземный переход в соседнее здание морского училища, где располагались вспомогательные службы армии.

Несмотря на усилия врага, предполагавшего завоевать господство в воздухе, ему это не удалось. Противовоздушную оборону города вел единственный авиационный полк Одесского оборонительного района — 69-й истребительный.

Боевые действия этого полка в осажденном городе были беспрецедентны. Летчикам приходилось взлетать в непосредственной близости от линии фронта, под постоянным обстрелом артиллерии противника. За два месяца на аэродромах базирования полка разорвалось более 1 тысячи снарядов.

Сражаясь на И-16 до самой эвакуации из Одессы, летчики полка сбили 94 самолета и 3 планера противника. Еще 20 машин было уничтожено на вражеских аэродромах.. <...>

Обстановка значительно изменилась, когда противник приблизился к городу. Исчезли благодущие и беззаботность, на многих улицах города появились баррикады. В основном они сооружались из наполненных песком мешков. В каждой баррикаде оставлялся узкий проезд для транспорта.

Вскоре появились и трудности с питьевой водой. Водонасосная станция, обслуживавшая Одессу, находилась в Беляевке, в 30 километрах от Одессы, которая уже была захвачена немцами.

При продвижении противника к Одессе возникла угроза ее блокады, а затем и полного окружения. В этих условиях начальник Особого отдела Одесского военного округа полковник Пименов собрал весь оперсостав и сообщил, что в связи с угрозой окружения Одессы Особый отдел округа эвакуируется в тыл. В городе создается Особый отдел Приморской армии.

Сооружение баррикад на улицах Одессы. 1941 г.

Одесса была, есть и будет советской!

Надо было решить вопрос: кто остается в Одессе? Полковник Пименов предложил решить этот вопрос добровольно. Я одним из первых поднял руку.

В Особом отделе Приморской армии, а затем и Одесского оборонительного района я был старшим оперуполномоченным. В моем оперативном обслуживании находились узел связи и полк связи.

На узле связи техника в основном состояла из аппаратов типа СТ-35 и Бодо. Работали на узле связи молодые девушки-одесситки. Через них проходила вся информация с передовой, а на передовую шли приказы командования, через них же поддерживалась бесперебойная связь с Москвой. Короче говоря, девушки на узле связи располагали большим объемом секретной информации. Поэтому с ними проводилась большая работа, направленная на сохранение в тайне известных им сведений, велась борьба с болтовней, предупреждались сомнительные связи. В ряде случаев с некоторыми из них были проведены профилактические беседы. Были выявлены и задержаны несколько лиц, тайно следивших и пытавшихся проникнуть на территорию узла связи.

Как работник Особого отдела армии, я не раз бывал на передовых позициях и в особых отделах дивизий.

Особенно мне запомнилась поездка в знаменитую 25-ю Чапаевскую дивизию, которая держала оборону в районе Дальника. Там по воле случая я принял непосредственное участие в боевых действиях. Шел тяжелый упорный бой, и то, что я тогда увидел, запомнилось мне на всю жизнь. Был солнечный яркий день, цвели сады, где находились позиции дивизии, а вокруг нас постоянно, на протяжении двух часов, через каждые пять–десять секунд рвались мины. Там в кровопролитной, но успешной атаке я видел моряков, переведенных с боевых кораблей и включенных в состав пехоты. Одеты они были как все пехотинцы — гимнастерки и штаны цвета хаки, но когда шли в бой, то расстегивали воротничок, чтобы видна была их морская тельняшка, надевали на голову бескозырки, закусывали ленты и с грозным криком «Полундра!» атаковали. Равняясь друг на друга, эти бойцы не знали страха, и героическая оборона Одессы во многом обязана этим беззаветным

Морские пехотинцы с эсминца «Шаумян» под Одессой. 1941 г.

и мужественным людям. Рассказы про то, что противник их смертельно боялся, — не пустые слова. Это было видно и из показаний пленных, и из частых ротаций личного состава неприятеля, противостоявшего морякам. Моряков враги называли «черной смертью».

Противник днем и ночью бомбил Одессу. Самолеты обычно заходили со стороны моря и сбрасывали на город свой смертоносный груз. Часто сбрасывали листовки, где предлагали сдаваться в плен, описывали «сытую и свободную» жизнь пленных. Иногда попадались листовки, где обещалось, что скоро в город въедет сам «Антонеску на белом коне». Эти листовки очень смешили и жителей, и военнослужащих, а на стенах города там и тут появлялись солёные, с «наворотом», карикатуры на эту тему.

Все это были бесплодные попытки врага хоть как-то воздействовать на мужественных защитников Одессы, но, будучи грубыми и прямолинейными, достигали прямо противоположного эффекта.

Иной раз, проходя по улице при звуках воздушной тревоги или уже при налете, я бывал буквально атакован женщинами. Они догоняли меня, старались идти рядом, хватили за руку. Я, как мог, успокаивал их, хотя иногда становилось не по себе. Беспокоили, кстати, не бомбы, а осколки зенитных снарядов. При стрельбе зениток они падали из поднебесья, со звоном шлепаясь о землю. Некоторые были с полкило весом.

Работы было много. Бывали случаи измены. Нередко немцы забрасывали свою агентуру. В первые полгода войны они не утруждали себя агентурной работой, грубо вербуя «агентов» из людей, попавших в трудное, критическое положение. Разведшколы абвера появились позднее.

Помню, привели неухоженного плачущего мальчишку лет четырнадцати. Был он жителем одного из недалёких сел. Обратил на себя внимание вражеских разведчиков. Те провели работу, припугнули, поставили задачи, указали, где, как и что смотреть. Предложили продукты, что-то из одежды. Больше в ход шли, конечно же, угрозы — родители мальчишки были в руках у врага, пригрозили расправой.

Четырнадцатилетний подросток, завербованный немецкой разведкой. 1944 г. (Архив УФСБ России по Саратовской области)

Мы переговорили с парнем, накормили его, объяснили ему уже наши задачи. До войны он учился в советской школе и был в целом советским мальчишкой. К «заказчикам» он вернулся со схемами, предложенными советской контрразведкой.

Вскоре парень перешел линию фронта с новым заданием. Сразу пришел к нам. И вновь «выполнение задания» было согласовано с советскими контрразведчиками. Через него было передано противнику значительное количество дезинформации, в том числе и «особо важной», перед эвакуацией войск Красной Армии из Одессы.

Как военно-морская база Одесса приобрела значение лишь в последние предвоенные годы. Сильный Черноморский флот и Береговая оборона были в состоянии обеспечить безопасность большинства приморских городов, в том числе и Одессы.

Вступление Румынии в войну было ожидаемым. Но значительное пополнение ее флота немецкими судами оказалось неприятным сюрпризом.

Первоначально захват Одессы был поручен румынской армии, но ее попытка с ходу взять город провалилась. Известно сатирическое, не в бровь, а в глаз, послание защитников города румынскому приспешнику Гитлера Антонеску: «Не тебе с дурною головою выступать на нас войною...»

Все оборонительные действия в Одессе были в высшей степени продуманы и тщательно организованы. Никакой паники и неразберихи не было.

Адмирал Кузнецов справедливо считает, что успех обороны Одессы во многом обязан флоту: «Можно с уверенностью сказать, что Приморская армия не удержала бы Одессу столько времени без моряков, но и сравнительно малочисленные флотские части тоже не смогли бы заполнить всю линию обороны и долго защищать город. Я не говорю уже о том, что значили в те дни боеприпасы и продовольствие, которые доставляли сражавшимся черноморцы».

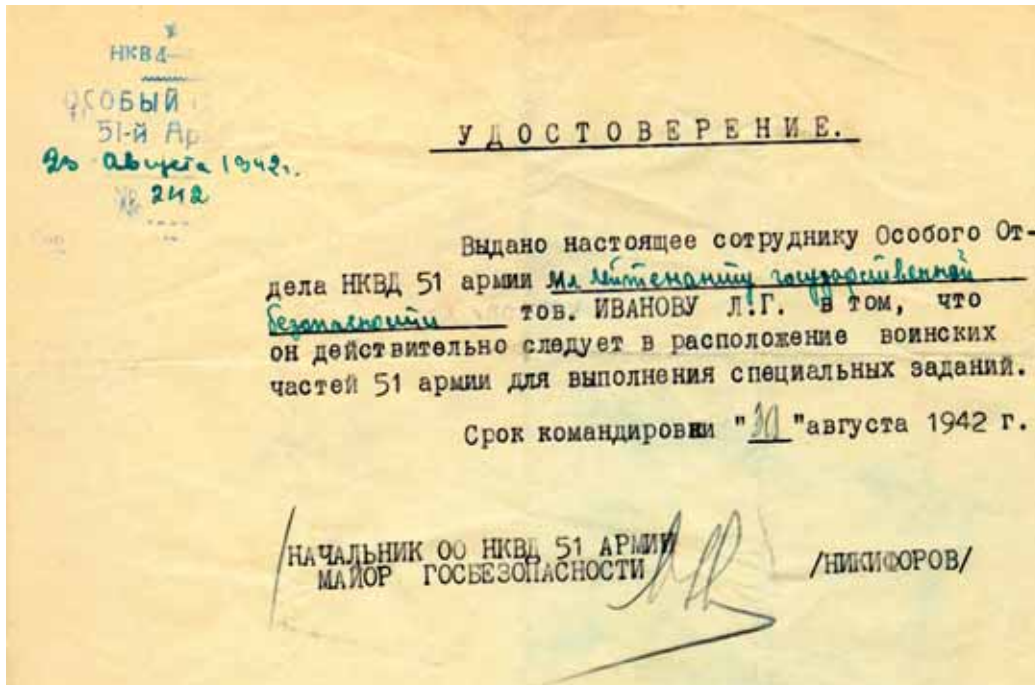
Первоначально Отдельной Приморской армией командовал генерал-лейтенант Софронов Г.П. В начале октября его сменил генерал Петров И.Е., командовавший до этого знаменитой 25-й Чапаевской дивизией.

Мне посчастливилось не раз видеть этого замечательного человека. В обороне блокированной Одессы он показал себя с самой лучшей стороны. Успешные действия Приморской армии, которая оттянула на себя массу неприятельских сил, и хорошо организованная эвакуация оборонявших город войск стали возможны благодаря его полководческому таланту. <...>

Приказ Сталина об оставлении Одессы в кратчайшие сроки был издан в начале октября 1941 года. Он основывался на том факте, что противник вплотную подошел к Крыму, а Крым был для Одессы основной базой, откуда приходили

свежие подкрепления, направлялись вооружение и боеприпасы, куда эвакуировали раненных под Одессой военнослужащих... Подготовку к эвакуации надо было провести в строгой тайне, так чтобы противник ни в коем случае не догадался об этом.

Эвакуация войск из Одессы была тщательно спланирована и хорошо продумана. И здесь не было никакой паники и неразберихи. Дорожники установили знаки и выделили провожатых для каждой эвакуируемой части. Части приходили на пирс в заданное время и сразу грузились на суда. На переднем крае остались

Личные документы Иванова Л.Г.

Медаль «За оборону Одессы»

Удостоверение к медали «За оборону Одессы»

надежные опытные бойцы, которые вели огонь, создавая видимость присутствия обороняющихся частей,

В то же время к Одессе подошли боевые корабли Черноморского флота и открыли интенсивный огонь из орудий главного калибра по вражеским позициям.

Большая заслуга в том, что эвакуация войск из Одессы осталась тайной для врага, принадлежала военным контрразведчикам. Они сумели не только предупредить утечку секретных сведений к противнику, но и провести ряд операций по его дезинформированию.

В частности, за линию фронта, после соответствующей проверки, были направлены две женщины, к началу боевых действий случайно оказавшиеся в Одессе. Все их родственники проживали на оккупированной территории. Женщинам было дано поручение сообщить командованию противника, что к русским активно поступают свежие подкрепления, роятся окопы и противотанковые рвы, в городе возводятся баррикады, строятся дзоты, ночью идет интенсивная разгрузка судов...

По нашей рекомендации командование часто отправляло по пыльной дороге в направлении фронта полуторки с волокушами и без, которые поднимали целые облака пыли и создавали иллюзию активной деятельности и пополнения советских войск на данном участке.

Уже после нашего ухода противник более суток не входил в город, опасаясь засад и контрудара со стороны советских войск. Но «сюрприз» ждал их несколько позже.

Когда немецкие и румынские части вошли в Одессу, по случаю взятия города командование устроило банкет в одном из центральных особняков. В самый разгар мероприятия особняк был взорван посредством радио-взрывателя.

Был выбран особняк в центре города, наиболее подходящий для размещения штаба. Работы по закладке взрывчатки были проведены заранее. Была обеспечена скрытность проведения работ — взрывчатка закладывалась внутрь стен и фундаментов, заштукатуривалась и искусственно «состаривалась». В проведении этих работ и в осуществлении взрывов были задействованы сотрудники особых отделов. В результате взрыва тогда погибли сотни (по разным оценкам, от 250 до 400 человек) солдат и, главным образом, офицеров противника.

Поздним вечером 15 октября 1941 года в составе группы работников Особого отдела НКВД я ступил на качающуюся палубу парохода «Волга», когда-то принадлежавшего республиканской Испании. Под бомбами немецких бомбардировщиков он отправился в Крым.

Так получилось, что я в числе последних защитников оставил Одессу. Я же был и среди тех, кто в составе войск 5-й ударной армии вошел в освобожденную Одессу 10 апреля 1944 года. Жители восторженно встречали нас, радостно кричали приветствия бойцам Красной Армии, бросали и вручали цветы, угощали бойцов нехитрой снедью.

За оборону Одессы я был награжден медалью. Недавно удалось узнать, что медаль «За оборону Одессы» — самая редкая в Вооруженных Силах — всего около 30 тысяч награждений.

Майор Иванов Леонид Георгиевич. 1945 г.

В БОЯХ ЗА СЕВАСТОПОЛЬ

Надпись на обороте фотографии:
«Младший лейтенант
госбезопасности Курulesов
Александр Тимофеевич,
после окончания Ростовской
школы ГУГБ НКВД СССР,
г. Ростов-на-Дону,
12 июля 1940 года»

Из воспоминаний майора Курulesова Александра Тимофеевича.

Родился в 1916 году в с. Московское Ставропольской губернии, в крестьянской семье. В августе 1940 года окончил Ростовскую школу ГУГБ НКВД, после чего был назначен на должность оперуполномоченного Управления НКВД СССР по Ростовской области. С августа 1941 по август 1959 года проходил службу в органах военной контрразведки. На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1941 по май 1945 года — сначала в Севастополе в составе Особого отдела 79-й морской стрелковой бригады, затем в Отделе контрразведки «Смерш» 97-й гвардейской стрелковой дивизии. Войну окончил в Чехословакии.

Награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Севастополя», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В Особый отдел 79-й морской стрелковой бригады я был направлен в октябре 1941 года, получив в оперативное обеспечение отдельный стрелковый батальон, санитарную роту и роту противотанковых ружей. 20 декабря 1941 года бригада была доставлена водным транспортом в город Севастополь, где вошла в состав Приморской армии, защищавшей Севастопольский оборонительный район.

В бой вступили с ходу 22 декабря 1941 года, когда, поднявшись на Мекензиевы горы по Симферопольскому шоссе, батальон выбил гитлеровцев с одной из высот. В этот день я получил боевое крещение. Мне впервые пришлось взять на себя командование группой военнослужащих, ходить с ними в атаку, укрываться от минометного обстрела и застрелить своего первого немца.

После сильной артиллерийской подготовки гитлеровцы попытались отвоевать потерянные позиции и перешли в контратаку на всем участке обороны нашего батальона. Цепи немецкой пехоты прикрывали танки, вооруженные огнемётами.

Атака морских пехотинцев 79-й морской стрелковой бригады в один из критических моментов сражения за Мекензиевы горы. Крайний справа — командир бригады полковник Потапов Алексей Степанович. Декабрь 1941 г. (Фото из архива Куролесова А. Т.)

Но ни один из моряков не дрогнул, все как будто приросли к земле. Метким огнем из стрелкового оружия мы отражали яростный натиск врага, рвавшегося к Инкерманской долине и Севастополю.

Несколько раз высота переходила из рук в руки, в эти критические моменты выручали наши артиллерия и авиация, сокрушавшие боевые порядки неприятеля. Приходил на помощь и бронепоезд «Железняков», который мы стали называть «Борисом Петровичем». Его интенсивный артиллерийский огонь по наступающим немцам вселял уверенность и веру в победу.

Бронепоезд «Железняков», или Броневой поезд №5, — легендарный бронепоезд и формирование Береговой обороны главной базы Черноморского флота, активно участвовавший в обороне Севастополя 1941–1942 годов. Военнослужащие вермахта дали ему прозвище «Зеленый призрак».

Вооружение: 14 7,62-мм пулеметов Максима, 2 12,7-мм пулемета ДШК, 5 76-мм пушек, 2 82-мм миномета (позже заменены 120-мм минометами).

Бронепоезд «Железняков». Крым, 1942 г.

*Младший лейтенант госбезопасности
Коберник Моисей Алексеевич. 1939 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

Моя деятельность в ходе этих тяжелых боев была сведена к организации и ведению боя, оказанию помощи командованию в поддержании боеготовности и воинской дисциплины. Несколько раз я останавливал попятившихся бойцов, заставлял их ложиться и вести огонь по наступающим немцам.

В первых числах января 1942 года, когда бригада продвинулась до Бельбекской долины и Комышловского оврага, наступило некоторое затишье. Враг, встретив непреодолимое сопротивление, активизировал разведывательную деятельность.

В начале февраля 1942 года мой начальник капитан Коберник М. А. прислал мне записку о том, что в Инкермане были замечены двое подозрительных мужчин в форме наших командиров, которые могут появиться в зоне моей оперативной ответственности.

Весь день и всю ночь со своим ординарцем я ходил по окопам подразделений, инструктировал командиров и некоторых бойцов о признаках обнаружения и приемах задержания посторонних лиц. Изучал местность и наиболее уязвимые места в обороне, которые могли использоваться противником для пересечения линии фронта.

Под утро командир 5-й роты старший лейтенант Фунин Е. Н. сообщил мне по телефону, что боевым охранением задержаны два незнакомых лейтенанта, следовавшие вдоль железнодорожного полотна от станции Мекензия в сторону немцев. Я приказал разоружить их, отобрать у них все, что есть при себе, и держать под усиленной охраной до моего прибытия.

Когда мы с группой автоматчиков прибыли в расположение роты, Фунин Е. Н. развел руками — задержанные им «лейтенанты» сбежали, воспользовавшись неразберихой при минометном обстреле. Без промедления по телефону все контрразведчики частей были оповещены о попытке перехода линии фронта и побеге разыскиваемых лиц. В результате через несколько часов они были пойманы в расположении артиллерийских батарей соседней воинской части.

В ходе опроса задержанные заявили, что на днях прибыли с Большой земли после излечения в госпитале и были направлены штабом Приморской армии в 95-ю стрелковую дивизию, но заблудились.

Проверкой показаний через Особый отдел Приморской армии было установлено, что в штабе армии указанные лица не появлялись, в части Севастопольского оборонительного участка их никто не посылал. Позже выяснилось, что они — изменники Родины, завербованные немецкой разведкой и направленные в расположение наших частей с целью шпионажа. Неделю эти «командиры» бродили по тылам частей, собирая важные для гитлеровского командования сведения. Но передать их не смогли — были арестованы. При задержании сопротивления не оказывали, так как надеялись, что с экипировкой, легендой и документами все в полном порядке.

*Сотрудники Особого отдела НКВД 79-й морской стрелковой бригады
Мец Ханан Львович (слева) и Куролесов Александр Тимофеевич на командном пункте 2-го батальона.
Апрель 1942 г. (Фото из архива Куролесова А. Т.)*

За разоблачение немецких шпионов меня и заместителя начальника Особого отдела 79-й бригады Уланова И. И. представили к награждению орденами Красной Звезды.

В конце мая 1942 года, после падения Керчи, наше положение значительно осложнилось — защитникам Севастополя предстояло теперь сдерживать удары гитлеровских войск с трех сторон. Всем было ясно, что в ближайшее время немецкое командование подтянет сюда все свои силы с Керченского участка фронта. Стало также очевидно, что эвакуации наших войск из Севастополя не будет — для этого не было ни кораблей, ни возможностей. Оставалось одно — стоять насмерть!

За семь дней непрерывных артиллерийско-бомбовых ударов фашисты полностью сожгли и разрушили город. В начале июня этот огненный вал докатился и до наших позиций, а после началось генеральное наступление немецких войск.

С рассветом 7 июня 1942 года начался штурм наших позиций. Немцы бросили в атаку до 20 танков и сотни пехотинцев. Закипел многочасовой бой, в ходе которого мы в упор расстреливали наседавших гитлеровцев, сходились с ними в рукопашных схватках, жгли танки и вызывали огонь артиллерии на себя.

Враг нес огромные потери — недаром, рассказывали нам пленные нацисты, что, когда поступала команда идти на штурм «Севасто-

*Оперуполномоченный Особого отдела НКВД
79-й морской стрелковой бригады
младший лейтенант госбезопасности
Ляшко Иван Павлович. 1941 г.*

польской крепости», многие из них прощались со своими друзьями и оставляли завещания, предрекая себе скорую гибель.

На следующий день, в ходе атаки противника внезапно замолчал один из наших дотов, в котором был установлен крупнокалиберный пулемет. Командир батальона майор Пчелкин Я. М. попросил меня разобраться, почему не ведется огонь в такой ответственный момент.

Подбежав к огневой точке, я услышал слова: «Вот мы и встретились с тобой, уполномоченный! Конец тебе!» Прозвучал выстрел в мою сторону, ответным огнем я застрелил нападавшего. Им оказался наш солдат, прибывший в мае из госпиталя. Ранее, в связи с возможной причастностью к уничтожению телефонного кабеля, он был взят в проверку, но активные боевые действия не дали мне возможности до конца разобраться с ним. Теперь стало очевидно, что немецкая разведка забросила его к нам через медицинские учреждения — он расстрелял расчет пулемета и караулил каждого, кто пытался оживить дот.

Спустя несколько дней смертью героя погиб комбат Пчелкин Я. М. Обороняя с горстой бойцов командный пункт батальона, он вышел с гранатой один на один с немецким танком и был смертельно ранен.

В боях с 7 по 15 июня, потеряв свыше 50 процентов личного состава, 79-я морская стрелковая бригада прекратила свое существование. Ее остатки были сведены в двухротный батальон, сражавшийся в составе других соединений до последнего дня обороны.

Перестал существовать и наш Особый отдел: капитан Коберник Моисей Алексеевич погиб в Севастополе 1 июля 1942 года, был убит оперуполномоченный Мец Ханан Львович, умер от полученных ран старший лейтенант Ляшко Иван Павлович. Заместитель начальника отдела старший лейтенант Уланов Иван Иванович был тяжело ранен и эвакуирован на Большую землю.

18 июня ценой больших потерь немцам удалось выйти к Северной бухте, Инкерману, Сапун-горе. 29 июня, с падением Инкерманских высот, судьба крепости была решена. Остатки войск, оборонявших Севастополь, отошли на мыс Херсонес, где сопротивлялись еще несколько дней. Здесь, у легендарной 35-й береговой батареи, 1 июля 1942 года состоялся последний бой военных контрразведчиков Приморской армии.

35-я береговая батарея. 1942 г.

Бронебашенная батарея № 35, или 35-я батарея (немецкое название — Maxim Gorki II), — одно из наиболее мощных фортификационных артиллерийских сооружений Береговой обороны Главной военноморской базы Черноморского флота СССР.

Имела две 305-мм двухорудийные бронебашенные установки МБ-2-12. Принимала активное участие в героической обороне Севастополя 1941–1942 годов.

Куролесов Александр Тимофеевич. 1979 г.

Медаль «За оборону Севастополя»

В помещениях ложной батареи (сооружение, предназначенное для маскировки местонахождения 35-й береговой батареи, расположенное в полутора километрах от нее. — *Прим. составителей*) вместе с другими военнослужащими укрылось около 40 особистов. Здесь же находилась радиостанция, посредством которой в Москву было передано сообщение о том, что Севастополь нами оставлен.

Временно исполняющий обязанности начальника армейского отдела майор Рогов С.С.¹ провел совещание, на котором было решено отбросить гитлеровцев от береговой полосы, организовать силами скопившихся здесь подразделений ее оборону и помочь командованию с эвакуацией личного состава на Большую землю.

Кроме того, обсуждался вопрос о том, как поступать с удостоверениями личности и партийными билетами. Были предложения их сжечь, чтобы немецкая разведка не смогла ими воспользоваться. Рогов С.С. пресек эти разговоры: «Если мы погибнем в бою с документами, пусть знают гитлеровские вояки, что они имели дело с коммунистами и комсомольцами!»

В ходе совещания нам сообщили, что немецкие автоматчики вплотную подошли к нашему укрытию. Рогов С.С. скомандовал: «В атаку!» — и увлек нас за собой. Лавина людей бросилась на опешивших гитлеровцев. В это же время началась контратака и от самой 35-й батареи.

¹ Начальник ОО НКВД 345-й стрелковой дивизии старший лейтенант госбезопасности Рогов Семен Сидорович.

Не выдержав натиска, немцы побежали, ведя по нам беспорядочную стрельбу. Хорошо проявил себя в этом бою расчет зенитной пулеметной установки. Преследуя немцев на полutorке, он расстрелял значительное количество солдат и офицеров противника.

Зенитно-пулеметная установка М-4

Зенитно-пулеметная установка М-4 образца 1931 года — счетверенная пулеметная установка, разработанная коллективом Токарева Н. Ф.

За счет зенитных кольцевых прицелов установка была в состоянии вести эффективный огонь по низколетящим самолетам противника (максимально на высотах до 1400 м при скорости до 500 км/ч). Эти установки также часто использовались для поддержки пехоты.

Современный вид «ложной батареи».
(Фото из архива члена Региональной общественной организации «Севастопольское объединение поисковых отрядов "Долг"» капитана 2-го ранга Бондаренко А. А.)

*Руины «ложной батареи». 1968 г. (Фото из архива сотрудника
Музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея» Могилы А. И.)*

Все ли военнослужащие, укрывшиеся в тот день в нашем убежище, участвовали в этой атаке, я не знаю, но контрразведчики — все, и шли они в атаку первыми. Не могу сказать точно, сколько их погибло, но эвакуировалось всего 12–14 человек, включая меня.

Военные контрразведчики Приморской армии до конца выполнили свой долг перед Родиной. Многие из них пали смертью героев. Пусть же знает народ о людях, чьей кровью обогрена священная Севастопольская земля!

ПО СЛЕДАМ АКТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Из воспоминаний капитана Зиберовой Анны Кузьминичны.

Родилась в 1921 году в г. Москве. В 1942 году окончила филологический факультет Московского педагогического института. После окончания вуза была распределена в Калининский областной отдел народного образования учителем русского языка и литературы. Но поработать учителем Зиберовой А.К. не довелось — в конце 1942 года она была подобрана в органы государственной безопасности. Проходила службу в 10-м отделе Управления особых отделов НКВД СССР. В годы войны принимала участие в проведении ряда острых контрразведывательных операций, оперативно-поисковых мероприятий, обеспечивала безопасность первых лиц государства.

После войны в течение продолжительного времени Анна Кузьминична работала в центральном аппарате 3-го Главного управления МГБ СССР. В декабре 1952 года направлена для прохождения

службы в Особый отдел Московского района (позднее — округа) ПВО. В ноябре 1955 года, в связи с организационно-штатными мероприятиями, уволена с военной службы, при этом продолжила работу в органах госбезопасности в качестве гражданской служащей на должности старшего инспектора.

Награждена медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Я была зачислена в 10-й отдел Управления особых отделов НКВД СССР 15 ноября 1942 года. В отделе было два отделения: «наружка» и «установка». Я попала в «установку», где и проработала до 1952 года.

Конспирация — прежде всего. Каждый сотрудник должен был знать только то, что ему требовалось по работе.

Выдали оружие — небольшой пистолет, который всегда лежал в моей сумочке. Он был такой тяжелый, что прорвал дно у нескольких сумок.

В целях конспирации выдали документы, зашифровывающие нашу ведомственную принадлежность. У меня имелись удостоверения уголовного розыска,

Зибера А. К. среди сотрудников 4-го отделения 10-го отдела ГУКР «Смерш» на спортивно-массовом мероприятии. Москва, 1944 г.

Наркомата среднего образования, работника почты и связи. Иногда срочно выпи-сывали то, что непосредственно требовалось для выполнения конкретного задания.

Режим труда у нас сложился суровый: никаких выходных и праздников. Дисци-плина — самая строгая. Начальник всякий раз предупреждал: «Заболеешь — хоть на корточках, но доберись до телефона и сообщи дежурному, что с тобой случи-лось, где ты находишься, нужна ли какая помощь?»

Работали напряженно с утра до вечера, не жалея себя. Утром получали задание и расходились по всей Москве. Вечером возвращались, докладывали о проделан-ной работе. Работали до часу ночи. Начальники оставались до пяти утра, пока ра-ботали наши руководители.

Однажды нам сообщили, что необходимо установить личность одного полков-ника, прибывшего с фронта и остановившегося в своей квартире. Его семья нахо-дилась в эвакуации. Офицера обоснованно подозревали в принадлежности к вра-жеской агентуре.

Была перехвачена радиограмма, в которой говорилось, что объект должен «...вернуться назад через линию фронта». «Вернуться» мог только вражеский агент. Нашей оперативной группе была поставлена задача — перехватить его на кварти-ре. Срочно выехали по адресу.

Квартира находилась на одном из верхних этажей. Лифт не работал — электри-чество было отключено. Поднялась наверх. Постучала в дверь, никто не открыва-ет. Тогда я повернулась к двери спиной и стала бить ногами. Неожиданно дверь распахнулась и я, потеряв равновесие, упала в прихожую. Почувствовала, как чьи-то сильные руки схватили меня за воротник и поволокли по полу. Неизвестный

Начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР
генерал-полковник
Абакумов Виктор Семенович. 1945 г.

Медаль «За отвагу»

втокнул меня в какую-то комнатку и закрыл на замок. Приглядевшись, я поняла, что меня «пленили» в туалете...

Прошло несколько минут, и я услышала, как кто-то бежит по квартире. Поняла по голосам — наши оперативники! Обрадовалась. Первый из них, ворвавшийся в квартиру через черный ход, схватил этого полковника. Открыли основную дверь. «Влетевший» начальник нашего отдела Збраилов кинулся к задержанному:

— Где наша девушка?

— Если бы знал, что она ваша, убил бы, — ответил неприятный, плюгавенький человек. Его вынесли на руках из квартиры, посадили в машину и увезли на Лубянку.

Запомнился курьезный случай, произошедший летом 1943 года.

Была запеленгована рация, работавшая на Рождественке. Установили дом. Мне поручили выяснить, кто и в какой квартире на ней работает.

Тщательно проверила весь дом, получила сведения, что в одной из квартир остановился офицер, приехавший на несколько дней с фронта в командировку. Квартировался он у двоюродной сестры, которая работала на заводе и часто оставалась там по несколько дней. Соседи были в эвакуации, поэтому офицер оставался в квартире один. Было установлено, что он свободно ходит по Москве, отмечился в военкомате, регулярно получает там сухой паек. В общем, ведет себя как обычный командированный.

Установили за ним наружное наблюдение, проверили документы — все в порядке. И вдруг поступает сообщение, что объект передал по радиации время и место своего перехода через линию фронта.

Мне было поручено находиться в подъезде и подавать в окно сигнал белым платком, когда офицер выйдет из квартиры. Стекло из форточка наши сотрудники заранее выставили.

Прибыла я рано, вошла в подъезд и вдруг, к своему ужасу, столкнулась на лестнице с этим офицером. Он посторонился, пропуская меня, и стал смотреть мне вслед. Прохожу один этаж, второй, третий, боковым зрением вижу — он все стоит! Дошла до последнего этажа. Стучу в квартиру.

— Кто это? — спрашивает за дверью старческий голос.

Называю первое имя, пришедшее мне на ум. Дверь любезно открывается. Захожу и прошу стакан воды.

Пока старушка пошла за водой, быстренько выскакиваю обратно и, сняв туфли, на цыпочках спуска-

*Группа сотрудников ГУКР «Смерш» в Кремле после получения государственных наград.
Зиборова А. К. — в первом ряду, в центре. Москва, 1945 г.*

юсь к окну. Не тот этаж, пришлось выдавить стекло, порезала руку. Машу окровавленным платком. Увидев из окна, что к подъезду пошли парами (парень и девушка) наши сотрудники, села на ступеньку и заплакала от перенесенного волнения.

Позже мне стало известно, что после моего «красно-белого» сигнала к объекту быстро подошли два наших сотрудника, заломили ему руки за спину и втолкнули в подъехавшую машину. Сделано все было молниеносно, так что прохожие не успели даже сообразить, что произошло.

Абакумов Виктор Семенович и начальник нашего отдела Збраилов Леонид Максимович наблюдали за ходом операции от здания Архитектурного института на углу Рождественки и Кузнецкого Моста. Когда машина с объектом отъехала, Абакумов направился на Лубянку, а Збраилов подошел к нам, похвалил за четкую работу.

Старший группы «наружки» спросил у Збраилова, кто стоял с ним рядом. Услышав, что это был Абакумов, заметно разволновался. Оказалось, он не узнал начальника ГУКР «Смерш» и, когда тот некстати поинтересовался, как идут дела, в сердцах послал его по известному адресу.

— Ой, что теперь мне будет? — горевал он.

— Ничего не будет, — засмеялся Збраилов, — Виктор Семенович и сам сильно нервничал. Такие «детали» не замечаются, когда достигается победа.

Абакумов часто присутствовал при задержании особо опасных преступников.

В 1945 году за достигнутые успехи в служебной деятельности многие сотрудники нашего отдела, в том числе и я, были приглашены в Кремль, где нам вручили высокие государственные награды — сотрудники-женщины получили медали «За отвагу», а мужчины — ордена Красной Звезды.

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Из воспоминаний генерал-майора Гуськова Анатолия Михайловича.

Родился в 1914 году в г. Москве.

С 1932 по 1937 годы — студент Технологического факультета Московского нефтяного института. Работал на Бердянском крекинг-заводе инженером, начальником цеха, главным инженером завода.

В органах госбезопасности с августа 1939 года.

С началом Великой Отечественной войны — в военной контрразведке.

В 1942–1945 годах возглавлял особые отделы (ОКР «Смерш») 3-й бригады войск НКВД (Брянский фронт), Грозненского Особого оборонительного района, Грозненской дивизии НКВД, Управления войск НКВД охраны тыла 3-го Белорусского фронта.

В 1945–1947 годах — на руководящих должностях в ОКР «Смерш» НКВД (ОКР МВД) СССР.

В 1947–1950 годах — на руководящих должностях в Высшей офицерской школе МВД СССР.

В 1950–1951 годах — начальник Горьковского управления МВД СССР.

В 1951–1953 годах — на партийной работе.

В 1953–1956 годах — министр внутренних дел, председатель КГБ при Совете Министров Азербайджанской ССР.

В 1956–1963 годах — заместитель начальника, начальник 3-го Главного управления КГБ при Совете Министров СССР.

В 1963–1970 годах — начальник Особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по Московскому военному округу.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, четырьмя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Накануне Первомайского праздника 1942 года я получил новое назначение, которое первоначально как-то не мог уяснить. Мне было непонятно, почему меня, фронтовика, прошедшего почти год по фронтовым дорогам, отправляют в глубокий тыл. Я был назначен начальником Особого отдела Грозненского Особого оборонительного района.

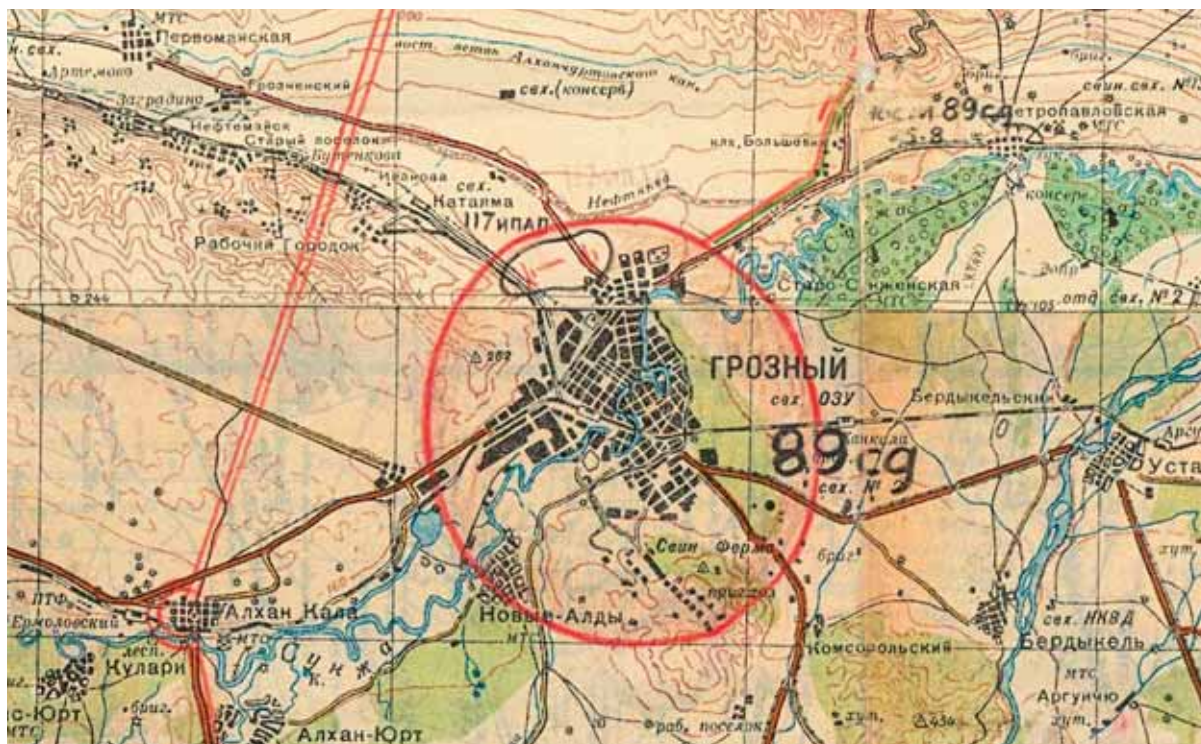

Удостоверение личности Гуськова А. М.

В системе органов госбезопасности не принято спрашивать, почему, по каким причинам назначают на ту или иную должность. Обычно происходит так: вызывает старший начальник и говорит: «Есть предложение назначить вас на такую-то должность, в качестве того-то. Ваше мнение?» Все, как правило, отвечали: «Согласен». На этом кончалось обсуждение вопроса. И все-таки я решил спросить своего хорошего приятеля, работавшего в Управлении кадров. Тот, выслушав меня, улыбнулся и говорит: «Ты же инженер-нефтяник, вот тебя и решили направить туда, где промыслы и нефтеперерабатывающие заводы».

Группа агентов абвера перед заброской в советский тыл.
Северный Кавказ, 1942 г.

Фрагмент карты Грозненского оборонительного района. 1942 г.

Пламя войны приближалось к Грозному. Уже в августе завязались бои на дальних подступах к городу. Обстановка с каждым днем становилась все напряженнее. Положение осложнялось тем, что в Чечено-Ингушетии гитлеровцы нашли немало единомышленников в лице участников бандитских шайк, во главе которых находились матерые бандиты, такие как Исраилов Х., Шерипов М., их поддерживали всякие отщепенцы, дезертиры из рядов Красной Армии, ушедшие в банды с оружием. <...>

Банды так «хозяйничали» в республике, что к осени 1942 года значительная часть социалистического добра была разграблена, колхозы разваливались, так как их руководителями нередко становились бандиты или их пособники. Принимавшиеся партийно-советскими органами республики меры результатов не давали. Более того, появление актива в горных районах было чрезвычайно опасным. Даже воинские подразделения там подвергались обстрелу со стороны банд. Поэтому командованием было запрещено направлять в горные районы мелкие воинские подразделения.

В помощь бандитским группам гитлеровское командование перебросило в горные районы Чечено-Ингушетии фашистских диверсантов во главе с изменником Родины гитлеровским агентом Османом Губе. В августе–сентябре 1942 года было сброшено четыре десанта парашютистов численностью около 50 человек. В районе Грозного действовала крупная диверсионная банда во главе с матерым разведчиком немецким «унтером» Реккертом.

Гитлеровское командование, стремясь как можно скорее овладеть Грозным и нефтяными богатствами, поручило Реккерту и его диверсантам проникнуть в наш тыл и, заняв выгодные позиции на горе Денин-Дук и ее отрогах, провести диверсионные акции по захвату важнейших объектов в городе.

Рассчитывая на возможную панику, немецкое командование стремилось перейти в решительное наступление. Данные об этих планах были получены Наркоматом госбезопасности Чечено-Ингушской АССР и Особым отделом Грозненского оборони-

тельного района. Обменявшись информацией, мы совместно разработали план ликвидации данной диверсионной группы и проинформировали командование Грозненского Особого оборонительного района, обком ВКП(б), Министра внутренних дел республики.

Для проведения этой операции была создана опергруппа из работников НКВД и Особого отдела гарнизона. Ей выделили милицейскую дивизию под командованием генерал-майора Орлова П. А., истребительный батальон и батальон войск из 8-й дивизии НКВД.

Проводя тщательную разведку дислокации банды и внедрив в ее состав доверенных людей, мы выяснили планы бандитов. 22 сентября банда должна была начать наступление в сторону села Махкеты и дальше на Грозный. К этому времени на всех рубежах, по которым должны были двигаться диверсанты, были выставлены засады.

22 сентября на рассвете, маскируясь под местных жителей, взяв с собой косы, вилы, грабли, бандиты группами по 10–12 человек направились в сторону села Махкеты.

Операция по ликвидации диверсионной группы прошла удачно. Наши подразделения обезоружили бандитов и в короткой схватке истребили большую их часть, захватив в плен нескольких ее участников, в том числе самого Реккерта.

Следствие по делу велось НКГБ Чечено-Ингушской АССР. Мы поддерживали постоянный контакт с целью получить данные о возможных забросах агентуры врага в наш тыл. Но таких данных получено не было.

В эти трудные дни вверенный мне Особый отдел Грозненского Особого оборонительного района работал с предельной нагрузкой. Усиленная патрульная служба силами частей 8-й дивизии войск НКВД ежедневно доставляла к нам десятки задержанных по различным причинам. Среди них были паникеры и дезертиры, уголовные элементы и лица без определенных занятий, которые прикрывались убедительным пояснением — отходом в тыл от наступающих немецких войск.

Но нас, особистов, естественно, больше всего интересовали шпионы и диверсанты противника, которые, несомненно, были в людском потоке. В то время мы работали непрерывно, не зная отдыха и сна. И результаты такого труда нас радовали. Очень приятно вспомнить, что тогда мне как начальнику и моему заместителю подполковнику Данилову Петру Степановичу не требовалось никаких усилий, чтобы заставить так напряженно работать оперсостав. Сама военная обстановка рождала невиданный энтузиазм, инициативу и железную дисциплину. Тогда не было в нашем лексиконе выражений «трудно», «не могу», «не получается». Достаточно было сказать: «Нужно». Это магическое слово делало невероятное.

Однажды ночью ко мне в кабинет вошел старший следователь майор Петр Семенович Литвак.

*Генерал-майор Орлов Павел Александрович. 1950-е гг.
В 1941–1942 гг. — командир 1-го полка отдельной
бригады милиции войск НКВД, затем —
командир бригады, командир дивизии милиции
охраны тыла Южного фронта*

Советское стрелковое подразделение ведет бой в предгорьях Кавказа. 1942 г.

— Три дня я работаю с задержанным Ковалем, который выдает себя за осужденного на три года лишения свободы за мелкую кражу. Отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии в городе Ростове-на-Дону. С занятием города немцами все заключенные были освобождены, и он как преданный Советской власти человек решил перейти линию фронта и податься в тыл, чтобы отбыть оставшийся срок наказания или пойти на фронт, если возьмут, доверят. До суда он якобы работал на заводе «Ростсельмаш» токарем, в Ростове осталась престарелая мать.

Вся эта легенда, на мой взгляд, не выдерживает никакой критики. В моем распоряжении нет конкретных данных о его принадлежности к разведорганам противника, но интуиция подсказывает, что дело обстоит именно так. Мои сомнения основываются на следующем:

1. Чрезмерно спокойно ведет себя на допросах.
2. Навязчиво признает свою вину и готовность отбывать оставшуюся меру наказания, чтобы только потом попасть в действующую армию.
3. Имеет паспорт, в котором сделаны все отметки до судимости, давность которого четыре года, но слишком уж мало изношен.
4. Находившийся три дня вместе с Ковалем в камере Железнов рассказал, что тот в разговоре проявил беспокойство по поводу потери своего друга где-то недалеко от Грозного. Осторожно интересовался, скоро ли освободится Железнов, откуда он и куда намерен следовать, где проживают родственники. Как показалось Железнову, Коваль ночью не спит, внимательно наблюдает за всеми, находящимися в камере, что-то ощупывает в своей одежде.

— Таковы мои данные, — заключил Петр Семенович, — и я хотел бы знать ваше мнение.

Так началась история изучения Ковалья. Проведенный в камере обыск помог обнаружить микроскопический кусок плотной бумаги, на котором с помощью лупы удалось прочитать: «ст. Червленая Мирза 13-69-00/20-21». Экспертиза паспорта никаких отклонений не установила. Время содержания под стражей Ковалья кончилось. Надо было принимать безотлагательное решение.

Опрошенный по обнаруженной записке Коваль показал, что вместе с ним в заключении находился парень, зовут которого Мирза Танбаев. Его родственники проживают в станице Червленной. Вместе с ним перешли линию фронта и намеревались остановиться на отдых у его родственников, но ввиду задержания на окраине города он потерял своего друга. Адреса его он не знает, известно только, что дом находится в 300 метрах от станции. Значение цифр в числителе объясняет как пройденное расстояние от Ростова за три дня, а 20–21 — номер домов родственников Мирзы.

Рано утром следующего дня группа оперработников вместе с Ковалем выехала в станицу Червленную и предложила ему под наблюдением найти дом Мирзы. Поиски ничего не дали, дома № 20 и 21 принадлежали лицам, у которых среди родственников не было человека по имени Мирза. По нашей просьбе к этому времени в станицу Червленную прибыла еще одна группа сотрудников из НКГБ Чечено-Ингушской АССР в гражданской одежде, замаскированная под местных жителей. Ковалю было объявлено, что проверка его закончена и он будет направлен в ближайшее отделение милиции в их распоряжение.

В момент объявления решения на лице Ковалья один из сотрудников уловил мгновенную улыбку. После этого Коваль был передан в железнодорожное отделение милиции, с сотрудниками которого заблаговременно был проведен инструктаж, а опергруппа на его глазах «убыла» в город Грозный.

Расчет был сделан на то, что Коваль, если он вражеский шпион, должен бежать из милиции, так как надежной камеры для содержания задержанных там не было. Группа разведчиков в гражданской одежде с биноклями и рацией заняла наиболее вероятные направления побега. Опергруппа особистов обосновалась в соседнем населенном пункте и установила радиосвязь с группой наблюдения.

Как и предполагалось, с наступлением темноты при выходе из камеры Коваль сильным ударом в живот сбил милиционера с ног и скрылся. Группа наблюдения установила, что он долго петлял по станице Червленной, затем вышел за ее пределы и залег в винограднике. Опасаясь обнаружения, группа наблюдения на близкое расстояние к нему не подходила. Однако это грозило опасностью потерять его из вида, ведь южные ночи темные и уйти от преследования не составляло большого труда. Был единственный шанс — пустить по следу розыскную собаку, если Коваль задумает уйти. Опергруппа решила оставаться на месте до рассвета.

Нам повезло — Коваль решил отдохнуть в винограднике и до рассвета оставался на месте. Затем осторожно начал приближаться к станции. Несколько раз подолгу вел наблюдение за происходящим вокруг. Убедившись, что ничего подозрительного нет, он решительно направился к одному из домов и незаметно проник во двор. Целый день велось наблюдение за этим домом, который, казалось, не имел никаких признаков жизни. Опергруппа решила, что Коваль оторвался от них, запросила разрешения снять негласное наблюдение за домом и провести милицейскую операцию путем официальной проверки. Это предложение было отклонено. Учитывая, что группа изрядно устала и целые сутки находилась без питания, мы организовали для нее все необходимое, но задачу оставили прежней — вести скрытое наблюдение за домом и за всеми, кто из него выйдет.

Тем временем установили владельца этого дома, которым оказался Моллаев Н.З. — обходчик участка железнодорожного пути ст. Червленая. Есть жена и два сына. Оба сына находились на службе в Красной Армии. Старший — Исмаил, окончил военное училище и был офицером, младший — Владимир, призван в Красную Армию в сентябре 1941 года, до призыва работал на местном винзаводе.

С наступлением темноты опергруппа заметила, как из дома вышли два человека и предельно осторожно направились в сторону железной дороги, за станцию. В двух километрах от семафора и метров 100 в сторону от железнодорожного полотна неизвестные раскопали что-то у отдельно стоящего дерева и с рюкзаками за плечами возвратились назад. Ввиду того, что наблюдение велось на большом расстоянии и в темное время суток, выяснить подробности этого «похода» не удалось. Но после этого стало совершенно ясно, что в доме действуют два человека, не считая пришедшего с работы хозяина. Получив по радиации эти данные от группы наблюдения, мы решили передислоцировать особистов из соседнего селения ближе к месту событий и разместили их на окраине станицы Червленной.

Рано утром следующего дня из дома вышли два офицера и направились в сторону станции. Ввиду крайне сложных условий для ведения дальнейшего наблюдения было принято решение задержать неизвестных. Для этого опергруппу особистов переместили в помещение военной комендатуры станции. Как только неизвестные в офицерской форме приблизились к станции, они были задержаны и доставлены в военную комендатуру.

Задержанными оказались Коваль в форме старшего лейтенанта и Исмаил Моллаев в форме лейтенанта. Личный обыск показал, что они располагали командировочными удостоверениями, выданными командованием 11-го стрелкового корпуса (действительно существовавшего в составе Северной группы войск Закавказского фронта), в которых предписывалось по делам службы в течение 10 дней быть в городах Грозный и Махачкала.

Обыск, произведенный в доме Моллаева, расставил все точки над «i». На чердаке дома была обнаружена развернутая коротковолновая радиостанция, найдены шифрблокнот, запасные батареи, подготовленный текст для первой шифропередачи, множество бланков с печатями воинских частей, три пистолета, 20 тысяч советских рублей, небольшой запас продовольствия. В тайнике, к которому накануне вечером выходили задержанные, были обнаружены два парашюта, малая лопата, две каски.

Допрос Ковалья показал, что он морально сломлен. Большое количество неопровержимых вещественных доказательств его преступной деятельности говорило о необходимости дачи правдивых показаний. Путь, который привел его к тяжелому преступлению, лежал через проявление трусости и малодушия.

В начальный период войны, находясь на службе в Западном особом военном округе, он был командиром взвода. В боях в районе Гродно попал в плен к немцам. Некоторое время находился в лагере для военнопленных, затем в составе небольшой группы был вывезен на Украину.

Там группу разместили в отдельной вилле в районе города Бельцы. Все они были разделены на пять подгрупп по шесть человек в каждой. Это была разведывательная школа абвера (штаба «Валли») группы немецких войск «Юг».

Первоначально пленные усиленно подвергались антисоветской обработке, каждому внушалась мысль, что только теперь надо решать вопрос о жизни или смерти, что очень скоро Советской власти наступит конец и тогда с каждого будет спрос: «А на чьей стороне ты был? За кого воевал?» «Всех, кто воевал против

Великой Германии, ждет печальный конец — пуля или виселица, в зависимости от заслуг».

Такая обработка продолжалась в течение нескольких дней, одновременно с этим офицеры абвера, проводившие работу с пленными, тщательно проверяли их показания, поведение и настроение. Затем предлагали сотрудничество с немецкой разведкой, за что «гарантировалась не только жизнь, но и все ее удовольствия».

В школе Коваль познакомился с Моллаевым. Старшим разведгруппы был назначен Коваль, Моллаев — радистом. В Ростове-на-Дону разведчик абвергруппы-1 группы войск «Юг» Брик отработал им задание: собирать все данные о войсках на Кавказе, в частности в районе Грозного, Махачкалы, о железнодорожных перевозках, нефтеперерабатывающих заводах, бензо-нефтехранилищах, нефтепромыслах и др.

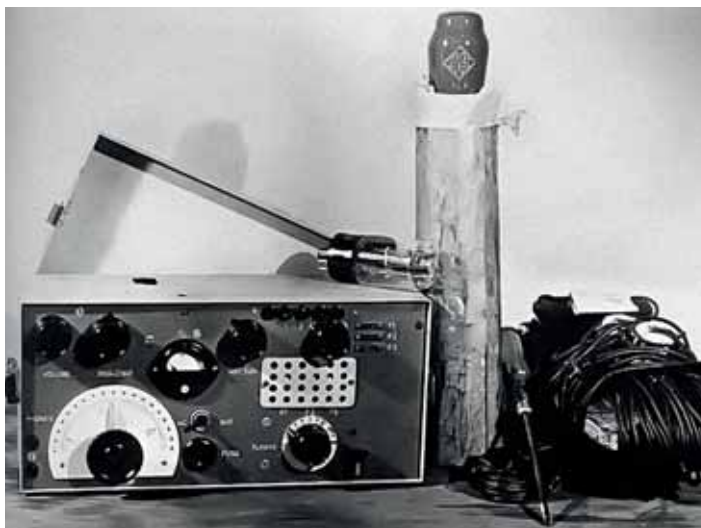
Теперь стало ясно значение надписей на микроплёнке, обнаруженной у Ковалья. Надписи означали, что передачу надо вести каждый третий день после первого № 1, 3, 6, 9 и т. д., 69-00 (мегагерц) — длина волны, 20-21 — время передачи.

Через несколько дней Петр Семенович закончил следствие по делу Ковалья и Моллаева. Наступил момент, когда дело следовало передать на рассмотрение военного трибунала.

Но в Особом отделе зародилась мысль использовать этих преступников против тех, кто сделал их такими. Мы приняли решение воспользоваться этой линией связи для дезинформирования противника.

Материалы следствия и наши планы по дезинформации я доложил командующему Грозненским Особым оборонительным районом генералу Никольскому Н. П. и комиссару Герасименко Б. Н. Они полностью одобрили наше предложение и поставили задачу начальнику штаба систематически готовить дезинформационные материалы для передачи врагу.

Работу с Ковалем и Моллаевым по дезинформации противника я поручил своему заместителю Петру Степановичу Данилову. Помню, как мы переживали за первую радиопередачу. Для нас прежде всего было очень важно исключить возможность провала нашего мероприятия. Мучили сомнения, а вдруг разоблаченные агенты не полностью «разоружились» и во время сеанса дадут сигнал, что радиосвязь ведется под нашим контролем. Тогда наши замыслы могли бы быть обращены против нас.

Радиостанции, которыми оснащались немецкие агентурные группы

Медаль «За оборону Кавказа»

*Генерал-майор
Гуськов Анатолий Михайлович. 1958 г.*

Все прошло успешно. Видимо, в 1942 году немцы еще настолько были уверены в своей победе, что не всегда давали своим шпионам условные знаки на случай их разоблачения и ведения радиоигры.

Первый выход в эфир был проведен 1 октября в установленное время. Радиостанция противника сразу же среагировала на позывные сигналы, приняла нашу шифротелеграмму: «На место прибыли благополучно, условия работы трудные, финансовые затраты помогли укрепить положение. Ближайшее время выезжаем по маршруту. Просим согласия один день не работать. Казбек».

В ответной телеграмме было сказано: «Ваши действия одобряем, не допускайте никаких отклонений, сроки надо строго выдерживать».

Несмотря на строгое указание выдерживать сроки радиопередач, мы решили 3 октября в эфир не выходить, а создать впечатление, что поездка по маршруту — не простая прогулка: поспешный сбор «солидного» материала за двое суток показался бы неправдоподобным.

Уместно здесь заметить и следующее. Подготовка дезинформации — дело очень сложное, тем более когда речь идет об объектах стационарного характера. Достаточно противнику перепроверить полученные материалы через другие источники — и нашим планам грозил неминуемый провал. Поэтому подготовленные данные многократно обсуждались штабом Грозненского Особого оборони-

тельного района, согласовывались с вышестоящими штабами и исправлялись. Надо было создать такую информацию, которая была бы близка к действительному положению и в то же время вводила бы врага в сторону. А главное, чтобы противник был убежден в надежности своей агентурной группы.

6 октября мы вновь вышли в эфир и передали достаточно обстоятельную информацию, в которой упор был сделан на большую перегруппировку войск, на продвижение эшелонов с боевой техникой с юга на север, а также по отдельным объектам Грозного.

В ответной шифротелеграмме фашистская разведка поблагодарила, однако вновь потребовала строго выполнять полученные указания. Нам стало ясно, что немцы неспроста требуют непрерывного потока информации. Совершенно очевидно, что они готовились к решительному наступлению на Грозный, ибо командующий 1-й фашистской танковой армией, излагая план наступления на Баку, сообщал командующему группой армии «А», что продвижение из Грозного на юг возможно с 6 сентября, а из Махачкалы — 16 сентября. Но время шло, а планы гитлеровцев не выполнялись. Это и толкнуло их, как азартных игроков, на отчаянные действия.

9 октября мы на связь не вышли, а 10 октября немцы бросили на Грозный 128 бомбардировщиков. Сотни бомб обрушились на город, пострадало несколько предприятий. Однако в результате активных действий нашей зенитной артиллерии и истребительной авиации боевые порядки фашистов были расстроены, в результате бомбовые удары были нанесены беспорядочно, военные объекты почти не пострадали.

Около Особого отдела упала бомба, причинившая некоторые разрушения зданию, а два офицера и два солдата получили осколочные ранения. Другие наши работники отделались ушибами и легкими контузиями. В районе нефтеперерабатывающих заводов был подожжен только 10-миллионный резервуар сырой нефти. Горел он долго, и шлейф дыма распространился на 180–200 километров до самой Махачкалы.

К нашему удивлению, немцы сбросили много бомб в районах, которые были указаны в дезинформации как важные военные объекты. Следовательно, они поверили данным своей разведгруппы, а значит, поставленная нами цель была достигнута.

Но случилось совершенно неожиданное. Немцы перешли в решительное наступление, прорвали оборону на участке северо-восточнее Грозного и захватили станицу Червленную, которая являлась базой для пребывания агентурной группы. В связи с этим дальнейшая работа Коваля-Моллаева по дезинформации немцев стала невозможной. После непродолжительной дополнительной проверки Коваля и Моллаева по указанию Управления особых отделов Закавказского фронта мы передали их для дальнейшего использования в качестве агентов-опознавателей.

Оба они проявили незаурядные способности, полностью осознали совершенное ими преступление и честно сотрудничали с органами контрразведки. При их активной помощи было опознано шесть агентов немецкой разведки, брошенных в наш тыл. Таким образом, честным поведением, раскаянием в совершенном преступлении в результате правильного направления их усилий они в значительной степени реабилитировали свое преступное поведение и проявленное малодушие. Впоследствии они были осуждены военным трибуналом с направлением в штрафную роту.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Селивановского Николая Николаевича.

Родился в 1901 году в с. Хойники Минской губернии.

В 1922 году окончил курсы ОГПУ, после чего был направлен на Туркестанский фронт, где воевал с басмачами. С 1927 года — в Особом отделе Ленинградского военного округа. В 1929 году — слушатель Высшей пограничной школы ОГПУ.

В 1930–1934 годах — на различных оперативных должностях в 4-м, а затем 5-м отделении Особого отдела ОГПУ при СНК СССР.

В 1935–1938 годах — на различных оперативных и руководящих должностях в ГУГБ НКВД СССР. В 1938–1939 годах — заместитель начальника 7-го отделения 5-го (особого) отдела ГУГБ НКВД СССР, заместитель начальника 2-го Управления НКВД СССР. С февраля 1941 года возглавлял 5-й

отдел 3-го Управления НКО СССР. С ноября 1941 года возглавлял особые отделы НКВД Юго-Западного, Сталинградского, Донского и Южного фронтов.

19 апреля 1943 года утвержден в должности заместителя начальника ГУКР НКО СССР «Смерш» по разведывательной работе. С мая 1946 по ноябрь 1947 года — начальник 3-го Главного управления МГБ СССР.

Награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденами Кутузова I степени, Суворова II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Летом 1942 года я был назначен начальником Особого отдела Сталинградского фронта и волею судьбы стал участником грандиозных и драматических событий, развернувшихся на берегах Волги с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 года.

Это обстоятельство дает мне возможность объективно оценить роль и место особых отделов в Сталинградском сражении. Я с уверенностью могу сказать: военные контрразведчики внесли очень большой вклад в дело разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Во-первых, необходимо отдать должное их роли в чисто военном отношении. Я всегда стремился поставить дело так, чтобы мои подчиненные не отсиживались по штабам да по тылам, а всегда, даже в самой тяжелой обстановке находились среди воинов тех подразделений и частей, которые они обеспечивали в оперативном плане. Только в бою можно по-настоящему узнать человека, и люди начнут уважать тебя лишь тогда, когда они убедятся, что сам ты не трус.

Я осознал это еще в Гражданскую, когда, будучи молодым чекистом, сам ходил в атаки на басмачей. Военные контрразведчики — живые люди. Так же как и другие солдаты Великой Отечественной, они нередко гибли на полях сражений. Немало полегло их и под Сталинградом.

Мы всеми силами старались хоть как-то воодушевить людей. Помните, был в Сталинграде дом, защитники которого под руководством сержанта Павлова Я. Ф. выстояли в самое суровое время, отбили все вражеские атаки? Честь и слава этим воинам!

Не все, однако, помнят, что был еще дом, тоже выстоявший во время самых ожесточенных уличных боев. Это было здание бывшей водолечебницы. В его подвале размещался Особый отдел Сталинградского фронта.

Штаб фронта, а после его перебазирования на левый берег Волги — штаб 62-й армии располагались, как известно, на высоком волжском берегу, под сорокаметровой его толщиной. Мы могли бы разместиться там же и быть в безопасности. Но мы остались в городе, вместе с его защитниками жили и работали там под обстрелами и бомбежками в условиях постоянного боя.

Я уверен, что это оказывало на участников Сталинградского сражения воодушевляющее воздействие, ведь люди рассматривали это так: если Особый отдел, который знает обстановку лучше, чем другие, не уходит из города, значит, обстановка эта не так уж и плоха.

По мнению сотрудников ФГБУК «Историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»», речь идет о здании больницы водников, рядом с которым, в подземных сооружениях, некоторое время находился штаб 62-й армии.

Больница на 100 коек включала поликлинику и грязеводозлектролечебницу. Под корпусом находилась двухъярусный подвал, который использовался в качестве убежища.

Больница водников (трехэтажное строение в верхней части снимка). Сталинград, 1943 г.

Больница водников. Сталинград, 1940 г.

*Герой Советского Союза генерал-полковник
Горбатов Александр Васильевич. 1945 г.*

Мы-то, конечно, знали, что положение временами складывалось совершенно критическое, но решили так: пусть погибнем вместе со всеми, но будем стоять до конца.

Несмотря на тяжелейшие условия, мы проводили большую контрразведывательную и разведывательную работу. Положение на театрах боевых действий и в тылу войск мы знали неплохо. Должен сказать, что ни одно серьезное решение штабов армий и фронта не принималось без детальных консультаций с военными контрразведчиками.

Вели мы и большую работу по внедрению своей агентуры в спецорганы противника. Со второй половины 1942 года стали активно практиковать перевербовку выявленных агентов абвера и засылку их в Полтавскую и Варшавскую абверовские разведшколы. Под различными легендами направляли туда и своих, полностью подготовленных нами разведчиков. Полученные разведданные сразу же направлялись в Центр. В конечном итоге проводимые нами оперативные мероприятия и предпринимаемые меры не позволили гитлеровской разведке получить своевременные данные о концентрации советским ко-

мандованием крупной военной группировки под Сталинградом и ее подготовке к наступлению.

Нередко приходилось вмешиваться в кадровые вопросы. Делали это мы не по своей, как говорится, воле, а так требовала боевая обстановка. При назначении кого-либо на руководящие должности командование фронта обычно согласовывало кандидатуры с нами — особистами, мы ведь действительно знали людей хорошо. Так было, например, с назначением генерала Горбатова А. В. на должность командующим армией. Вызвал меня к себе член Военного совета фронта Хрущев Н. С., поинтересовался:

— Какое твое мнение о Горбатове?

А тот был у нас командиром дивизии, смелый человек, старый военный, воевал грамотно. Я так и ответил:

— Знаю только с хорошей стороны.

— Но ведь он же сидел? — задает мне каверзный вопрос Хрущев Н. С.

— Если выпущен и ему доверена дивизия, значит, ничего за ним нет, — ответил я, — а воюет он хорошо, всем бы так воевать.

— Ладно, сомнения мои ты развеял, — удовлетворенно мотнул головой Хрущев Н. С. — Будем назначать Горбатова командующим армией.

Или вот еще характерный случай: 25 июля 1942 года, после снятия Тимошенко С. К. с должности командующего Сталинградским фронтом, на эту должность был назначен Гордов В. Н.

Я воспринял это назначение как крупную кадровую ошибку, так как знал Гордова В. Н. как человека грубого, не пользующегося авторитетом среди участников битвы за Сталинград, в военном отношении не очень искусственного. Естественно,

у нас имелись все подтверждающие это материалы. Все это я изложил в телеграмме, которую направил лично Сталину И. В., а копию — Берии Л. П.

Что тут началось! Меня вызвали в Москву, и Берия Л. П. долго меня ругал, заявляя при этом, что я «...сую нос куда не следует», что «назначение командующих фронтами — это прерогатива Верховного командования», а не «особиста». После, по указанию Сталина, на Сталинградский фронт приезжал Абакумов В. С. и проверял, насколько я прав в своих доводах. Честно говоря, я сильно рисковал, и, будь что не так, не сносить бы мне головы... Но мои данные подтвердились, и вскоре Гордов В. Н., под благовидным предлогом, от командования фронтом был отстранен.

Возвращаясь к подвигам военных контрразведчиков в ходе Сталинградской битвы, хотел бы отметить, что среди моих подчиненных были люди, которых я с удовольствием представил бы к званию Героя Советского Союза.

Так, сотрудники Особого отдела Сталинградского фронта Белоусов, Васильченко, Чураков проявили себя как бесстрашные, мужественные люди, очень квалифицированные оперативные работники. Примеры истинного бесстрашия показывали и представители вышестоящего руководства. Когда на Сталинградском фронте находился Абакумов В. С., он постоянно выезжал на передний край, где проводил совещания с представителями военного командования и оперативными сотрудниками, лично наблюдал за обстановкой, складывающейся на том или ином участке фронта.

Так, в беседе с командующим 13-м танковым корпусом генерал-майором Танасчишиным Т. И. неожиданно выяснилось, что тот намерен атаковать железнодорожную станцию, чтобы отбить ее у немцев. Со стороны станции раздавались взрывы, над ней летали немецкие самолеты.

— Если станция занята немцами, то почему ее бомбят немецкие самолеты? — спросил Абакумов В. С. Танасчишина Т. И., пока подразделения выходили на рубеж атаки.

Не получив вразумительного ответа, Виктор Семенович сел в машину и сказал:

— Еду на станцию. Если там немцы — вступлю с ними в бой. Приказываю открыть по моей машине артиллерийский огонь — мне нельзя попадать в плен.

Мне ничего не оставалось делать, как сесть в машину к Абакумову В. С., и на очень большой скорости (чтобы противник не мог вести по нам прицельный огонь) мы поехали к станции. Честно говоря, меня ожидали не самые лучшие минуты в жизни, но что было делать? Не мог же я отправить прямо в лапы к немцам своего руководителя.

Лучше уж было погибнуть вместе, потому что, если бы с ним что-нибудь случилось, с меня бы потом три шкуры спустили. Кроме того, не хотелось перед бойцами ударять в грязь лицом.

Нам очень повезло: на станции немцев не оказалось. Кое-как вернулись из-под бомбежки назад. Абакумов крепко поругал руководство корпуса, и я считаю, поделом: зачем зря подставлять под бомбы бойцов? Надо было просто провести разведку, вот и все. Чтобы это понять и принять правильное решение, не нужно было быть большим стратегом.

Помню еще случай, когда мне пришлось ходить с бойцами в атаку. Сейчас, когда вспоминаю, улыбаюсь, а в тот момент было не до смеха.

Перед нашим наступлением поздней осенью 1942 года приехал я как-то в Особый отдел одной из дивизий. Ищу начальника. Его нет, говорят, он находится у командира дивизии. Я туда. Но там нет ни комдива, ни моего подчиненного особиста. Дежурный докладывает: они отбыли в такой-то полк. Но и там никого не оказалось. Все руководство, в том числе и мои ребята, ушли в расположение такого-то батальона. Прибыл и я туда же.

Медаль «За оборону Сталинграда»

Генерал-лейтенант
Селивановский Николай Николаевич. 1945 г.

Там увидел следующую картину: командир дивизии на чем свет разносит комбата за то, что тот не может взять высоту, которая находилась как раз в зоне действий его подразделения, и это мешает выравниванию рубежей дивизии перед наступлением. А комбат, видно опытный, обстрелянный и решительный человек, держится твердо и отвечает, что он не может наступать, так как не хочет губить остатки своего батальона, что у него всего-то осталось человек двадцать пять.

— Ах так, — кричит в запале командир дивизии, — тогда мы прямо сейчас пойдем в атаку, и я сам поведу батальон!

И что бы вы думали? Он действительно рассредотачивает людей, готовит их к атаке. С ним вызвались идти и мои особисты. Я препятствовать не стал, но куда мне-то самому было деваться в такой ситуации? Сесть в машину и уехать? Это было бы великим позором для меня лично, не только как генерала и начальника Особого отдела фронта, но и как представителя военной контрразведки.

И мне пришлось идти в атаку на высоту вместе со всеми. Более того, вынужден был ее возглавить, как самый старший по званию и по должности.

Встали мы из траншей во весь рост, я закричал: «Вперед! За Родину! За Сталина!» — и побежали по снегу на высоту, за нами — солдатики. Бежать было ужасно тяжело: я в полушубке, в валенках, весь тепло одет — не собирался ведь в атаку ходить. Помню, бежал и без остановки палил из автомата. Рядом падали убитые и раненые. Потом была рукопашная... Когда взяли уже высоту, вбежали в какую-то деревеньку,

Красное знамя над освобожденным Сталинградом. Февраль 1943 г.

я заскочил в дом и у порога свалился без сознания. Трудное это дело — ходить в атаку, когда тебе уже за сорок, да без привычки. Выручила, наверное, память: в Гражданскую войну не раз приходилось хаживать в штыковые атаки на пулеметы...

Потом мое начальство меня ругало и спрашивало, мол, мне, наверно, заняться больше нечем, если уж я в атаки с солдатами стал ходить.

Теперь, на старости лет, не хочу кривить душой и скажу, как считаю: воины-чекисты в период Сталинградского сражения проявили себя более достойно и честно по отношению к защитникам города, чем некоторые представители военного командования, фамилии которых я называть не буду.

Что касается проявлений ими лучших человеческих качеств, то их было достаточно. Конечно, тяжелая война — это не время для сантиментов. Мы были вынуждены быть порой суровыми. Но разве нельзя, допустим, отнести к проявлениям высокого гуманизма то, что начальник Особого отдела 62-й армии Витков Григорий Иванович подобрал потерявшего родителей мальчонку, выходил его, сделал своим приемным сыном?

Помню, в самое тяжелое для Сталинграда время заболел командующий 64-й армией Шумилов М. С., я пришел к нему. Он с трудом открыл глаза, чуть приподнялся, увидел начальника Особого отдела и забеспокоился:

— Что-то случилось?

— Да нет, — говорю, — пришел навестить вас, Михаил Степанович, пожелать выздоровления.

И так его растрогал мой, казалось бы, совсем обычный человеческий поступок! Он даже прослезился и прошептал:

— Надо же, такая тяжелая обстановка, и вы нашли для меня время...²

² Селивановский Н. Н. Так это было // Москва. 2015. № 5. Интервью с П. Поздеевым.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ СТАЛО ИЗВЕСТНО

В ноябре 1941 года в полосе обороны 6-й армии Юго-Западного фронта из окружения вышла группа советских военнослужащих, в числе которых был техник-интендант 1-го ранга Прядко Петр Иванович.

Незаурядные качества «окруженца», такие как хорошая память, развитый интеллект и коммуникабельность, привлекли внимание сотрудников Особого отдела. К тому же Прядко П.И. имел неоконченное высшее образование. В ходе беседы военные контрразведчики предложили ему перейти линию фронта со специальным заданием.

После краткосрочной подготовки Прядко П.И. получил документы на фамилию «Гальченко» и в ночь на 15 января 1942 года под видом дезертира-перебежчика «сдался» в плен к немцам.

В лагере для военнопленных «Гальченко» заметили вербовщики абвера, через некоторое время ему было сделано предложение о сотрудничестве с немецкой разведкой.

26 января 1942 года новоиспеченный агент абвергруппы-102 «Петр Петренко», получив разведывательное задание собрать информацию о частях 6-й армии, выехал к линии фронта. Благополучно перейдя ее, уже 2 февраля он находился в Особом отделе армии. С собой советский разведчик принес данные на восемь агентов, которых немцы готовили к заброске в тыл Юго-Западного фронта.

14 апреля агент «Петренко» снова перешел через линию фронта, доставив гитлеровцам заранее подготовленную в штабе 6-й армии дезинформацию. Вскоре немцы повысили «перспективного» агента в должности — ему поручили изготовление документов прикрытия для агентов, забрасываемых в советский тыл. Выполняя эту работу, Прядко П.И. допускал небольшие погрешности в документах, с тем чтобы сотрудники органов безопасности обратили внимание на их владельца и тщательнее его проверили.

Находясь в абвергруппе-102, Прядко П.И. сумел дискредитировать перед немецким командованием трех ее кадровых сотрудников, которые были сняты с должностей или арестованы гестапо.

В результате проведенных им акций саботажа подготовленная в немецкой разведшколе агентура дважды была скомпрометирована и направлена обратно в концентрационные лагеря.

Не имея связи с органами военной контрразведки, Петр Иванович находил способы передавать в Центр собранную информацию о разведоргане про-

тивника, его официальных и негласных сотрудников. Для этого он устанавливал доверительные отношения с советскими патриотами, проживавшими по месту дислокации абвергруппы, которые выступали в качестве связников.

Ему удалось передать в органы госбезопасности подробные данные на 101 вражеского агента, характеристики на 26 сотрудников абвергруппы-102 и много другой ценной информации.

После выполнения разведывательных заданий Прядко П. И. вернулся в войска, где продолжил службу в должности начальника склада горюче-смазочных материалов. День Победы он встретил в польском г. Щецине.

За выполнение специальных заданий в тылу врага, другие подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, и безупречную службу после ее окончания Прядко П. И. награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и 11 медалями, в том числе иностранных государств. Приказом Директора ФСБ России от 7 июня 1995 года № 94 Петр Иванович был награжден высшим знаком ведомственного отличия «Почетный сотрудник контрразведки».

В 1980 году в книге «Чекисты Дона» почетный сотрудник госбезопасности Беляев В. П. опубликовал очерк о судьбе этого выдающегося разведчика под названием «Через годы стало известно».

За день до вступления фашистов в Ростов-на-Дону Нина Золотко под досками на чердаке сарая спрятала самое ценное: комсомольские билеты (свой и сестры Ани), письма, которые присылал с фронта муж-политработник.

Перед тем как занять город в июле 1942 года, гитлеровцы подвергли его жестокой бомбежке и артиллерийскому обстрелу. Остаться в щели, вырытой около дома, было уже опасно. Подруга и ровесница Ани 18-летняя Вера Пивоварчук (жительница Ростова-на-Дону Пивоварчук Вера Павловна в 1946 году вышла замуж за советского разведчика Прядко П. И. и прожила с ним 56 лет до его смерти в 2002 году. — Прим. составителей) предложила им более надежное место — глубокий и просторный погреб, внутри обложенный кирпичом, а сверху накрытый бревнами. Схватив пятилетнюю дочурку Аллочку, Нина бросилась вслед за Аней.

Домой вернулись только на третий день, 26 июля. Фашистские самолеты, пролетая над Ростовом, сбрасыва-

Ефрейтор
Пивоварчук Вера Павловна. 1944 г.

ли свой смертоносный груз за Батайском, там гремел бой. На улице было тихо. Но в их дворе оказались какие-то странные люди. Молчаливые солдаты в красноармейской форме убирали со двора и из комнат битое стекло, осыпавшуюся от бомбежки штукатурку; зачем-то вносили в дом школьные парты. Распоряжения им отдавал на русском языке худой, высокий, строгий старшина.

Хозяйкама дома дозволили жить во флигеле, но больше никуда не входить. Не разрешили Ане взять даже учебники из кладовки.

На другой день появился «пан Валерий». Он и еще долговязый парень заняли одну из комнат. В раскрытое окно было видно, как оба что-то писали. К вечеру того же дня пришел немецкий офицер. К нему вызвали двух красноармейцев. Когда стемнело, немец увел их с собой. «Наверное, на расстрел», — подумала Аня.

И так повторялось каждый день: двух-трех русских немцы после вызова куда-то увозили.

— Сначала допрашивают наших военнопленных, а потом убивают, — с горечью рассказывала Аня пришедшей к ней Вере. — А один русский вызывает их к немцам, в доверии у них.

— Какой он русский — выродок, продажная шкура! — горячилась Вера. — Но в наш дом и он не посмеет войти, там только немцы — фельдфебель Аппельт. Нас с мамой выгнали из погреба. Устроились мы в землянке, в дальнем углу сада. Если захочешь к нам, то иди через дворы и сады соседей.

— Чем бы помочь красноармейцам? — сочувственно спрашивала Аня подругу. — Один из них, которого почему-то кличут Кадыр, попросил походить по городу, записать, сколько встретится автомашин, орудий, немецких солдат, и передать ему. Ты согласна, Вера?

— Конечно, Аня. Но почему его так странно называют — Кадыр?

— Не знаю. Все военнопленные называют друг друга просто по именам, а с немецкими офицерами здороваются по-красноармейски и почему-то обращаются к ним со словом «товарищ»...

— А мое имя тоже простое — Петр. — Долговязый вышел из беседки, увитой виноградом, около которой подруги и вели свой разговор. Он их, конечно, слышал.

*Ростов-на-Дону в дни немецкой оккупации.
Вход в Продуктовый (Центральный) рынок города. 1942 г.*

Ростов-на-Дону в дни немецкой оккупации. Колонна немецких военнослужащих у здания Драматического театра имени Максима Горького. 1942 г.

Вера бросила на него злобный взгляд, встретилась с глубоко посаженными серыми глазами, рассматривавшими ее, отвернулась. Аня стояла, понутив голову, ожидая, что теперь сделает этот немецкий холуй.

— Иди возьми свои учебники, — сказал Петр изумленной девушке.

В доме никого не было. Впрочем, ничего секретного или необычного она все равно не смогла бы увидеть, переступив порог, — разве что школьные парты. Она и не подозревала, что здесь, в их доме по 1-й Баррикадной, разместилась школа, а в доме, где жила Вера, — канцелярия разведывательного органа вражеской 17-й армии — абвергруппы-102, готовящей шпионов для заброски в тыл Красной Армии.

А их, опять же в форме солдат и командиров Красной Армии, прибыла новая партия. Наивное доверие Ани к «попавшим в лапы фашистов русским людям» потянуло к сближению и желанию чем-то помочь им. И однажды она едва не погубила себя. Аня показала «пленным» фотокарточки, а подошедшей Вере напомнила: «Это те самые, которые мы сделали для комсомольских билетов». Хотела сказать подруге и где хранит комсомольский билет, но тут ее прервал резкий окрик высунувшегося из окна Петра. Ему, видите ли, захотелось перца. Сию минуту. Немедленно.

Аня нехотя побрела исполнять прихоть ненавистного человека. Вскоре к ней присоединилась Нина. Испуганная и встревоженная, она зашептала сердито: «Перестань болтать. И с Кадыром не вступай в разговоры». Оказывается, ее позвал Петр, громко, для всех, распорядился принести помидоров, а в коридоре придержал за руку и тихо предупредил, чтобы ее сестра не говорила лишнего.

Так кто же он, этот Петр? Почему он на виду, особенно при немцах и своем начальнике Валерии, — суровый и строгий, а украдкой дает Аллочке хлеб и кусочки сахара?

Кстати, и Валерий куда-то исчез. Вместо него в той писарской комнате появился «товарищ Петровский» — так именовали его «красноармейцы».

Но вот настал черед и Петра. Здорово на него кричал Петровский. Девочки слышали, как он приказал Кадыру, переодетому почему-то в полицейскую форму:

— В карцер его, в карцер!

А Петр вовсе и не являлся тем, за кого его принимали. Это был советский разведчик. И чуть ли не за руку поймал его Петровский. Под этой фамилией был засекречен Петр Зотович Самутин — бывший царский офицер и петлюровский ротмистр. Он окончил академию генштаба буржуазной Польши, служил в их разведке и имел звание подполковника, а с приходом в Польшу гитлеровцев выкрал секретные документы и принес их своим новым хозяевам. Обо всем этом Петр узнал и сообщил через связного в Центр. В абвергруппе-102 Самутин — заместитель шефа, занимавшийся изготовлением документов, действующих в тылу Красной Армии. Он стал непосредственным начальником Петра, писарем...

А до этого начальником Петра был Валерий Шевченко. «Пан Валерий» следил за каждым его шагом.

Для себя же Петр отметил: Валерий Шевченко, он же Гартман, 28 лет. Бежал при освобождении Красной Армией Западной Украины в Братиславу. Ярый украинский националист. Служил у фашистов несколько лет, за что получил от них надел земли во Львовской области. Требуется величать его «пан Валерий». В абвергруппе-102 выполняет работу по подготовке агентов, забрасываемых в расположение Красной Армии, изготовлению для них соответствующих документов: красноармейских книжек, командирских удостоверений, партийных и комсомольских билетов... Но есть и слабости у Шевченко: большой любитель выпить и погулять. Бывает, что допускает халатность в обращении с документами.

Нельзя ли использовать эти слабости для компрометации Шевченко, чтобы избавиться от него? Возможность вскоре представилась. Как-то Шевченко и Петр сидели за картами в комнате. Петр заполнял документы на очередную группу шпионов. Фамилия, имя, отчество, год рождения, звание и место службы — в его руках, надо только запомнить. А еще бы узнать, когда и куда они будут заброшены, но эти данные в папке у Шевченко. На одного шпиона оказалась лишняя фотокарточка, вот бы изловить момент, чтобы сунуть ее в карман. Прикрыл листом бумаги.

И тут в комнату заглянул приятель Шевченко — немец Крюгер.

— Ком, ком, Валерий, — манил он пальцем Шевченко. — Айн момент.

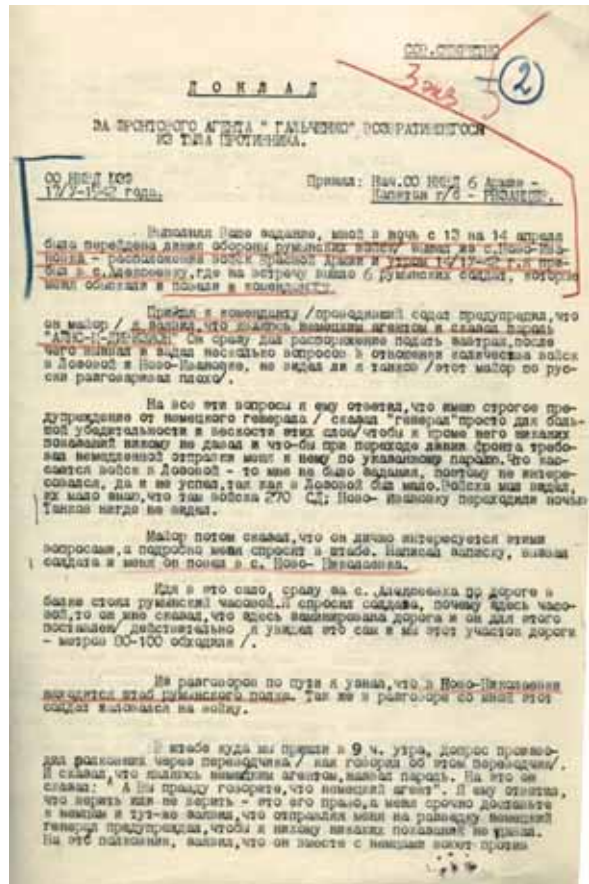
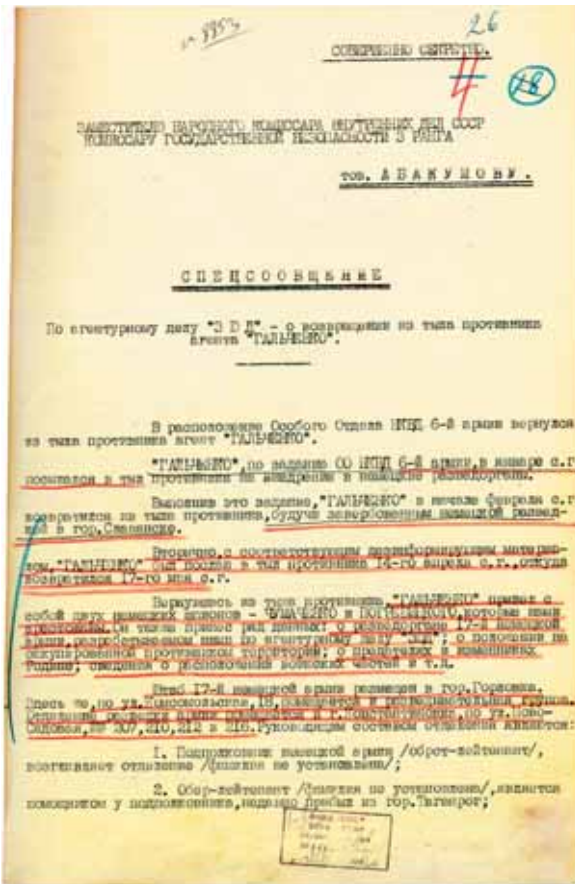
Петр понял: зовет на очередную попойку. Сколько времени там, за дверью, Крюгер будет уговаривать Шевченко? Минуту, две? Петр быстро подошел к его столу, выбрал из папки три нужных листа и едва успел отойти, как вернулся Шевченко. К счастью, он торопился. Не проверяя содержимого папки, отнес ее в канцелярию.

Петр проследил из окна, как он хлопнул дверцей машины и уехал. Развернул листы. В правом верхнем углу — гриф, два красных треугольника: «Строго секретно». Как раз то, чего недоставало. Быстро переписал, и пока в карман, а потом — в тайник.

Ну а что делать с документами? Уничтожить? Нет, нельзя. Завтра Шевченко проанализирует, вспомнит, что, оставив папку, он выходил с Крюгером из комнаты и что там был только писарь. Душу вытрясет.

Петр вышел на крыльцо. Млея от жары, за тенью дерева остановился часовой. Его путь лежал от канцелярии к дому, по той дорожке, по которой только что пробежал Шевченко. В один миг Петр бросил листки на дорогу и скрылся в своей комнате. Из окна видел: вот часовой пошел, остановился у белевших на земле бумаг, наклонился, поднял — и помчался в канцелярию.

...Нашли Шевченко через несколько часов в такой компании, какую разведчику надлежит обходить десятой дорогой. Он был пьян и объяснить ничего не смог. Протрезвел в СД — в отделении немецкой службы безопасности. А там разговор короткий: расстрел.

Оперативные документы о работе зафронтового агента «Гальченко»³

В тот раз все сошло для Петра благополучно. А теперь, когда ничто, казалось, не предвещало беды, он попался. Самутин за несколько дней впервые раскрыл заполненные Петром документы и вдруг насторожился: подпись командира войсковой части, которую копировал Петр, несколько разнилась от подписи на образце. Владелец такой книжки может вызвать подозрение и подвергнуться более тщательной проверке. Этого и добивался Петр. Об этом догадался и Самутин. Побагровев, он процедил:

— Сволочь, в карцер!..

Кадыр привел Петра во двор Веры, втокнул в погреб. Что это — конец? Самутин отправит его, как и Шевченко, в СД? Доложит начальнику абвергруппы-102 Гопфу? Будет допрашивать сам? И что делать с записями, которые лежат во внутреннем кармане мундира? Убийственная улика...

Мысли одна тревожная другой. Прильнул к стенке, в маленькое окошечко увидел сад, усеянные зрелыми плодами деревья...

Сад был такой же, как в родном селе Малые Каневцы. И воспоминания унесли Петра на Полтавщину. Он увидел меж деревьев себя, босоногого. Босым в школу ходил. А учился жадно. После семилетки окончил педтехникум в городе Золотоноше. Призвали в армию, но и там тоже учился — в полковой школе младших командиров, на курсах среднего комсостава. По направлению ЦК ВЛКСМ работал комсоргом 141-й средней школы и одновременно учился на вечернем отделении

³ Военная контрразведка ФСБ России. 100 лет. М.: Издательский дом Руденцовых, 2018. С. 72.

Киевского пединститута. Особенно легко давался немецкий язык, мог свободно изъясняться на нем.

И все же стал военным, добровольно, с 20 января 1937 года. А на второй день войны техник-интендант 1-го ранга Петр Иванович Прядко вступил в должность начальника головного склада горючих материалов. В составе 5-й армии участвовал в боях, тяжело переживал отступление, вышел из окружения.

Все, что видел за линией фронта, Петр Иванович доложил командованию и работнику Особого отдела 6-й армии Юго-Западного фронта Меркулову Ф. Я., показал себя наблюдательным, способным анализировать факты. С разрешения командования Меркулов стал готовить Петра Ивановича для выполнения специального задания в тылу врага.

5 декабря 1941 года с ним беседовал начальник Особого отдела 6-й армии капитан госбезопасности Рязанцев П. А.

*Из характеристики на зафронтowego агента «Гальченко»:
«По своим качествам исключительно толковый работник, грамотный, сообразительный, быстро и хорошо ориентирующийся в боевой обстановке. К заданиям относится серьезно и выполняет их точно, в соответствии с нашими указаниями».*

*Капитан госбезопасности
Рязанцев Павел Андреевич*

— Вы, Петр Иванович, — сказал он, — получаете очень сложное и важное задание: надо проникнуть в абвергруппу-102. Проникнуть и закрепиться. Скрывать не буду: личный риск для вас большой. Подумайте еще раз.

— Поверьте, выполнение любого задания во имя Родины считаю своим долгом.

— Спасибо, Петр Иванович, другого ответа от вас мы и не ожидали.

Линию фронта он перешел в ночь с 14 на 15 января 1942 года около села Татьяновка. Первый раз его допрашивали гитлеровцы в полевом штабе, потом отконвоировали в дивизию, а затем — в лагерь для советских военнопленных. Здесь Петр узнал, что находится неподалеку от города Славянска. А один бывший военный служащий, назвавшийся Зубовым, сказал Петру, что он в плен попал в бою, расстреляв все патроны. Но и ему, как и гитлеровцам на допросах, Петр о себе рассказывал одно и то же: был судим за уголовщину, наказание отбывал на севере Карелии, освободили досрочно с направлением на фронт...

Зубов в этой беседе осудил Петра за дезертирство из Красной Армии, но на следующий день все же принес краюшку хлеба.

— На, перекуси, — сказал он, — помрешь ведь с голоду. Видел, сколько трупов вывезли утром из лагеря? Сотня за сутки. Не приспособишься — и ты за ними пойдешь.

— Мне бы выжить, добраться до села, к матери, обзавестись хозяйством.

— Помогу, — к удивлению Петра, твердо сказал Зубов.

22 января его вызвали в канцелярию лагеря, к Крюгеру. Петр увидел белокурого офицера в роговых очках. Снова рассказал «биографию» и объяснил причину

прихода к немцам. Твердил, что обижен, отвоевался... Что? Обрато идти на ту сторону? Это же ему нельзя — отправят в Сибирь.

«Колелания» на предложение сотрудничать с немецкой разведкой у Петра закончилиь лишь после предупреждения, что угрожает ему и матери, в одном случае, и намека на большое денежное вознаграждение — в другом...

Через три дня Крюгер подвез Петра к линии фронта, вручил 500 рублей, назвал сроки и пароль для возвращения.

— Вообще-то такой вариант мы предвидели, — успокаивал Рязанцев Петра, разочарованного тем, что ему не удалось остаться в фашистском разведоргане, — но чтобы через десять дней после появления у них направлять к нам... Что же получается? Фашисты забрасывают агентуру в массовом порядке, не тратя особых сил на ее подготовку. Расчет простой: хоть часть шпионов, да выполнит задание. Спасибо вам, Петр Иванович, за сведения для командования армии, за подробные данные о восьми гитлеровских агентах. Что же касается задания абвера, то мы можем вам его выполнить...

В абвергруппе-102 на этот раз Петр оказался быстро — пароль помог. Но шесть суток его непрерывно допрашивали, сличая протоколы допросов, чтобы поймать хоть на малейшей неточности. Наконец он предстал перед Гопфом.

Строг, внешне спокоен шеф разведывательного органа 17-й немецкой армии. На мундире — Железный крест. Слушает Петра внимательно, не перебивая.

— Но я бы мог сделать для вас больше, если бы имел надежные документы, — посетовал Петр в конце доклада.

— Ты хорошо всех там провел и принес хорошие сведения! — заключил беседу Гопф. Встав из-за стола и приподнявшись на цыпочки, чтобы дотянуться рукой до плеча рослого Петра, Гопф похвалил: — Ты настоящий молодец, твой случай надо рассказать всем нашим агентам, и это для них будет очень поучительно! Если бы все были такие, как ты! Я прикажу, чтобы тебе дали денег, папирос, водки.

Петр вытянулся в струнку.

— Но во всем знай меру, никаких посторонних связей, особенно с фрау. Ты теперь нам нужен.

Спустя две недели Петр и еще четыре гитлеровских агента получали инструктаж по новому заданию.

Петра Прядко снабдили документами на имя лейтенанта Красной Армии Василия Ругаева. В городе Ворошиловграде он должен был собрать данные о вновь формируемой 37-й армии. Остальные шли по своим маршрутам. Но благодаря Петру Ивановичу все оказались в Особом отделе.

В ходе следствия выяснилось, как много рассчитывал получить Гопф при заброшке этой группы агентов: она должна была собрать для фашистского командования сведения о 6, 9 и 37-й армиях Юго-Западного фронта и доставить их за 10–15 дней до начала весеннего наступления.

17 мая 1942 года гитлеровские полчища стали вгрызаться бронированными клиньями со стороны Славянска и Барвенкова в основание выступа войск Юго-Западного фронта. Штаб 6-й армии и его Особый отдел оказались в окружении. 25 мая погиб Рязанцев. Петра Ивановича напутствовал Меркулов:

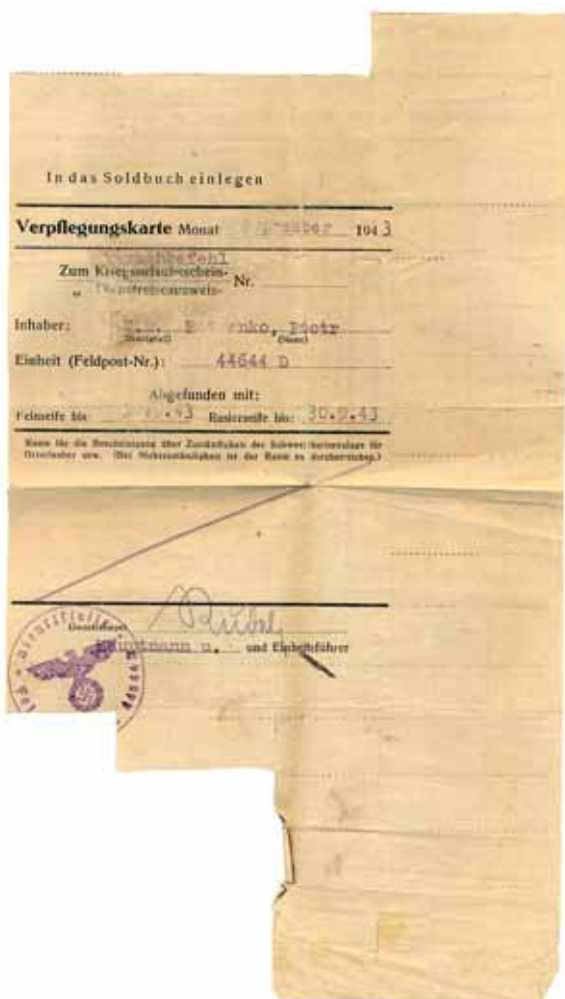
— Останетесь здесь, сдадитесь в плен и требуйте направления к Гопфу.

— Что же я скажу ему теперь?

— Советую придерживаться в какой-то степени правды: были задержаны военными, допрашивались командирами, но произошел налет немецкой авиации, около сарая упала бомба, воспользовавшись общей паникой, вы и совершили побег. Остальное продумай сам. До свидания, друг!

— До скорого, — пожелал Петр Иванович.

Гопф делал вид, что слушает Петра с интересом. Сидевшие рядом переводчик и Крюгер подробно записывали сведения о противостоящих частях Красной Армии, местах скопления танков, артиллерии, «катюш», фамилии командиров, другие сведения чрезвычайной важности. Но такими они были дней двадцать назад, до начала наступления немецкой армии. А сейчас трофейные команды все подсчитали, в штабах увеличили эти цифры для убедительного доклада Гитлеру об успешной

I		II		III		IV		V	
Truppenverpflegung		Verpflegungsgeld		Zusatzkost		Tabakwaren		Sonstige	
Marschverpflegung		Lebensmittelkupon		Tabakwaren		Zusatzkost		Sonstige	
14	14	14	14	14	14	14	14	14	14
13	13	13	13	13	13	13	13	13	13
12	12	12	12	12	12	12	12	12	12
11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Удостоверение личности и продовольственная карточка на имя Петра Петренко, выданные в авверзгруппе-102. 1943 г. (Архив УФСБ России по Ростовской области)

операции по окружению русских под Харьковом. Агента об этом можно было бы и не слушать, но Гопф терпелив — завтра сверят и эти показания Петра. Характер беседы резко изменился, как только Петр объяснил, что был задержан вместе с другими агентами, но ему удалось бежать и еще собрать то, за чем послали.

— К Самутину его, — сухо распорядился Гопф.

Так делалось, когда для агента, вернувшегося с задания, была необходима специальная проверка. Самутин считался в этом деле мастером.

Дотошно допытывается он от Петра: когда и где группа агентов была задержана, где они содержались, кем допрашивались? А в какой день и час был налет немецких самолетов?

Петр точно назвал дату и час бомбежки, на месте показал сарай, воронку от бомбы. Там же нашли и двух убитых агентов.

— Про остальных не знаю, может, остались с красными, а я вам предан.

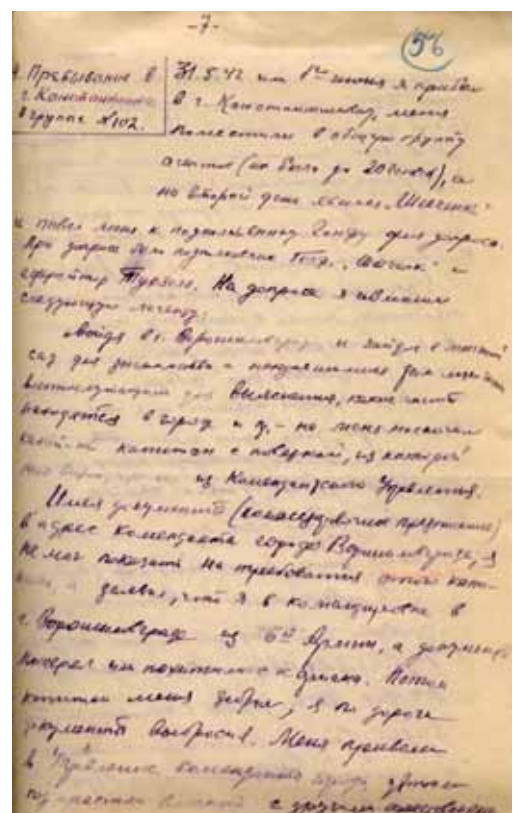
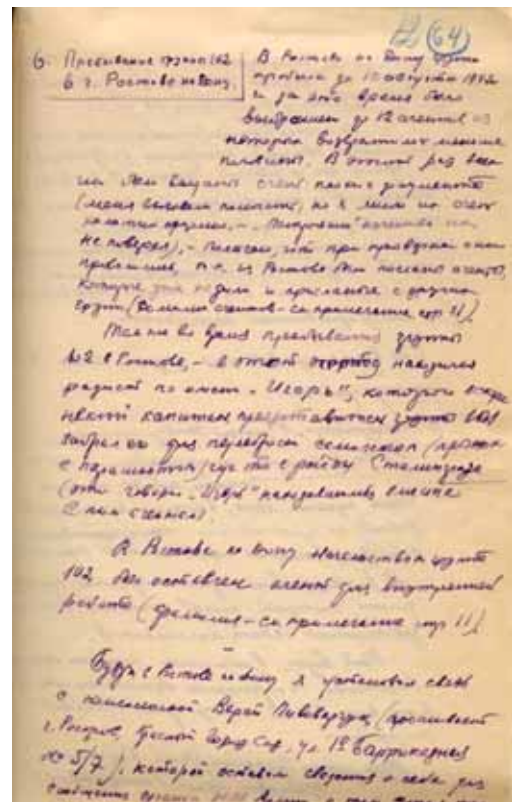
— Хочу верить, как земляку. — Самутин сказал, что он родом из той же Полтавской области, село Ташань.

2 июня 1942 года Петру объявили, что проверка закончена. От него приняли присягу, облачили в форму вермахта. Вначале он выполнял хозяйственные поручения, познакомился с Кузаловым — специалистом по изготовлению советских печатей и штампов. Время от времени Кузалов привлекал себе в помощь и Петра. Это сыграло большую роль при назначении его писарем в канцелярию абвергруппы-102. Отныне Петр мог знать данные почти обо всех агентах, которых готовили к переброске, и, что не менее важно, он теперь получил возможность изучить руководящий состав разведки 17-й армии.

И вот он попался. Карцер. Ожидание допроса.

Сквозь квадратик отдушины погребца Петр увидел за деревьями Веру. Окликнуть ее, довериться? В одной беседе она призналась, что ее брат — командир Красной Армии. И он решился, позвал ее. А она за яблоньку — и ни с места. Понять ее можно: в Ростове каждый день массовые расстрелы, аресты коммунистов и советских активистов, угон молодежи в Германию. Но зов-то шел из карцера! И Вера подошла.

— Слушай меня внимательно, — стал быстро и тихо говорить Петр. — Возьми, пожалуйста, вот эти документы, спрячь пока, а как придут наши — передай командиру из НКВД, только сразу, Вера!

Из письменного отчета агента «Гальченко»⁴

⁴ Военная контрразведка ФСБ России. 100 лет. М.: Издательский дом Руденцовых, 2018. С. 71.

Она протянула руку, взяла у Петра школьную тетрадь...

Позже она познакомится с содержанием тетради, больше из любопытства (что же мог передать через нее немецкий прислужник в НКВД?), разберет какие-то линии и поймет, что Петр указывал свое местонахождение на 10 августа 1942 года.

Вовремя отдал Петр документы: за ним пришли, привели к Самутину. Он приказал обыскать Петра, пригрозил:

— Песенка твоя спета, гад, сознавайся!

— За что вы, Петр Зотович, ко мне так? Из-за подписей? Так вы же сами, господин подполковник, приказали заполнить шесть красноармейских книжек как можно быстрее. Старался, чтобы к утру и другие документы были готовы, всю ночь не спал. Первую-то скопировал с образца, а остальные по ней заполнял. Как не получился кончик подписи, так уже и везде вышло... Каюсь, велика моя вина, но ведь от усталости...

Перевел дух и продолжал искательно:

— За что от вас такая немилость? Чай, не забыли, как обеспечил вас личной музыкой на свадьбе? Разве мало помогаю в хозяйстве вашей молодой жене? Превыше всего дорожу вашим доверием, Петр Зотович, для вас и за вас на все готов, только прикажите!..

Слабую струну характера Самутина задел Петр: он любил лесть и холопскую преданность. Петр не скупился на это. Самутину же Петр был нужен в разведгруппе как «свой». Он освободил Петра, поручив Кузалову негласно вести за ним наблюдение.

Думал ли он об опасности? Каждодневной, ежеминутной? Да, конечно, думал. Почувствовал, как она увеличилась после прекращения связи с Рязанцевым и Меркуловым. Это все равно что ходить по краю пропасти без баланса, без поддержки. Но Петр выработал уже в себе привычку держаться золотой середины: недооценивать опасность — смерти подобно, переоценивать ее постоянно — связать себя по рукам и ногам.

Этим, пожалуй, можно объяснить, что буквально тут же он пошел на новое, не менее рискованное дело.

Абвергруппу-102 перебазировали в Краснодар, где она находилась более полугода. Фашисты усилили заброску агентов в тыл Красной Армии. Но обратно почти никто из них не возвратился. Как ни трудно было, а Петр находил способы уведомлять органы советской военной контрразведки. Новый заместитель начальника разведгруппы Бокк — специалист по вербовке женской агентуры — пытался оставить в Краснодаре четырех девиц. Но Петр вручил паспортные данные на них кладовщику типографии газеты «Кубань», а он с приходом Красной Армии — в Особый отдел Северо-Кавказского фронта.

В конце января 1943 года абверовцы подготовили для диверсий и шпионажа в расположении Красной Армии «взвод красноармейцев», который, по их замыслам, должен одним из первых ворваться в оставляемый немцами город Краснодар. Как сорвать эту гитлеровскую провокацию и предотвратить такую большую опасность? И Петр искаженным печатным почерком пишет плакат: «Здесь живут шпионы во главе с Гессом и прочими бандитами. Вам не уйти от кары!» Ночью, с помощью русского шофера Василия Матвиенко, Петр прикрепляет плакат к зданию. Утром поднялся переполох. Еще бы, такая афиша на засекреченном объекте! Шпионов, за невозможностью использования по назначению, всем «взводом» — в лагерь, для проверки.

Спустя несколько дней Петр скомпрометировал и капитана Гесса — надменного нациста, прибывшего в конце 1942-го на место подполковника Гопфа.

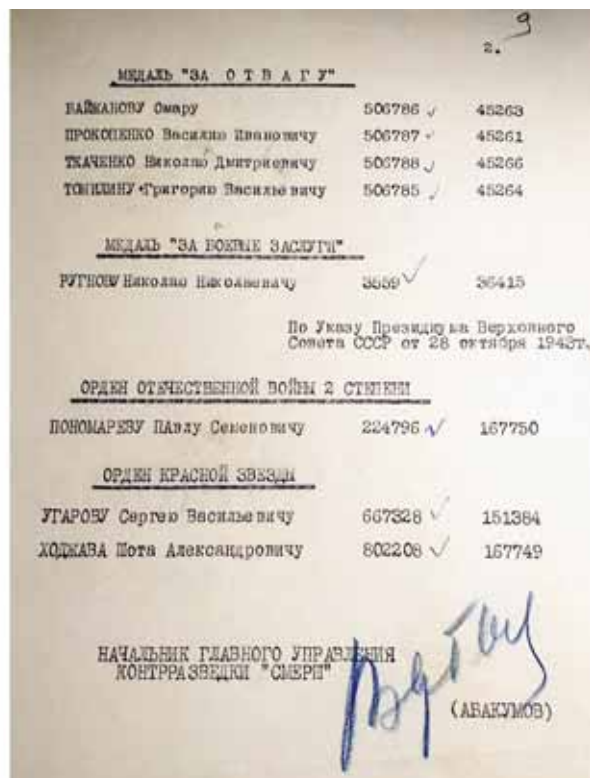
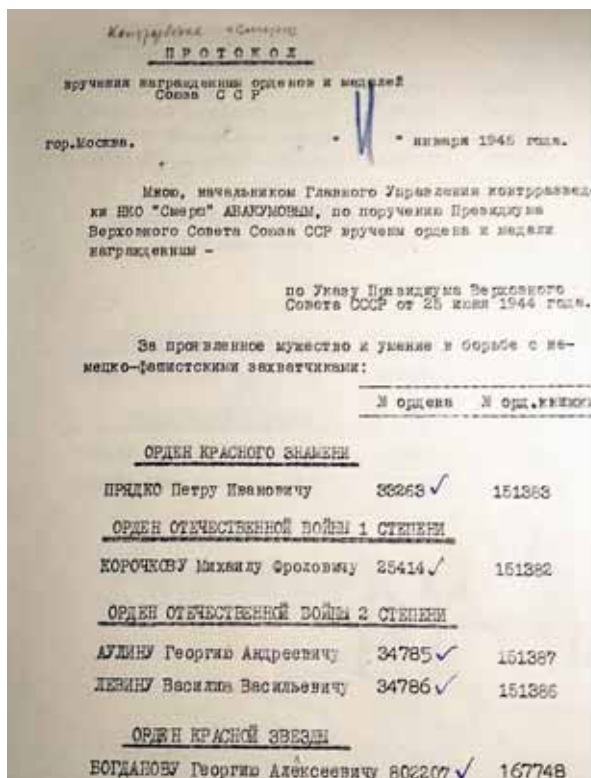
Фотографии немецких агентов, образцы бланков, оттисков печатей и штампов, добытых Прядко П. И. в абвергруппе-102. (Архив УФСБ России по Ростовской области)

В январе 1943 года, проходя по улице Седина, Петр заметил возле дома № 10 легковую машину Гесса. Бросил взгляд внутрь — пусто, открыл дверцу и на сиденье увидел кожаный портфель. Взял его, зашел в комнату-кухню, раскрыл. В нем лежал доклад начальника разведки 17-й армии на имя ее командующего генерал-полковника Руоффа. Быстро пробежал страницы глазами, закрыл портфель и вежливо постучал в дверь передней комнаты. В ответ — молчание. Толкнул дверь. Свесив с дивана руку, мертвецки пьяный, Гесс спал. Тлела сигарета в пепельнице на стуле, а на его спинке висел мундир...

Будить шефа, чтобы вручить ему портфель? Еще больше повесить акции? А если... Он положил документ на пепельницу, попятился к выходу, аккуратно закрыл за собой дверь... Гесс не отрезвел даже тогда, когда его вытащили из огня. Утром его вызвали в штаб армии, и больше он не появлялся в разведгруппе.

Абвергруппу-102 в спешном порядке перебросили в станицу Крымскую, потом — в Курганинскую, отсюда вывезли самолетами в Евпаторию, а затем — под Винницу, в местечко Вороновицы, на переформирование и отдых. Не знал отдыха только советский разведчик. Петр не находил себе места — накопились необычайно ценные данные. Он ищет выход. «Помог» Самутин. Петр знал, что он награбил у советских граждан много ценных вещей, таскать с собой нелегко, а при бегстве с Северного Кавказа часть даже оставил...

— Петр Зотович, — обратился к нему Петр, — давайте я отвезу часть вещей вашим родственникам в Ташань на сохранение до победы.

Протокол вручения награжденным орденов и медалей Союза С С Р от 11 января 1945 г.
 (Государственный архив Российской Федерации)

Капитан Прядко Петр Иванович. 1951 г.

Самутин добыл необходимые документы, а Петр выкроил в этой командировке время и для себя, заехал в родное село Малые Каневцы.

— Здравствуйте, мама, — ласково произнес он при входе в хату.

Не отвечая, держась за стенку, опустилась она на скамью.

— Ой, лишенько, что ж делается на белом свете? Рос пионером, комсомольцем, коммунистом, командиром Красной Армии, а получился чертополох в немецком обряде. Что завтра скажу людям, как им буду смотреть в глаза?

А Петр в это время приводил в порядок свои записи, потом сложил их в чугунок, вытащил из стояка печи два кирпича, вложил туда чугунок и замуровал его кирпичами.

— Мама, скоро сюда придет Красная Армия, так передай чугунок командиру, — попросил Петр.

— Сынку, родной, — мать бросилась к нему, повисла на шее, — а я-то думала, что ты...

Петр оставил у матери данные на 86 агентов и на 33 из них — фотокарточки.

То, что сделал Петр, получило высокую оценку. Центр констатировал, что в период наступ-

Государственная награда Польской Народной Республики медаль Победы и Свободы

Майор Прядко П. И. у Драматического театра имени Максима Горького. Ростов-на-Дону, 1960-е гг.

ления советских войск на Северном Кавказе Прядко Петр Иванович парализовал деятельность разведки 17-й немецкой армии. За время своего пребывания в абвергруппе-102 Прядко П.И. сообщил подробные данные на 101 вражеского агента, 26 официальных работников разведгруппы, достаточно подробные сведения о методах ее работы, способах изготовления фиктивных документов и ряд других ценных разведывательных материалов.

За проявленное мужество и героизм в тылу врага Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1944 года Прядко П.И. был награжден орденом Красного Знамени.

В том чугунке, что оставил Петр у матери, для Центра лежало письмо, в котором есть такие строчки:

«...Я уверяю вас, что придет время, и вы будете иметь возможность узнать и сказать, что я недаром жил эти тяжелые часы... Если придется погибнуть — не думайте обо мне ничего плохого. Я был, есть и буду до последнего дыхания верным своему народу, своей партии, и ничто и никогда моих взглядов и убеждений не изменит... Верю, что скоро на весь мир мы будем праздновать победу!.. 12 апреля 1943 года».

На нашей стороне мы его увидели 25 сентября 1943 года. Через несколько дней Петр Иванович, имевший при себе много важных секретных документов и сведений о противнике, был доставлен в Москву. А в 1944 году он возвратился для продолжения службы в Советскую Армию. С боями капитан Прядко дошел до польского города Щецин. За мужество, героизм и участие в освобождении Польской земли от немецко-фашистских оккупантов Прядко П.И. был награжден орденом Красной Звезды, а также медалью Победы и Свободы польского правительства.

ОПЕРАТИВНЫЙ РОЗЫСК НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Из воспоминаний подполковника Сыромятникова Бориса Александровича.

Родился в 1918 году в г. Рязани. С января 1940 по апрель 1940 года — лыжник-стрелок 78-го отдельного лыжного батальона (Финский фронт, Петро-заводское направление). В 1940–1941 годах — студент Московского института истории, филологии и литературы.

С началом битвы за Москву — в рядах народного ополчения (2-й сводный полк московских коммунистов и комсомольцев РККА), затем на должности политбойца 1-го полка 128-й стрелковой дивизии.

В 1942 году — командир отделения, заместитель политрука 357-го запасного стрелкового полка. В декабре 1942 года подобран в органы военной контрразведки с зачислением на должность оперуполномоченного Особого отдела НКВД 18-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД. Затем

на различных оперативных должностях в отделах контрразведки «Смерш» 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

После войны проходил службу в УКР МГБ СССР по ГСОВГ. В 1949 году переведен в центральный аппарат 3-го Главного управления МГБ СССР (с марта 1953 года — 3-е Управление МВД СССР, с марта 1954 года — 3-е Главное управление КГБ при Совете Министров СССР, с февраля 1960 года — 3-е Управление КГБ при Совете Министров СССР), где и прослужил до 1970 года.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак почета», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В мае 1943 года радиоперехватом было зафиксировано, что в районе Воронежа действует агентурная радиостанция немецкой разведки. Дешифровка радиодиаграмм показала: агент по кличке «Григорьев» передал сведения о наличии танковых частей в районе станции Отрожка, аэродроме истребительной авиации в районе станции Усмани, движении воинских эшелонов и характере перевозок на участке Острогожск–Грязи. Ставка жестко требовала найти и обезвредить радиста.

Гвардейцы-бронбойщики отражают атаку врага. Курская дуга, 5 июля 1943 г.

На розыск были брошены крупные силы управлений контрразведки «Смерш» Воронежского и Степного фронтов, воинские подразделения, оперативники воронежских управлений НКГБ и НКВД — всего 24 оперативные розыскные группы. Неделию они прочесывали участки железнодорожных путей, лесные массивы, станции, населенные пункты, проверили сотни людей, но безуспешно.

Сложилась критическая ситуация.

И тут из Отдела контрразведки «Смерш» Тамбовского гарнизона поступило сообщение о явке с повинной агента Мищенко, знающего Григорьева, а из Саратова — признания агентов Панченко и Солнцева, которые сообщили, что агент Григорьев в форме лейтенанта Красной Армии выброшен с самолета с рацией под Воронежем.

Мищенко, Панченко и Солнцева немедленно включили в розыскные группы. 28 мая Григорьев был опознан в вагоне рабочего поезда на станции Воронеж-1. Агентом оказался бывший радист 380-го стрелкового полка Задорожный, прошедший подготовку в Варшавской разведшколе и заброшенный в ночь на 24 апреля. Поразили документы Григорьева: они были изготовлены столь умело, что только последующая тщательная проверка установила их фиктивность.

Всего же в течение июня–августа 1943 года были арестованы 119 членов немецких разведывательно-диверсионных групп. Нетрудно представить, какую ценную информацию получил бы противник, если бы десятки агентов в зонах действия трех фронтов передавали ему достоверную информацию. Однако впоследствии генерал-фельдмаршал Кейтель вынужден был констатировать: «Мы ни разу не получили данных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных операций».

Победе Красной Армии на Курской дуге предшествовала победа органов госбезопасности над опытной и изощренной немецкой разведкой.

НА ОРАНИЕНБАУМСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Из воспоминаний подполковника Богданова Александра Андреевича.

Родился в 1915 году в г. Белозерске Новгородской губернии. В 1937 году был направлен на учебу в Ленинградскую межкраевую школу ГУГБ НКВД СССР, по окончании которой стал оперативным работником Особого отдела Ленинградского военного округа.

В составе Особого отдела 35-й легкотанковой бригады принимал участие в советско-финляндской войне 1939–1940 годов. За выполнение специальных мероприятий в ходе боев на Карельском перешейке, проявленное при этом личное мужество отмечен государственными наградами.

Во время Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского фронта. Участвовал в операции по освобождению Ленинграда от вражеской блокады, в Выборгской операции.

В послевоенное время работал в органах военной контрразведки на Дальнем Востоке. Являясь членом Союза журналистов СССР и России, а также Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград, после увольнения в запас проводил большую работу по популяризации деятельности отечественных спецслужб.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В один из последних дней июня 1943 года я прибыл из Ленинграда на Ораниенбаумский плацдарм. Вводя меня, своего нового заместителя, в курс дела, начальник Отдела контрразведки «Смерш» Приморской оперативной группы полковник Гончаров Д. Г. рассказал, что в настоящее время рубежи Ораниенбаумского плацдарма защищают три стрелковые дивизии и три бригады морской пехоты, составляющие основу Приморской оперативной группы (ПОГ).

— Фланговое расположение плацдарма по отношению к войскам 18-й немецкой армии, блокирующим Ленинград с юга, — продолжал полковник, — превращает его в своеобразный трамплин, с которого после прорыва блокады в январе 1943 года войска нашего фронта могут развернуть наступательные операции. Не без основания ожидая удара со стороны Ораниенбаума, гитлеровское командование заинтересовано в активизации агентурной разведки против наших войск. Хорошо понимая это, мы, контрразведчики, во взаимодействии с командованием ПОГ принимаем все необходимые меры к тому, чтобы ни один агент вражеской разведки не сумел проникнуть на плацдарм.

Прошло немного времени, и я убедился: это не пустые слова. В ночь на 28 июля 1943 года находившиеся в секрете бойцы 50-й стрелковой бригады задержали вражеского лазутчика, снабженного фиктивными документами на имя Щетникова. Это были неопровержимые улики.

На допросе задержанный признался, что попал в плен к фашистам и согласился стать агентом военной разведки гитлеровской Германии. Окончив разведывательную школу абвера в городе Валга (на границе Эстонии и Латвии), он был направлен через линию фронта на Ораниенбаумский плацдарм со шпионским заданием. Ему приказали установить, какие войсковые соединения прибыли на плацдарм в последнее время и где они размещены,

Полковник Гончаров Дмитрий Георгиевич.
Художник Сайбаталов Х.Г. Ленинград, 1985 г.

Блокада Ленинграда

*Бойкия Василий Андреевич.
Художник Сайбаталов Х. Г. Ленинград, 1982 г.*

собрать сведения о перевозках войск и грузов по железной дороге Ораниенбаум–Калище. О показаниях агента полковник Гончаров Д. Г. доложил командованию ПОГ и руководству Управления контрразведки фронта.

Через несколько дней его вызвали в Ленинград и поручили возглавить военную контрразведку 55-й армии. Мне было приказано временно исполнять обязанности начальника Отдела контрразведки «Смерш» Приморской оперативной группы. После задержания Щетникова, отправленного мною в Ленинград, прошло девять дней. Вечером 6 августа начальник ОКР «Смерш» 48-й отдельной морской стрелковой бригады майор Бойкия В. А. доложил мне:

— Сегодня на участке бригады перешел линию фронта и явился с повинной немецкий агент в форме капитана Красной Армии. Утром 7 августа «капитана» доставили в Отдел контрразведки ПОГ.

Мне запомнились его изможденный вид, опущенные плечи, потухший взор. Он сел на предложенный стул, опустил руки на колени.

— Ваша настоящая фамилия?

— Каращенко Мокий Демьянович, пограничник, старший лейтенант, — сбивчиво начал он. — Но сейчас я выступаю в роли немецкого агента. Прибыл к вам с повинной...

Весь день и вечер с небольшими перерывами Каращенко М. Д. рассказывал, а я записывал его показания.

Он встретил войну в латвийском городе Вентспилсе, где служил в погранкомандатуре. Жена и дочь его в первые дни войны вместе с семьями других пограничников выехали на грузовике в сторону Риги. Бойцы и командиры погранотряда влились в состав 67-й стрелковой дивизии. В бою под Ригой Каращенко М. Д. получил несколько ранений. При отступлении его пленила в лесу банда латвийских националистов-айзсаргов. Перед этим он успел спрятать личные документы в траве.

На допросе в полиции назвался старшим лейтенантом Никулиным из строительного батальона. Первое время содержался в Рижском лагере военнопленных. В июле 1942 года был переведен в лагерь особого режима Саласпилс, который пленные называли «Долиной смерти». Голод, издевательства, побои — через все прошел Мокий Демьянович. Но когда узнал, что фашистская разведка подбирает кандидатов в разведшколы, после долгих и мучительных раздумий решил: «Явлюсь к своим с повинной, к тому же не с пустыми руками». Позже он привлек к себе внимание вербовщика, назвавшись членом семьи раскулаченного.

Обучение шпионским наукам Каращенко М. Д. проходил с 7 мая по 28 июня 1943 года сначала в разведшколе абвера в городе Валга, затем во второй абверовской школе в городе Стренчи (Латвия). В период учебы ему удалось выяснить, что обе школы находились в ведении абверкоманды-104, приданной командованию группы армий «Север». Однако главным считал знакомство и беседы с агентами, которые обучались вместе с ним для последующей заброски на советскую сторону со шпионскими заданиями.

Старался узнавать фамилии, приметы, другие данные о лазутчиках, понимая, что они — главное оружие «тайной войны». По окончании учебы абверовцы доставили Караченко М. Д. в Псков на конспиративную квартиру, а оттуда — в район станции Сиверская, где располагалась абвергруппа-112, приданная командованию 18-й армии. Здесь он продолжал собирать сведения о деятельности абвера.

— Мне удалось узнать, — рассказал Караченко М. Д., — что в конце июля начальник абвергруппы-112 капитан Фиш направил на Ораниенбаумский плацдарм агента Щетникова. Далее Караченко М. Д. сообщил, что ему стало известно о намерении абверовцев забросить двух шпионов в наш тыл через озеро Ильмень. Готовя Караченко М. Д. к заброске на Ораниенбаумский плацдарм, Фиш вручил ему фиктивные документы на имя командира саперной роты 50-й стрелковой бригады капитана Давыдова, два командировочных предписания и карту плацдарма, а также пистолет ТТ, компас и наручные часы. Затем разъяснил задание и проинструктировал о поведении на плацдарме.

— К чему сводится задание?

— В течение восьми дней установить, не прибыли ли на правый фланг плацдарма новые дивизии. Если прибыли, то откуда, их номера, фамилии командиров, места дислокации. Эти сведения собрать путем личного наблюдения и в разговорах с советскими военнослужащими, передвигаясь по указанному на карте маршруту.

В ночь на 6 августа по приказу Фиша Караченко М. Д. ушел на плацдарм.

Лейтенант
Караченко Мокий Демьянович. 1941 г.

№	Имя Фамилия	Звание	Служба	Служба	Имя	Дата	Место	Семья
72	КОЗЛОВ Мухом Александр	Тех. инт. 2-й Мур. фр.	Мурманск 110-5 101 п. отряда	ст. Лопухин, Губ. Ленинград. р-н, Ленинград. обл. 1941 г.	И д р	Убит в боях 21.8.41	в р-не м. Сосновка, р-н, о. Сосновка.	жена ИРИШОВА Анна Александровна, Псковская обл., Псковский р-н, д. Сосновка.
73	КАЛТЫН Левина Григорьевна	в/завхоз Мур. фр.	Стар. Фельдшер 101 п. отряда	д. Михайловское, Ленинградского р-на Ленинград. обл. 1941 г.	-	Прожил без вести 22.8.41	-	жена КАЛТЫНА / КАСТ / Валентина Андреевна - Александровна, Псковская обл., р. Сосновка, Псковский р-н, д. Сосновка.
74	КОЗЛОВ Леонид Иванович	Ст. инт. 7 Ср. Аб. фр.	И/муч. в/завхоз 11 80	г. Ленинградский, СССР - 1918 г.	-	Убит в боях	-	жена КОЗЛОВА Анна Григорьевна.
75	КОЗЛОВ Леонид Григорьевич	Ср. Аб. фр.	110-1 штаб 16 отд. 101 п. отряда	с. «Славянка», Ленинград. р-н, Ленинград. обл. 1941 г.	-	-	-	жена (звания в документе не указаны)
76	КАЛТЫН Арсений Александрович	И д р Мур. фр.	110-1 штаб 12 2/отряда	г. Ленинград, Ленинград. обл. - 1918 г.	-	Прожил без вести	-	жена КАЛТЫНА Зинаида Павловна - 1911 г., дочь Саганова 1911 г.; сын Александрович - Горьковский р-н, д. Березовое Лозовое.
77	КОЗЛОВ Григорий Григорьевич	Тех. инт. 2-й Мур. фр.	110-5 в/завхоз 12 80	д. Михайловское, Сосновский р-н, Ленинград. обл. 1941 г.	-	-	-	Женат (смер. карт.)
78	КАШИН Дмитрий Николаевич	в/завхоз Мур. фр.	12 в/отряд	Сосновка, Сосновский р-н, Ленинград. обл. 1941 г.	-	-	-	Женат (смер. карт.)
79	КАШИН Дмитрий Николаевич	Ст. инт. 7 Мур. фр.	118 в/завхоз 12 80	с. Горбовское, Ленинград. обл. 1941 г.	И д р	-	-	Женат (смер. карт.)
80	КАШИН Василий Николаевич	Мур. фр.	118 в/завхоз 12 80	с. Михайловское, Сосновский р-н, Ленинград. обл. 1941 г.	-	-	-	жена КАШИНА Анна Александровна, 1914 г., дочь Григорьевна дочь Михайловский г.
81	КОЗЛОВ Василий Григорьевич	в/завхоз Мур. фр.	Ст. Фельдшер 12 80	с. Федоровское, Ленинградского р-на Ленинград. обл. 1941 г.	-	-	-	жена КОЗЛОВА / МАШИНА / Александра Васильевна, дочь Леонидовна 1908 г. Ленинград. обл. 1941 г.
82	КОЗЛОВ Григорий Степанович	Мур. фр.	118 в/завхоз 12 80	с. Михайловское, Сосновский р-н, Ленинград. обл. 1941 г.	-	-	-	жена КОЗЛОВА Анна Александровна, Ленинград. обл. 1941 г.
83	КОЗЛОВ Василий Александрович	Ст. инт. 7 Мур. фр.	118 в/завхоз 12 80	г. Ленинград, СССР 1941 г.	-	-	-	жена КОЗЛОВА Раиса Александровна, 1910 г.; сын Александрович - 1940 г.; дочь Александровна - 1941 г.; сын Леонид - 1940 г.

Ведомость безвозвратных потерь начальствующего, младшего и рядового состава войск НКВД и охраны войскового тыла Юго-Западного фронта за период с 22 июня по 4 сентября 1941 г. (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации)

О явке агента абвера с повинной и данных им показаниях я доложил начальнику Управления контрразведки «Смерш» фронта генерал-майору Быстрову А. С. По его указанию поздним вечером 7 августа Каращенко М. Д. был отправлен нами на катере из Ораниенбаума в Ленинград.

Случилось так, что незадолго до этого Военный совет Ленинградского фронта принял решение о разработке штабом фронта двух вариантов операций против войск 18-й немецкой армии, блокировавших Ленинград с юга.

Один, получивший условное наименование «Нева-1», предусматривал боевые действия фронта при возможном отводе противником своих войск из-под Ленинграда. Согласно другому оперативному плану, названному «Нева-2», войска фронта должны были разгромить группировку неприятеля у стен Ленинграда и полностью снять вражескую блокаду. С учетом поправок, внесенных Ставкой Верховного Главнокомандования в план операции «Нева-2» при его утверждении, наступление войск фронта должно начаться с Ораниенбаумского плацдарма на Ропшу — Красное Село. Для этого на левый фланг плацдарма надлежало скрытно перебросить по Финскому заливу 2-ю ударную армию для наступления навстречу советским войскам, которые будут наносить удар по врагу от Пулковских высот.

Ввиду исключительной важности предстоящих боевых действий под Ленинградом планом операции «Нева-2» предусматривались тщательно продуманные меры по дезинформации противника. Осуществление их преследовало цель создать у гитлеровского командования уверенность в том, что наступление советских войск готовится с правого фланга Ораниенбаумского плацдарма на Кингисепп–Нарву, в действительности же планировалась подготовка мощного удара с левого фланга.

Учитывая, что подготовку наступательной операции надлежало сохранить от противника в строгой тайне, Военный совет фронта обязал военных контрразведчиков всемерно усилить работу по пресечению подрывных вражеских акций с тем, чтобы ни один агент абвера, ни один перебежчик не смог доставить врагу достоверные сведения о подготовке нашего наступления, особенно о переброске на плацдарм 2-й ударной армии, а также оказать действенную помощь командованию в дезинформации противника.

Утром 7 августа Каращенко М. Д. был доставлен в Ленинград. Опытные офицеры контрразведки фронта, ознакомившись с показаниями и побеседовав с ним, пришли к выводу о возможности его привлечения к мероприятиям по введению фашистского командования в заблуждение. Однако оказать ему полное доверие без проверки они, разумеется, не могли, не имели права. Люди точного расчета, контрразведчики должны были убедиться, что посланец абвера не подставное лицо, а именно старший лейтенант советских погранвойск Каращенко М. Д. — стойкий патриот Родины.

Выполняя указание руководства контрразведки фронта, капитан Маковеенко В. Н. успешно решил эту задачу. Он сумел отправить из Москвы в осажденный врагом Ленинград фотокарточку Каращенко М. Д. из отдела кадров погранвойск. Установил, что его жена и дочь, о судьбе которых Каращенко не знал более двух лет, эвакуированы и проживают в Оренбургской области, сообщил ему об этом. Проверил по ранее собранным материалам подробные показания Каращенко М. Д. о гласных и негласных сотрудниках ставших известными ему органов и школ абвера. Из обстоятельных бесед с Мокием Демьяновичем начальник отдела Управления контрразведки фронта подполковник Соснихин П. А., многие годы служивший в погранвойсках, вынес убеждение, что Каращенко М. Д. можно доверить выполнение важнейшего поручения советского командования по дезинформации противника. На предложение стать нашим зафронтовым разведчиком Каращенко М. Д., не за-

думываясь, дал согласие. Военный совет одобрил работу контрразведчиков и дал указание штабу фронта подготовить материалы дезинформации. Ранним утром 5 августа Карашенко М. Д. в сопровождении капитана Маковеенко В. Н. прибыл в Отдел контрразведки ПОГ.

Я не сразу узнал его. Былая удрученность исчезла, плечи расправились, взгляд стал спокойным, уверенным. Мокий Демьянович был счастлив и горд тем, что ему поверили и позволили встать в ряды активных бойцов против ненавистного врага. В тот же день из Ленинграда были переданы в Отдел контрразведки ПОГ дезинформационные материалы, подготовленные штабом фронта, которые Карашенко М. Д. должен был передать капитану Фишу под видом результатов «выполнения» полученного от него задания.

Нашему разведчику поручалось сообщить противнику, что в последнее время на правый фланг Ораниенбаумского плацдарма прибыли три новых войсковых соединения (фактически еще в мае 1943 года была перебазирована лишь одна стрелковая дивизия), что в 71-ю отдельную бригаду поступило пополнение — два батальона морской пехоты, каждый по 800 человек, и другие не соответствующие действительности данные. Взяв за основу эти «материалы», капитан Маковеенко В. Н. с помощью офицеров контрразведки ПОГ разработал легенду о пребывании агента абвера в расположении войск ПОГ, сборе интересующих фашистское командование сведений и о возвращении на сторону немецких войск. Карашенко М. Д. приложил максимум усилий, чтобы твердо, во всех деталях запомнить эту легенду. На полученной от капитана Фиша карте плацдарма сделал необходимые отметки о местах дислокации «прибывших» на плацдарм дивизий. В ночь на 6 августа разведчик ушел к врагу. Так началась операция, получившая у военных контрразведчиков условное название «Возвращение».

Чтобы убедить противника в правдоподобности сведений, доставленных Карашенко М. Д., военное командование развернуло работу по осуществлению специальных мероприятий, предусмотренных в плане операции «Нева-2». В ряде мест на правом фланге плацдарма были установлены макеты танков и орудий. Демонстрировалось сосредоточение пехоты, артиллерии и танковых подразделений. Шло усиленное движение транспорта к переднему краю.

Через два дня после ухода Карашенко М. Д. на сторону немецких войск противник обрушил на «места скопления» танков и орудий артиллерийский огонь. Фашистская авиация бомбила «места дислокации» новых соединений, отмеченных им на карте плацдарма. Стало ясно, что гитлеровское командование поверило сведениям, доставленным Карашенко М. Д. в абвер. Однако контрразведчики ПОГ не без оснований полагали, что опытные офицеры фашистской разведки приложат все усилия для проверки их достоверности. Получив соответствующие указания, начальники отделов контрразведки войсковых соединений ПОГ офицеры Бойкина В. А., Иванов С. А., Куликов А. П., Макаров И. Г., Михайлов М. К., Павлов Н. С. приняли действенные меры, чтобы ни один агент абвера, ни один перебежчик не сумели перейти линию фронта и вызвать у противника сомнения в истинности принесенных Карашенко М. Д. сведений. Контрразведчики понимали, что даже один промах мог привести к гибели нашего разведчика и провалу всего плана дезинформирования противника.

Принятые меры оказались своевременными. Только в сентябре враг пытался забросить на Ораниенбаумский плацдарм семь своих агентов с заданием подтвердить сведения, доставленные Карашенко М. Д. Однако ни одному из этих лазутчиков не удалось проникнуть на плацдарм. Некоторые явились с повинной, остальные были обезврежены.

*Медаль для восточных народов
«За заслуги» II класса «в бронзе»,
которой немцы наградили Карашенко М. Д.
за «выполнение» задания
на Ораниенбаумском плацдарме*

Для укрепления положения Карашенко М. Д. в стане врага и придания большей убедительности его легенде контрразведчики фронта подготовили к отправке в тыл противника еще одного разведчика из числа явившихся к нам с повинной агентов абвера — Саперова А. В. Прибывший на плацдарм новый начальник Отдела контрразведки «Смерш» ПОГ подполковник Николаев П. И. организовал его переход через линию фронта с задачей подтвердить сведения, переданные абверовцам Карашенко М. Д.

Одновременно с действиями контрразведчиков командование фронта продолжало принимать дальнейшие меры по вводу противника в заблуждение. На правом фланге плацдарма артиллерия имитировала пристрелку, а небольшие группы танков — продвижение танковых войск. Были введены в действие новые дивизионные сети радиосвязи. Авиация совершала разведывательные полеты в направлении на Кингисепп. Велись разведка боем и поиски. Войсковые разведчики в тылу противника распространяли слухи о предстоящем наступлении советских войск в западном направлении.

«Все это помогло дезориентировать фашистское командование, — сказано в «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа», — создав у него уверенность, что готовится наступление советских войск на Кингисепп–Нарву». Во второй половине декабря — начале января у правого фланга Ораниенбаумского плацдарма заняли оборону новые соединения противника: моторизованная дивизия СС «Нордланд», переброшенная из Германии, и моторизованная бригада СС «Нидерланды», прибывшая из Югославии. Сомнений не было: наша дезинформация противника достигла цели.

Гитлеровское командование было убеждено, что войска Ленинградского фронта готовятся к наступлению с правого фланга Ораниенбаумского плацдарма на Кингисепп–Нарву.

Вопреки расчетам фашистского командования мощное наступление 2-й ударной армии началось 4 января 1944 года не с правого, а с левого фланга плацдарма, куда она была втайне от врага перебазирована средствами КБФ по Финскому заливу.

Пленные гитлеровцы подтвердили, что они ничего не знали о прибытии на плацдарм 2-й ударной армии и о предстоящем наступлении наших войск. На следующий день еще более мощный удар по противнику нанесла 42-я армия от Пулковских высот. Утром 20 января войска двух армий встретились в районе Ропши. К 27 января 1944 года операция по разгрому вражеской группировки, блокировавшей Ленинград, была завершена.

В это же время закончилась и контрразведывательная операция «Возвращение», внесшая достойный вклад в дело победы над врагом у стен Ленинграда. Активные участники операции были награждены боевыми орденами. После снятия блокады Ленинграда контрразведчики фронта высказывали опасения за жизнь разведчика Карашенко М. Д., так как гитлеровцы имели серьезные основания обвинить его в измене. Но этого не произошло. Позднее со слов Мокия Демьяно-

Орден Отечественной войны II степени

вича стало известно, что после передачи материалов дезинформации капитану Фишу абверовцы настойчиво и изощренно пытались установить, не вводит ли Каращенко М.Д. их в заблуждение. Но улики не нашли, истины не установили. Проверка завершилась тем, что в декабре 1943 года командование групп армий «Север» наградило его за заслуги перед рейхом бронзовой медалью II степени.

В дальнейшем Каращенко М.Д. находился в различных подразделениях фашистской разведки. В феврале 1945 года сумел оторваться от противника, встретил наступающие советские войска. Позднее вернулся на Родину и разведчик Саперов А. В.

Доставленный в Ленинград Каращенко М.Д. предоставил контрразведчикам данные о 28 известных ему агентах и сотрудниках абвера. Учитывая большую помощь, оказанную им командованию фронта в ходе подготовки операции «Нева-2», было принято решение явившегося с повинной агента вражеской разведки Каращенко М.Д. к уголовной ответственности не привлекать и направить в воинскую часть для прохождения дальнейшей службы. О награждении Каращенко М.Д. в то время по понятным причинам речи не шло.

Но справедливость все же восторжествовала. За стойкость и мужество в борьбе против фашистских захватчиков 8 мая 1965 года капитан Каращенко М.Д. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В ходе операции «Возвращение» наша контрразведка нанесла фашистскому абверу такой удар, который стоил ему утраты самостоятельного существования.

2 февраля 1944 года, через две недели после завершения этой операции, в связи с поражениями в «тайной войне» на советско-германском фронте, Гитлер издал директиву о передаче ведущих отделов абвера в ведение Главного имперского управления безопасности с фактической отставкой шефа абвера адмирала Канариса.

*Богданов Александр Андреевич.
Художник Сайбаталов Х. Г. Ленинград, 1982 г.*

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТЕЛЕГИН

О своем боевом товарище — сотруднике ОКР «Смерш» 134-й стрелковой дивизии старшем лейтенанте Телегине Александре Петровиче рассказывает ветеран Великой Отечественной войны подполковник в отставке Усанин Георгий Филиппович (в 1943 году — командир батальона 134-й стрелковой дивизии 39-й армии).

Телегин А. П. родился в 1923 году, в с. Арамашево Екатеринбургской губернии. В июне 1941 года, после окончания Ирбитского агрозоотехникума, вступил в ряды РККА. Проходил службу в 284-м лыжном полку на должности заместителя политрука политроты. 16 декабря 1942 года был тяжело ранен в грудь. После выздоровления, как отличник боевой и политической подготовки, подобран в органы государственной безопасности. С 17 июля 1942 по 2 апреля 1943 года проходил службу в должности оперуполномоченного Особого отдела НКВД 279-й стрелковой дивизии. Со 2 апреля 1943 по 5 февраля 1944 года — ОКР «Смерш» 134-й стрелковой дивизии. 17 октября 1943 года получил ранение в руку, после чего был демобилизован.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Дивизия, в которую входил наш стрелковый батальон, вела упорные бои за город Белый, а затем пошла в наступление на Смоленск и Витебск. В нескольких километрах от города Духовщина под селом Вердино противник остановил наше наступление, и на некоторое время нам пришлось перейти к обороне (впоследствии дивизия стала называться Вердинской). Батальон, которым я командовал, как раз штурмовал это село.

Тогда-то я и познакомился с Телегиным Александром Петровичем. Старший лейтенант прибыл к нам из госпиталя после тяжелой контузии, еще как следует не набравшись сил. Позже я узнал, что в «Смерш» в основном подбирали только воевавших офицеров, которые долечивались в госпиталях. Это были понохавшие пороху люди, на которых можно было положиться.

Несмотря на то что Телегин А. П. еще не в полной мере оправился от полученных ранений, он все время находился на передней линии, где вместе с солдатами не раз ходил в атаку и отражал натиск врага. Но в первую очередь он умело решал задачи по ограждению нашего подразделения от проникновения шпионов и диверсантов.

В памяти сохранился случай, когда противник заслал к нам двух своих разведчиков. Они пришли на передний край батальона, якобы из артиллерийской части, поддерживающей наш полк, чтобы «заснять на фотопленку огневые точки фашистов». «Визитеры» явились в советском обмундировании, хорошо владели русским языком. Но Саша Телегин (так тогда мы его называли: ведь ему было не более 19–20 лет), разговаривая с ними, заметил, что один из офицеров неправильно произнес слово «шомпол» — у него выходило «шомпул». Это послужило поводом для более глубокой проверки, теперь сотруднику «Смерша» необходимо было выиграть время. Ничем не выдав своих подозрений, Телегин А. П. сообщил «гостям», что разведка полка зафиксировала хорошо замаскированный наблюдательный пункт немцев. Осмотреть его он предложил через несколько часов, когда командир разведвзвода прибудет из штаба полка.

Пока «гости» дожидались разведчика, Саша выяснил, что артиллерийская часть, из которой они якобы прибыли, сутки назад была откомандирована на другие позиции, а прибывшие офицеры — шпионы, перешедшие линию фронта с заданием доразведки позиций 629-го стрелкового полка.

Через некоторое время с Александром, под видом командира взвода разведки, прибыл еще один оперуполномоченный и два автоматчика, им удалось без единого выстрела арестовать непрошенных гостей.

Личные документы старшего лейтенанта Телегина А. П.

Лейтенант юстиции
Телегин Александр Петрович. 1958 г.

Справки о ранениях,
полученных Телегиным А. П. на фронте

Помню еще один эпизод, когда батальон подошел к одному из притоков Верхнего Днепра. Река шириной метров 20–25, но глубокая, холодная вода сковывает руки и ноги. Первым с группой бойцов на другой берег переплыл Саша Телегин. Немцы не успели даже выстрелить по ним. Вызвав затем огонь противника на себя, смельчаки помогли переправиться батальону.

В январе 1944 года Александра Петровича вторично тяжело ранило. Провозя его в госпиталь, мы боялись, что Телегин останется без руки, ведь он был ранен разрывной пулей. Врачи вылечили нашего однополчанина, сохранили ему руку, но вернуться на фронт он уже не смог.

После войны Телегин А. П. несколько лет работал на котельно-радиаторном заводе города Первоуральска Свердловской области. В начале 1950-х трудоустроился в прокуратуру, где ему пригодился опыт работы в органах безопасности. Долгие годы Александр Петрович вел большую общественную работу, направленную на патриотическое воспитание молодежи.

НА СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из воспоминаний капитана Хенкина Абы Моисеевича.

Родился в 1916 году в г. Брянске в семье участника Первой мировой войны. В 1940 году окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова по специальности «История». В июне 1941 года по партийному набору направлен для прохождения службы в органы военной контрразведки. Освобождал Смоленщину, воевал в Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. Принимал участие в боевых действиях на территории Маньчжурии.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и другими.

Лето 1943 года. Наша 133-я Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия готовилась к освобождению Смоленска. В это время я исполнял обязанности оперуполномоченного ОКР «Смерш» и имел в оперативном обеспечении противотанковый артиллерийский дивизион. Обыкновенный стрелковый полк в то время обеспечивал старший оперуполномоченный. При нем мог быть еще просто опер. Каково же было положение оперативного работника? По списку он — третье лицо. Первое — командир полка. Второе — комиссар.

Как правило, в ходе боя сотрудник военной контрразведки находился рядом с командиром полка. Он не сидел где-то там, в тылу, а был рядом: оказывал помощь, в критические моменты выдвигался на наиболее напряженные участки. Именно так приобретался авторитет в глазах военного командования и воинского коллектива, а от авторитета зависело многое!

Мне повезло с командиром, я сумел выстроить с ним дружеские и в то же время принципиальные взаимоотношения. Благодаря этому я всегда держал руку на пульсе — знал, что происходит в дивизионе и его батареях.

Это было в 1943 году. Шло наступление на территории Смоленской области. Нередко приходилось делать кратковременные остановки, подавлять очаги сопротивления противника, а потом идти дальше. Вот и теперь потребовалось уничтожить артиллерийскую батарею, прикрывающую его отход.

*Младший лейтенант госбезопасности Хенкин А. М. (во втором ряду, четвертый слева)
с военнослужащими противотанкового артиллерийского дивизиона. 1943 г.*

Я нахожусь в штабе рядом с командиром дивизиона. Это примерно 200–300 метров от переднего края, где стоят орудия. Надо делать свою работу — говорить с людьми, смотреть, как идет дело, нет ли попыток перехода к противнику и так далее.

Вышел из штаба дивизиона, направился на передний край. В этот момент услышал свист снаряда. Мы уже по звуку знали, где он взорвется. Или недолет, или перелет, или в меня. Иду и слышу, что снаряд летит через меня дальше, — иду спокойно, не торопясь. Второй снаряд, чувствую, летит на меня, думаю, а куда деваться? Укрытия никакого нет — вокруг чистое поле. Единственное, что я мог сделать, — это лечь. Закрыв глаза, чтобы не увидеть, как этот снаряд меня ранит или убьет. Взрыв! Слышу шум осколков. Рядом со мной удар. Присматриваюсь и не верю своим глазам. От носа на расстоянии примерно пяти сантиметров торчит из земли раскаленный осколок снаряда с ладонь величиной. Еще бы немного, и я бы никому уже ничего не рассказал. Такое бывает на войне.

Обстрел прекратился. Поднялся, пошел выполнять свою оперативную работу. Военный контрразведчик, когда находился на переднем крае, всегда подвергался такой же опасности, как и остальные бойцы и командиры.

Запомнился еще один случай. Мы заняли долговременную оборону, вырыли окопы полного профиля. В 30 метрах поляна, за ней — немецкие окопы. Мы знаем, что там сидит немецкий снайпер, если высунуть голову, можно ее лишиться.

Мне нужно встретиться со своим человеком, но как это сделать? Он в окопе, рядом бойцы. Просто идти по окопу и болтать не подходит. На мое счастье, командир дивизиона решил проверить посты, пошел по окопам. Я к нему: «Петр Иванович, привет! Ты куда? Давай пойдём вместе». Он идет, я с ним. Вот боец, который мне

совершенно не нужен. Я останавливаюсь, начинаю с ним разговаривать, а командир заводит беседу с другим. И так почти с каждым. Где-то среди них нужный мне человек. И я беседую с ним, не опасаясь, что меня подслушивают, хотя командир дивизиона рядом.

Вот командир остановился поговорить с солдатом, а я пошел дальше. И тут немецкий снаряд разорвался прямо у пулеметной точки, где был командир части. Я был от него в 30–40 метрах. Остался жив, а командира убило. Не было никаких гарантий, что в следующий раз я останусь стоять и разговаривать, что снаряд не разорвется возле меня.

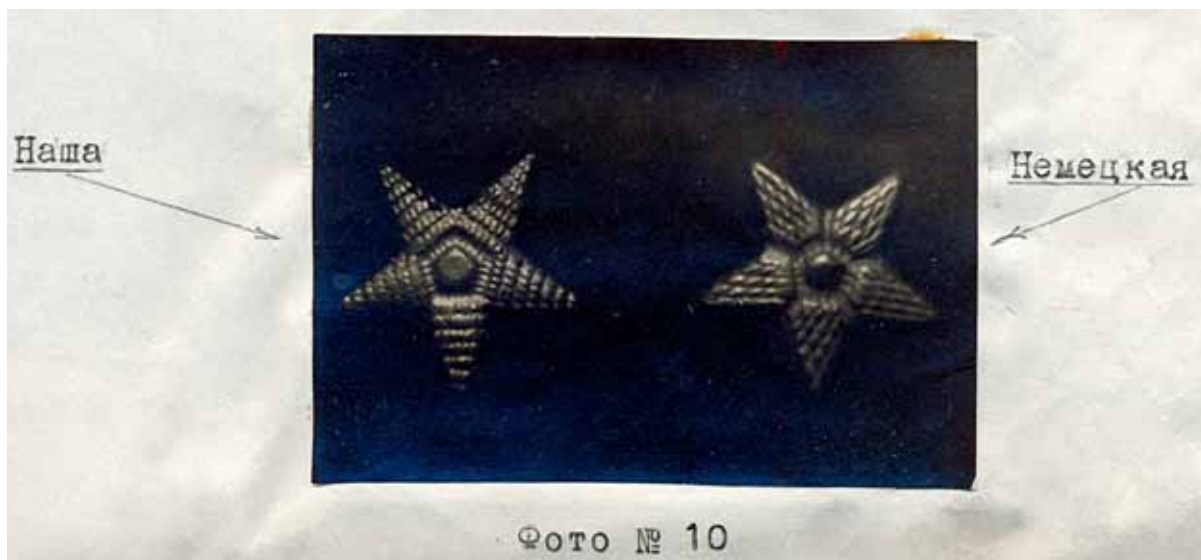
Однажды нас собрал начальник ОКР «Смерш» 133-й стрелковой дивизии подполковник Орел Иона Дементьевич: «В соответствии с поступившей ориентировкой, на нашем участке оперативной ответственности линию фронта перешла разведывательная группа противника в количестве 10 человек. Одеты в нашу форму, старший у них — лейтенант, якобы командир взвода. Необходимо обратить внимание на документацию, форму и так далее».

Я своим помощникам в части довел эту информацию, поставил в известность командование. Наиболее ответственных старшин и сержантов проинструктировал, чтобы при выявлении стрелкового отделения, которое разыскивает свою часть, немедленно докладывали мне.

Проходит какое-то время. Ко мне подбегает сержант и говорит, что в наших окопах появилась группа красноармейцев, просят указать направление к своей части. На фронте были такие случаи — часть тронулась неожиданно, ты пришел, а части нет. Но у меня ориентировка. Подхожу к ним. Офицер отдает воинское приветствие, представляется. Я смотрю ему на погоны и вижу, что звездочки-то не наши.

Расчет 76-мм противотанковой пушки ЗИС-3 на позиции. 1943 г.

*Пример отличия советской военной фурнитуры (погонной звезды) от немецкой подделки.
(Архив УФСБ России по Саратовской области)*

Капитан Хенкин А. М. 1945 г.

Наши звездочки чеканились на автомате и были рельефными (рожки не гладкие, а фигурные). А у него звезды гладенькие, лучи ровные. Прошу: «Товарищ лейтенант, предъявите документы». Он достает удостоверение личности. Я знаю, что наше удостоверение личности печатается так-то и так-то. А знает ли все эти тонкости противник? Вряд ли. Хотя сомнения еще есть — может, и правда отделение затерялось. Беру его удостоверение, внешне — один в один как наше. Открываю и вижу, что шрифт другой. В наших листочки крепятся проволочкой, края которой выступают и загибаются. Смотрю — здесь крепление другое. Подозрительно! Дальше — больше.

Я убеждаюсь, что это не красноармейцы, но виду не подаю. Говорю: «Хорошо, товарищи, вы пока отдохните здесь. Сейчас ребята принесут покушать. Отдохнете и пойдете».

Нужно срочно доложить. Нашел телефон, доложил. Мне приказали немедленно их задерживать. Вызываю отделение автоматчиков, окружаем: «Вы, ребята, конечно, устали с дороги, но я вынужден вас задержать. Так что, будьте любезны...» Диверсанты понимают, что если они тронутся, то их моментально перестреляют.

Если бы я не знал, как делаются звездочки, как оформляются документы, то группу эту наверняка бы не задержал. За это я получил свой первый орден — Красной Звезды.

ПУТЬ В «САТУРН»

Из воспоминаний советского разведчика Козлова Александра Ивановича.

Родился в 1920 году в с. Александровское Ставропольской губернии в крестьянской семье. Рано остался без родителей, воспитывался дядей по линии матери. После окончания школы трудился в Александровском райкоме комсомола. В 1937 году переведен на Ставропольский военный конный завод. В 1939 году по комсомольской путевке был направлен в Калининвичское военно-пехотное училище. В июле 1941 года лейтенант Козлов А.И. направлен на Западный фронт. Первый бой принял под Ельней. К августу 1941 года командовал батальоном 21-го стрелкового полка 7-й стрелковой дивизии Московского народного ополчения. Осенью 1941 года попал в окружение под Вязьмой. Разбив батальон на мелкие группы, попытался прорваться к своим. После нескольких безуспешных попыток с группой бойцов ушел в тыл противника, где сформировал партизанский отряд, который позже вошел в состав партизанской дивизии «Дедушка», воевавшей на Минском направлении.

В июле 1942 года вместе с беременной супругой попал в плен. Это обстоятельство было использовано абверовскими вербовщиками, которые вынудили Козлова А.И. дать согласие на сотрудничество. Ему присвоили псевдоним «Меньшиков» и зачислили в разведшколу абверкоманды-103 (условное наименование «Сатурн»). В июне 1943 года Козлов А.И. был заброшен немцами в тыл Красной Армии с разведывательным заданием. Оказавшись на советской территории, он явился с повинной в органы военной контрразведки.

Проверив сдавшегося агента абвера, армейские чекисты использовали его возможности для подтверждения легенды переведенного агента-радиста «Борисов» и внедрения в немецкие разведывательные органы. С июля 1943 по апрель 1945 года по заданию органов безопасности Козлов А.И. находился в немецкой разведывательной школе, где работал сначала преподавателем, а затем начальником учебной части. Используя свое служебное положение, перевербовал семь немецких агентов, шесть из которых прибыли по паролю, данному Козловым А.И., в органы госбезопасности. Козловым А.И. также проводилась работа по отчислению из школы и компрометации агентов, которые были наиболее преданы немецкому командованию.

Возвратившись в июне 1945 года в Советский Союз, Козлов А. И. представил в органы госбезопасности подробный отчет о деятельности разведшколы. Назвал 57 агентов и 29 официальных сотрудников школы.

На основе военной биографии Козлова А. И. советским писателем Василием Ардаматским был написан роман «Сатурн» почти не виден», по которому сняты кинофильмы «Путь в “Сатурн”» и «Конец “Сатурна”».

Герой награжден орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» I и II степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Я не был профессиональным разведчиком. Стать им меня заставила жизнь. Проникнуть в немецкий абвер подготовленному разведчику было чрезвычайно сложно. Абверкоманды создавались еще в начале войны. Каждая такая команда имела собственную разведшколу, в которой обучали агентуру. Агентов вербовали сами немцы в лагерях для военнопленных. Для этого туда засылались люди абвера, которые в течение месяца «надевали шкуру» военнопленных. Их так же били, они плохо питались, чтобы не выделяться. Зато потом, после месячного срока, вербовщиков отправляли отдыхать на побережье и выдавали солидные суммы. В лагерях они выявляли людей, пронемецки настроенных или имевших другую слабость, и докладывали начальству. Кандидатов отбирали и посылали в специальный лагерь. После многочисленных проверок из самых интеллектуально развитых вербовали будущих курсантов разведшкол. Начинали их психологически обрабатывать.

В середине июля 1942 года немцы начали ликвидацию группировки войск генерала Белова и партизанских отрядов «Дедушка», одним из которых я командовал. После упорных оборонительных боев был получен приказ разбиться на мелкие группы и действовать партизанскими методами борьбы. Я отобрал себе 12 человек и повел их в Кучеровские леса.

Немцы самолетами, танками и автоматчиками начали прочесывать местность. Я со своей группой углубился в лес и болото. В районе деревень Щербинино, Новоселки примерно в 35 километрах на запад от Дорогобужа нас окружили, но взять не смогли, мы уничтожили около 10 немецких автоматчиков, потеряв со своей стороны одного убитого и одного раненого. После чего немцы подослали к нам передетых в нашу форму солдат, которые обезоружили нас и взяли в плен. Вместе со мной в плен попала моя жена, находившаяся на шестом месяце беременности.

Колонной нас повели в город Дорогобуж и далее на станцию Сафоново, где погрузили на поезд и отправили в лагерь военнопленных в город Вязьму <...>

В Вязьме меня допрашивали три раза. Требовали признаться, являюсь ли я политруком, причем каждый раз уговаривали, что сейчас якобы по приказу Гитлера комиссаров и политруков не расстреливают, а сохраняют им жизнь и направляют в специальные лагеря. Я отвечал, что являюсь командиром, старшим лейтенантом Красной Армии. После первого и второго допросов меня держали в камере смертников. Первый и второй раз допрашивал зондерфюрер, в присутствии офицера. Третий раз допрашивал новый следователь, тоже зондерфюрер в присутствии незнакомого офицера. Тогда мне было заявлено, что мои показания они перепроверили и убедились, что я им рассказал правду. «Поскольку вы сказали правду, —

говорил зондерфюрер, — я беру вас вместе с женой, жена получит работу в госпитале, а вас мы куда-нибудь пристроим». С предложением я согласился, и нас отправили в деревню Алексеевскую. <...>

Месяца полтора спустя после нашего прибытия в деревню Алексеевскую меня вызвал тот же самый зондерфюрер, который отправлял меня из Вязьмы, и заявил следующее:

— Я хочу с вами говорить откровенно. Место, куда вы попали, есть германская разведка, которая забрасывает в тыл Красной Армии своих агентов из русских. Я предлагаю вам, если вы желаете, бороться вместе с нами против большевиков, остаться у нас в качестве разведчика. Если же вы не хотите, я могу устроить вас в «Русскую национальную армию», если же вы и этого не хотите, то вас отошлют в Германию, в лагерь военнопленных на работы. Не отвечайте сразу, подумайте и завтра ответите. Мы очень хорошо платим своим разведчикам и по окончании войны устроим своих доверенных лиц на высокие посты. Итак, до завтра. Подумайте обо всем.

Я ответил:

— Хорошо. Я подумаю и завтра скажу свое решение.

На этом разговор наш был закончен. Ночью я посоветовался с женой — дал ей слово офицера, что никогда не буду работать на фашистов, что выпавшую мне возможность использую для борьбы с врагом.

На другой день я был вызван снова и дал свое согласие. Я думал тогда: немцы враги моей Родины, следовательно, и мои. Я ненавижу их и боролся с ними. Только обстоятельства заставили пока прекратить эту борьбу. Если я соглашусь, я не сделаю преступления перед Родиной. Преступление будет тогда, когда я стану работать на пользу немцев против своих и своей Родины. Пусть меня перебросят к своим, я расскажу им методы работы германской разведки и их секреты. Таким образом я стал германским «разведчиком».

До 20 августа 1942 года я оставался в деревне Алексеевской, а затем был зачислен в Катинскую разведывательную школу под псевдонимом «Меньшиков», где приступил к изучению радиодола. <...>

Итак, немцы доверили мне важнейшее задание. Я должен был встретиться с их радистом «Ароматовым» в подмосковной Малаховке и, назвав пароль «Меньшиков от доктора», передать ему полмиллиона денег и питание для рации. Это была очень ценная для абвера группа, передававшая, к примеру, сведения о движении советских военных эшелонов.

Ночью немецкий бомбардировщик поднялся на восток, выбросил меня в районе Тулы. Я благополучно высадился на опушке леса и приступил к реализации своего плана: специально не скрыл парашют на месте высадки. У меня был пистолет, я разрядил обойму, выбросил патроны, чтобы мне поверили, что я явился с чистыми

*Первая жена Козлова А. И. — военфельдшер
Вилкова Евдокия Тимофеевна.⁵ 1941 г.*

⁵ В интервью ВГТРК «Россия» от 2009 года Козлов А. И. называет свою первую супругу «Галина», при этом в архивных документах она фигурирует как Вилкова Евдокия Тимофеевна.

руками. Подошел к нашим бойцам и попросил их отвести к своему командиру. Я был в советской военной форме. Командир роты отвел меня к начальнику штаба. Удостоверение капитана Раевского на шелковом полотне, чтобы не шелестело, которое мне выдали в разведшколе абвера, точь-в-точь такое же, как было у наших разведчиков, стало пропуском. По цепочке я дошел до представителей советской контрразведки, которым рассказал о своем плане действий.

Немалую роль в том, что мне поверили в «Смерше», сыграло то, что в Москве тогда на лечении находился бывший командир партизанской дивизии, который воевал вместе со мной.

Командир 1-й партизанской дивизии Воронченко Василий Исаевич. 1942 г.

Медаль «Партизану Отечественной войны» I степени

Для формы заполнить полностью.

НАГРАДНЫЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество: Козлов Александр Иванович

2. Звание: Капитан

3. Должность, часть: Командир роты

4. Год рождения: 1900 г.

5. Национальность: Русский

6. Периоды службы: В Красной Армии

7. Участие в гражданской войне в последующих боевых действиях по защите СССР /где, когда/ В партизанской войне на территории СССР

8. Имеет ли звание и награды в Отечественной войне: Капитан

9. С какого времени в Красной Армии: с 1939 года

10. Каких ТЭН правлен: Александровским

11. Чем ранее награжден / за какие отличия/ За участие в войне

12. Почтовый домашний адрес /предоставленного и награжденного и адрес его семьи/ Саратовская обл. Ст. Кларовая, Боринский ул. № 1

13. Имя, фамилия, отчество и должность лица, представляющего награжденного: Командир партизанского отряда

14. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

15. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

16. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

17. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

18. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

19. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

20. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

21. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

22. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

23. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

24. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

25. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

26. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

27. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

28. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

29. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

30. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

31. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

32. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

33. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

34. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

35. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

36. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

37. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

38. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

39. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

40. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

41. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

42. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

43. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

44. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

45. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

46. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

47. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

48. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

49. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

50. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

51. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

52. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

53. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

54. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

55. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

56. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

57. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

58. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

59. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

60. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

61. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

62. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

63. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

64. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

65. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

66. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

67. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

68. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

69. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

70. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

71. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

72. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

73. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

74. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

75. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

76. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

77. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

78. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

79. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

80. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

81. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

82. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

83. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

84. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

85. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

86. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

87. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

88. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

89. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

90. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

91. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

92. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

93. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

94. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

95. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

96. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

97. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

98. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

99. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

100. Подпись и печать: Командир партизанского отряда

Наградной лист на Козлова Александра Ивановича. 1946 г. (Изображение с информационного интернет-портала «Партизаны Беларуси»)

Из партизанской характеристики: «Тов. Козлов с октября 1941 года принимал активное участие в партизанском движении в Смоленской области. Он был организатором партизанского отряда в деревнях Селянка, Фенино, Громани, Калита Дорогобужского района. Был назначен командиром третьего батальона первого партизанского полка.

В 1942 году дважды представляется к правительственным наградам. Командир партизанской дивизии «Дедушка» Воронченко В.И. Комиссар Силантьев П. Ф.».

Проверив мои показания, военные контрразведчики поверили мне. Под их контролем я «выполнил» отработанное немцами задание — передал германскому агенту «Ароматову» деньги, бланки различных документов и питание к радиостанции.

После этого визита я получил добро на возвращение в логово врага.

К моменту приземления Козлова А.И. радиоточка, радисту которой он должен был передать приготовленный немцами груз, уже работала под контролем советской военной контрразведки.

Так, в ночь с 5 на 6 февраля 1943 года на территории Лаптевского района Тульской области с немецкого самолета была выброшена группа агентов-парашютистов в составе двух человек: агент-радист «Ароматов» и агент-разведчик «Нестеров». После приземления агенты германской разведки остановились переночевать в дер. Мелеховка, где утром 6 февраля были задержаны органами НКВД.

Группа получила задание от абверкоманды-103 при штабе группы армий «Центр» (позывной радиостанции «Сатурн») осесть в г. Люберцы Московской области и передавать немцам по приданной им рации следующие сведения:

1. Дислокацию частей Люберецкого гарнизона, их численный состав и вооружение.

2. Наличие в городе оборонных предприятий, характер выпускаемой ими продукции, количество рабочих и другие данные.

3. Расположение военных аэродромов в районе г. Люберцы.

4. Характер, направление и количество военных перевозок по железной дороге.

5. Приказы и распоряжения Наркомата обороны и Правительства, публикуемые в газетах.

6. При каждом сеансе связи передавать метеосводки.

Разведывательные сведения группа должна получать путем личного наблюдения, а также используя «втемную» лиц, могущих дать интересующие немцев сведения (военнослужащих Красной Армии, работников железной дороги и т. п.).

Для выполнения задания группа была снабжена коротковолновой радиостанцией, фиктивными документами военного образца, револьверами системы Нагана, деньгами в сумме 120 тысяч рублей, компасом и часами. <...>

Агент «Борисов» —
Гурский Г.А. (немецкий
псевдоним «Ароматов»)

Генерал-майор Утехин
Георгий Валентинович.
1944 г.

Приняв во внимание намерение агентов «Ароматова» и «Нестерова» явиться с повинной, их откровенное поведение в ходе следствия, а также подробные сведения об организации работы разведточки, наличие кодов и шифров, руководство 2-го Управления НКВД СССР приняло решение начать радиозигру с германской военной разведкой. <...>

С конца февраля 1943 года радиоточка «Борисов» включилась в работу по систематической передаче противнику дезинформации о планах летней кампании Красной Армии <...> Вскоре контрразведчики решили разнообразить игру и попробовать вызвать курьера <...> 13 июня начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Утехин Г. В. согласовал с заместителем начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенантом Мешиком П. Я. следующую радиограмму в Центр. Окончательная формулировка текста радиограммы утверждена начальником ГУКР «Смерш» Абакумовым В. С.: «Господину доктору! Убедительно просим проверить, почему остаются безответными наши просьбы. В каком положении мы находимся, вам должен был рассказать “Скирда” (ранее арестованный советскими контрразведчиками связник группы «Ароматова», перевербовка и возвращение которого к немцам были признаны нецелесообразными. — Прим. составителей). Медлить с помощью дальше нельзя. Обращаемся к вам как к другу и начальнику». <...>

22 июня из «Сатурна» была получена радиограмма: «Новый курьер со всеми вещами в дороге к вам. Его зовут Меньшиков. Он не останется у вас, а принесет привет от доктора. Надеемся, что все пройдет благополучно». <...>

Учитывая, что [Козлов] явился с повинной, дал чистосердечные показания и рядом ранее явившихся разведчиков, обучавшихся с ним в одной школе, характеризуется положительно, Главным управлением «Смерш» принято решение перевербовать [Козлова] и направить его в тыл противника для внедрения в абверкоманду-103 с контрразведывательными задачами.

1 июля состоялся очередной сеанс связи с разведцентром противника. Противнику переданы радиограмма служебного характера и метеосводка: «Господину доктору! Сердечно благодарим за посылку. Получили все, за исключением одного комплекта батарей, которые “Меньшикову” пришлось выбросить. Настроение сейчас бодрое. Ваше последнее задание обещаем выполнить. Привет»⁶.

Было определено, на каком участке мне лучше перейти линию фронта, чтобы вернуться назад к немцам, — около Жиздры, в районе стыка двух немецких дивизий. Меня сопровождал товарищ из Москвы — начальник контрразведки и трое крупных чинов. Мне приказали идти, и я двинулся в путь.

Никакой серьезной подготовки моего маршрутирования не проводилось, причиной тому были сжатые сроки выполнения задания, на которое немцы отвели мне всего 10 суток. Оставалось рассчитывать на свой опыт и знания. Я был осведомлен, к примеру, что телефоном пользоваться нельзя, писать тоже — если перехватят, это вещдок. Даже с женой, к которой немцы возили меня по выходным, был

⁶ Макаров В. Г., Тюрин А. В. Смерш: Война в эфире. М.: Русский путь, 2018. С. 580–594.

Здание штаба абверкоманды-103 (условное наименование «Сатурн») в пос. Красный Бор Смоленской области. 1942 г. (Архив УФСБ России по Саратовской области)

условный язык знаков — одно поглаживание рукой означало «Осторожно!». Подслушивающие устройства устанавливались везде.

Чтобы не проговориться во сне, я заставлял себя просыпаться, если только что-то начинало сниться. После этого снов больше не вижу. До сих пор думаю, что кто-то свыше мне помогал остаться невредимым.

Вернувшись в «Сатурн», я быстро вошел в доверие к руководству школы, сумел получить уйму нужной Центру информации, но долгое время не имел возможности передавать ее. Была договоренность, что забросят еще одного разведчика — Бориса и он меня найдет, подойдет и назовет пароль. Но связного я так и не дождался. Пришлось перевербовывать агентов и передавать с ними разведданные, что было очень рискованно.

Фашистам же и в голову не приходило, что «ценные сведения», которые передавала перевербованная мною агентура, разрабатывал Генштаб СССР. Немцы считали «подготовленных» в этой школе агентов чрезвычайно ценными, и группа была награждена высокими немецкими наградами (сам Козлов А.И. был награжден немцами крестом «За военные заслуги», серебряными медалями I и II степени, двумя бронзовыми медалями. — *Прим. составителей*).

К сожалению, не были предусмотрены мои действия на случай пленения союзными войсками. А это как раз и произошло. Школа отходила все время на запад, и в городе Бисмарке американцы неожиданно настигли ее.

Козлов А. И. после награждения крестом «За военные заслуги». 1944 г.

Сначала я переоделся в гражданскую одежду, но, выйдя на улицу, был узан знакомым поляком. Еле уговорил его не выдавать, что я немецкий разведчик. После этого я опять переоделся в военную форму, уничтожил все документы, выбросил награды и оружие, сдался в плен американцам. Они меня отвезли в Бельгию в лагерь немецких военнопленных, затем во Францию. Война приближалась к концу, а я не знал, что мне делать. Сказать американцам, что я советский разведчик, не имел права без санкции.

В конце концов я придумал себе легенду и рассказал ее коменданту лагеря. Суть ее состояла в том, что я советский разведчик капитан Александр Меньшиков, месяц тому назад в составе группы из трех человек в немецкой форме, с документами прикрытия был выброшен на западный берег реки Одер с целью получения информации о системе обороны немцев в этом районе. Но, в связи с наступлением наших и отступлением немцев, мы потеряли друг друга. Я попросил американца предоставить мне возможность встречи с моим командованием. Он обрадовался, что видит союзника, сказал, что немедленно свяжется с советскими органами военного управления.

Зафронтовой разведчик Козлов А. И. в разведшколе абвера «Сатурн». Художник Трошин С. Н. 2017 г. Холст, масло

Советский разведчик Козлов А. И. 1945 г.
(Архив УФСБ России по Ставропольскому краю)

Примерно через неделю меня отвезли в Париж и передали в нашу военную миссию. Я попросил начальника военной миссии генерал-майора Драгуна сообщить в Москву, что «Байкал-60» (это был мой позывной) находится у него. Вскоре из Москвы прилетел человек с Лубянки и забрал меня в Москву. Так закончилась моя карьера разведчика и военного человека...⁷

DEPARTEMENT d
COMMUNE d

CARTE D'IDENTITÉ
Nom : *Menchikov*
Prénoms : *Alexander*
Fil de
et de
Profession : *Capitaine*
Né le : *26.6.1920*
à : *Kronstadt U.R.S.S.*
Département : *Citoyen Soviétique*
Domicile :

SIGNALEMENT
Taille : *1m 73*
Cheveux : *noir*
Moustache :
Yeux : *Brun*
Signes particuliers :
Nez :
Forme générale du visage : *Ovale*
Teint :

Empreinte digitale
Signature de l'individu : *Alexander Menchikov*

CHANGEMENT DE DOMICILE et VISO
C'este fiche exacte la signature du Commandant
Soviétique au Camp de Cocheron
Le Chef de la Mission Française
de Rapatriement

MINISTRE DES
AFFAIRES ÉTRANGÈRES
FRANCE

Удостоверение личности на имя Александра Меншикова, выданное французской администрацией. 1945 г.
(Архив УФСБ России по Ставропольскому краю)

⁷ Материал подготовлен на основе интервью Козлова А.И. ВГТРК «Россия», «Смерш против абвера, операция «Следопыт», 2009 г., а также книги Владимира Макарова и Андрея Тюрина «Смерш: Война в эфире».

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Из воспоминаний подполковника Иванова Анатолия Николаевича.

Родился в 1916 году в г. Казалинске Сырдарьинской области. После окончания аграрного техникума проходил срочную службу в РККА (108-я авиабаза Забайкальского военного округа). В должности заместителя политрука участвовал в боях с японцами на р. Халхин-Гол.

С июля 1941 года — помощник уполномоченного Особого отдела НКВД 44-й кавалерийской дивизии. В ноябре 1941 года направлен в действующую армию. Принимал участие в боях под Москвой, на Калининском, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах. Весной и летом 1944 года исполнял обязанности командира специальной оперативной группы ГУКР «Смерш» в тылу противника.

После войны проходил службу на оперативных и руководящих должностях в особых отделах Белорусско-Литовского, Прибалтийского, Туркестанского военных округов.

В 1966 году уволен в запас КГБ при Совете Министров СССР.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В один из осенних дней 1943 года меня, в то время оперативного уполномоченного Отдела контрразведки «Смерш» 43-й армии, вызвал начальник отдела и после недолгой беседы предложил выполнить задание за линией фронта. Он не требовал немедленного ответа, попросил обдумать предложение и зайти к нему во второй половине дня.

Примерно через час я вновь сидел в его кабинете и докладывал о своей готовности выполнить задание. Во время этого разговора детали предстоящей операции не обсуждались.

Более подробно о характере задания я узнал примерно через две недели в Управлении контрразведки «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта, где со мной беседовал подполковник Мутин. Он рассказал, что для заброски в глубокий тыл немецких войск готовится группа, возглавить которую должен оперативный работник. Одним из кандидатов на выполнение этого задания являюсь я, но есть и другой

претендент. Проверять и готовить будут обоих, и кто более подойдет, того и направят за линию фронта.

Из управления к прежнему месту службы я уже не возвратился. Отныне вся моя работа подчинялась интересам готовящейся операции, была новой и несколько необычной.

Вскоре после разговора с Мутиным мне было поручено выехать в отделы контрразведки «Смерш» ряда фронтовых дивизий и там с помощью наших работников подобрать солдат и сержантов, которых можно было бы включить в группу. Помню, подобрал я тогда несколько кандидатур. Из них запомнился Гриша Гусельников, простой русский парень, со спокойным характером, немного рябоват, родом, кажется, из Пензенской области. Остальные члены группы были подобраны Управлением контрразведки «Смерш» фронта, и познакомился я с ними значительно позже.

В ноябре 1943 года мне стало известно об утверждении моей кандидатуры в качестве руководителя группы, и с этого времени активизировалась работа по подготовке операции. Мне сообщили о предположительном месте заброски группы, основных направлениях в работе и возможных условиях, в которых нам придется действовать. Однако обо всем этом говорилось пока в общих чертах, без упоминания конкретных объектов, точного пункта заброски и базы, на которую мы должны опираться. Эти и другие подробности надлежало разработать и изложить в плане.

Впереди — поездка в Москву. Там окончательно решалась моя судьба как старшего группы. Состоялась эта поездка в начале января 1944 года. В то время Управление контрразведки «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта располагалось в нескольких десятках километров западнее Витебска, и добраться до Москвы стоило большого труда. Но сроки мы выдержали, и в назначенный день я приехал в столицу.

Не ту Москву видел я в марте 1942 года, когда после ранения и излечения в казанском госпитале проезжал через нее к новому месту службы. Теперь уже в столице не чувствовалась близость фронта. Со многих улиц убрали противотанковые заграждения. Не стало видно и других примет готовившегося к обороне города. Ритм жизни стал более спокойным.

В Москве я был принят полковником, который подробно рассказал об ожидающих нас трудностях и опасностях, связанных не только с выполнением самого задания, но и с переброской за линию фронта и с самим пребыванием на оккупированной фашистами территории. После этого вступления полковник спросил, готов ли я к работе в таких условиях, и попросил быть полностью откровенным, не бояться сказать правду. Он предупредил, что отказ не будет расценен как трусость.

Я объяснил полковнику, что уже достаточно времени размышлял и мое решение окончательное. Тогда он встал, пожал мне руку и пожелал успешного завершения подготовки, выполнения задания и благополучного возвращения. Перед расставанием он в шутку сказал: «Что ж, товарищ Иванов, как раньше говорили, или грудь в крестах, или голова в кустах». Я высказал надежду на первый вариант, и мы расстались.

В Москве я пробыл около месяца. За это время мне удалось значительно пополнить свои знания, что было необходимо для молодого оперативного работника, каким был я. Ведь свою чекистскую деятельность я начал уже в войну, всего за два с половиной года до описываемых событий, без какой-либо специальной подготовки. Всему приходилось обучаться на ходу, в строю. А тут такое везение — целый месяц для учебы.

Плакат «Разжигайте партизанскую войну в фашистском тылу!».
Художник Кокорекин А. А. 1941 г.

Незаметно пришло время расставания с Москвой. И снова грузовые поезда, воинские эшелоны, попутные автомашины — и наконец я дома, в своем управлении.

К этому времени оперативная группа была полностью укомплектована. Моим заместителем в группе стал старшина из взвода охраны Управления контрразведки фронта, по имени Яков. Веселый, острый на язык, без музыкального слуха и го-

лоса, но всегда напевающий какую-то трудно понимаемую окружающими мелодию.

В группу входил Федор Кутырев. Высокий, интересный москвич, в возрасте примерно 26–27 лет. Кто-то из его родителей был немцем, и он получил общее образование в немецкой школе. Немецким языком владел в совершенстве. До войны учился в театральном училище, и, хотя не окончил его, по нашему мнению был готовый артист. Много радостных минут он доставил нам и партизанам во время пребывания в тылу у противника, когда по нашей просьбе читал стихотворения и поэмы. Незадолго до назначения в нашу группу Федя вернулся из немецкого тыла после успешного выполнения задания. На груди его уже красовался орден Красного Знамени.

Радист группы — сибиряк по имени Виктор. Свое дело он знал хорошо и связь с Большой землей поддерживал бесперебойно.

Курьерами-связниками назначили Гришу Гусельникова, о котором я уже говорил, и Лешу Александрова, спокойного и дисциплинированного парня, с постоянной благодушной улыбкой, имевшего к тому времени на своем счету несколько успешно выполненных заданий в глубоком тылу врага.

К выполнению задания мы теперь готовились все вместе, и, кроме того, каждый в отдельности проходил персональную подготовку. Перед нами ставились следующие задачи: после переброски через линию фронта в Бегомльскую партизанскую зону нам надлежало найти партизанскую бригаду «Железняк», расположиться в зоне ее действия и, опираясь на базу этой бригады, организовать работу против действовавших на территории Минской области разведывательных и контрразведывательных фашистских органов. Кроме того, нам поручалось выявлять другие, неизвестные еще органы фашистской разведки, внедрять в них своих людей с целью своевременного получения сведений о предстоящих забросках фашистских агентов в расположение советских войск.

В целях конспирации я стал «Зайцевым», мой заместитель Яша — «Колосовым», Кутырев — «Счастливым», радист Виктор — «Омом», Гусельников — «Другом», а Алексей Александров — «Боксером». Вся наша группа получила название «Штурм».

*Герой Советского Союза
Мачульский Роман Наумович. 1955 г.*

*Герой Советского Союза полковник
Титков Иван Филиппович. 1945 г.*

*Бойцы партизанской бригады «Железняк»
у захваченного немецкого автомобиля Mercedes-Benz L1500A*

25 марта 1944 года ночью самолет Р-5 доставил нас на аэродром Бегомльской партизанской зоны. Этот самолет-разведчик имел только два места — для пилота и штурмана. Чтобы перебросить нашу группу, пришлось совершить два ночных рейса: в первом двое едва уместились в тесной кабине штурмана; во втором двое втиснулись в кабину штурмана, а два человека поместились в специальных грузовых контейнерах, подвешенных под крыльями. Наш перелет окончился успешно, и мы оказались в объятиях партизан на лесном аэродроме.

После переброски во вражеский тыл мы встретились с полковником Мачульским Р. Н., вторым секретарем Минского обкома партии, руководившим партизанским движением в Бегомльской зоне. Он направил нас к командиру партизанской бригады «Железняк» Герою Советского Союза Титкову И. Ф. В этой бригаде определили нам место базирования в одной деревне недалеко от районного центра Бегомль.

Отрядами и соединениями Бегомльской партизанской зоны контролировалась обширная территория, ограниченная населенными пунктами Минск, Молодечно, Вилейка, Березино, Борисов. Фактически на этой территории немцы не пользовались никакой властью, за исключением отдельных населенных пунктов, где стояли их гарнизоны. Местное население жило по советским законам и оказывало всяческое содействие партизанам. Каждый юноша, достигший 16–17-летнего возраста, считал себя обязанным вступить в партизанский отряд, как по призыву на военную службу. Подпольно продолжали действовать колхозы, выполнявшие заготовки сельхозпродуктов и поставки продовольствия партизанским отрядам.

Устроившись на месте, мы приступили к выполнению порученного нашей группе задания. Работа велась по двум основным направлениям: сбор информации о действовавших в этой зоне фашистских разведывательных органах, занимавшихся подготовкой и заброской агентуры в тыл советских войск, а также подбор из местных жителей надежных людей и их внедрение в фашистские разведывательные органы.

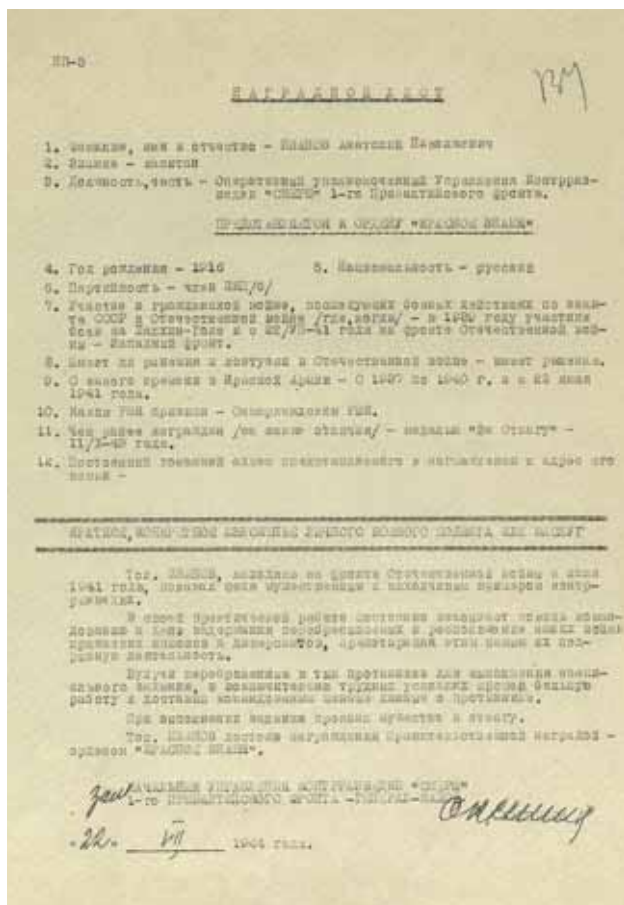
Большую помощь в работе нам оказывали партизаны, хорошо знавшие обстановку в своей зоне и располагавшие информацией о фашистских органах. В составе бригады «Железняк» действовал пятый партизанский отряд, в котором были лица, служившие ранее в Русской освободительной армии (РОА — вооруженное формирование из числа русских коллаборационистов в составе вермахта. — *Прим. составителей*) и перешедшие на сторону партизан, а также бывшие курсанты Борисовской разведшколы, бежавшие от немцев к партизанам. От них мы получили много ценной информации о Борисовской разведшколе и других органах противника.

Подбор кандидатов на внедрение в фашистские разведорганы облегчался для нас высоким чувством патриотизма местного населения. Ни один человек из тех, кого мы готовили для выполнения сложных и опасных заданий, не заявил о своем нежелании или боязни последствий в случае провала. Уже 30 мая 1944 года с одним из представителей штаба партизанского движения, вылетавшим на Большую землю, я отправил в Центр пакет с первыми результатами нашей работы: в нем содержалась собранная группой информация о фашистских разведывательных органах и сведения о лицах, внедренных нами в эти органы.

В мае–июне 1944 года фашисты попытались ликвидировать партизанские отряды и соединения, представляющие большую опасность для их тылов. Собрав в этом районе большое количество войск, немцы блокировали Бегомльскую партизанскую зону. Но партизанские бригады, объединившись в один мощный кулак, 8 июня прорвали блокаду и вышли в безопасный район. Вместе с партизанами и наша группа перебралась на новое место, в район города Вилейка, где продолжала свою работу.

Партизаны бригады «Железняк» ведут бой. 1943 г.

Наградной лист на капитана Иванова А. Н.
(Центральный архив Министерства обороны
Российской Федерации)

По поведению немцев было видно, что они доживают последние дни на оккупированной территории. Многие тыловые фашистские организации спешно эвакуировались. В начале июля 1944 года началось широкое наступление советских войск на нашем участке. Группа «Штурм» получила задание совместно с партизанами продвигаться на запад, оставаясь в тылу врага. Но пешком по лесам мы не могли двигаться так быстро, чтобы опережать линию фронта, перемещавшуюся на запад под стремительным натиском советских войск. И 7 июля 1944 года мы встретились с частями нашей армии, освободившими территорию, на которой находилась наша группа.

В архивах времен Великой Отечественной войны хранится докладная записка о результатах контрразведывательной работы в тылу противника Управления контрразведки «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта с 1 мая 1943 по 1 июня 1944 года. В ней, в частности, говорится:

«О работе зафронтовой группы «Штурм»
Группой добыты данные:

а) о деятельности диверсионно-разведывательной школы, дислоцирующейся в дер. Курганы Смоленвичского района Минской области;

б) о пунктах (пяти лагерях военнопленных на территории БССР), в которых активно проводится вербовка слушателей в так называемую дабендорфскую школу пропагандистов РОА, ряде вербовщиков этой школы, руководящем и обслуживающем ее составе;

в) о дислокации и деятельности в г. Минске трех отделений СД и шести отделений полиции, выявлен ряд агентов противника, установлено несколько резидентур СД, действующих в гг. Минске и Борисове, а также собраны данные на провокаторов, активных пособников немцев, проживающих на территории БССР.

В связи с начавшимися в настоящее время активными карательными операциями немцев против партизан и блокированием Бегомльской зоны группа «Штурм» с партизанской бригадой «Железняк» из кольца блокады вышла и, по данным на 15/VI-1944 г., находилась в районе г. Вилейки.

Группа имеет от нас указание о сосредоточении в дальнейшем всей своей работы против разведоргана, возглавляемого Фурманом, и других разведывательных и контрразведывательных органов, находящихся в г. Минске. 22 июня 1944 года».

Вскоре группа «Штурм» вновь выполняла задание в тылу противника.

Все члены группы удостоились орденов и медалей, я был награжден орденом Красного Знамени.

РЕЗИДЕНТУРА ПОРТНОГО ПИНКИНА

Из воспоминаний майора Гасилова Федора Георгиевича.

Родился в 1915 году в г. Омске в крестьянской семье. С 1929 года работал телеграфистом в Кочетаве и Минусинске, с 1932 года — электромонтером в Ленинградском порту. В 1936–1939 годах проходил службу в РККА, окончил курсы техников-интендантов Ленинградского военного округа, первый курс рабфака Ленинградского института инженеров водного транспорта.

С 1939 года — в органах военной контрразведки.

С 1941 по 1944 год — на следственной работе в особых отделах НКВД Ленинградского военного округа, Ленинградского фронта, ОКР «Смерш» 67-й армии 3-го Прибалтийского фронта.

В октябре 1944 года окончил 1-ю Московскую школу ГУКР НКО «Смерш».

С октября 1944 по декабрь 1945 года — начальник 2-го отделения 4-го отдела Главного управления информации Войска Польского.

В послевоенные годы — на различных оперативных и руководящих должностях в органах госбезопасности. Окончил службу в марте 1956 года в должности старшего оперуполномоченного 5-го отделения Отдела КГБ при Совете Министров СССР на Ленинградском морском бассейне.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

С первых дней войны и до полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады я служил в особых отделах частей Ленинградского фронта...

В феврале 1944 года, когда наши войска освобождали Ленинградскую область от фашистских оккупантов, я работал старшим следователем в Особом отделе 67-й армии. Именно тогда мне удалось разоблачить резидентуру абвера, оставленную в районе поселка Сиверский, где располагался аэродром авиации нашей армии.

Допрос пленных советских военнослужащих в подразделении «ИЦ». 1942 г.

Вслед за 18-й немецкой армией на территорию Ленинградской области проследовал ее разведывательный орган. Он имел два отделения. Одно разместилось в Пскове, а другое — в деревне Лампово, откуда его вскоре перевели на станцию Сиверская, на так называемую Корниловскую дачу. Там с октября 1941 до января 1944 года дислоцировалось подразделение отдела «ИЦ» — абвергруппа-112.

Группа занималась разведывательной деятельностью в ближнем тылу Ленинградского, Волховского, а позже 3-го Прибалтийского фронтов, забрасывая агентуру, подготовленную в разведывательных школах в городах Валга, Стренчи, местечке Мыза Кумна и непосредственно при группе.

Для обеспечения безопасности разведпункта немцы приняли достаточно серьезные меры. В поселке Сиверский было размещено отделение тайной полевой полиции, создана комендатура, образовано отделение гражданской полиции. Там же приступила к работе агентурная группа предательницы Андреевой, переведенная из Гатчины. Поблизости от поселка расположился карательный отряд, а непосредственно в Сиверском — его боевая группа.

Немецкие власти провели тщательную фильтрацию населения в поселках Сиверский, Старо- и Ново-Сиверский, выселив всех неблагонадежных, в основном русских, в глубокий тыл. Они не тронули только финскую и эстонскую часть жителей, не без оснований полагая, что на них в силу неприязни к русским можно положиться. Была образована местная администрация, назначены волостной старшина, поселковые и деревенские старосты.

Отдел «ИЦ» начал насаждать, прежде всего в Гатчинском районе, подвижную и стационарную агентуру. Подвижные агенты в силу занимаемого служебного положения (старосты, лесники, дорожные мастера и т. д.) были теми, к кому прежде всего обращаются люди на подходах к населенным пунктам. Германские агенты должны были вступать в контакт с неизвестными лицами и, выдавая себя за патриотически настроенных людей, выяснять цель их появления и намерения.

Стационарные агенты размещались в населенных пунктах, занимали положение (медсестры, мастера по пошиву одежды, ремонту обуви и т. д.), позволявшее им своевременно выявлять незнакомых людей, поселившихся у местных жителей. При удобном случае они заманивали интересующих их лиц к себе в дом, чтобы прощупать, кто они такие, и неблагонадежных выдавать немецкой контрразведке⁸.

⁸ Тиранин А. М. Внезапная и ожидаемая. Документы Ленинградского управления НКГБ–НКВД. Ч. 11. Абверкоманда-112 (правильно «абвергруппа-112» — Прим. составителей) в поселке Сиверский, Ленинградское УНКВД против Сиверской разведшколы.

В моем производстве находилось несколько дел на немецких пособников — старост, полицаев и других предателей. Приходилось допрашивать и иных подозрительных. Один из таких — Спириин, житель Сиверской, рассказал, что в декабре 1943 года был завербован немецким офицером для выявления партизан и лиц, связанных с партизанами. Перед отступлением офицер передал его на связь некоему Пинкину, проживающему в совхозе «Белогорка», поручив наблюдать за передвижением наступающих советских войск.

Пинкин — портной, живет в собственном доме. Во время оккупации у него квартировали офицеры из местной комендатуры. С одним из них сожительствовала дочь Пинкина, которую немец увез с собой при отступлении. Сам Пинкин тоже собирался уехать с немцами, что, очевидно, и сделал. Спириин заявил, что, как он полагает, еще несколько человек в поселке выполняют задания немцев и связаны с Пинкиным. Фамилии этих подозреваемых он назвал. К тому времени мне как раз предстояло отправиться в Сиверскую по служебным делам.

Приехав в Сиверскую, я допросил свидетеля о преступной деятельности одного немецкого пособника. Между делом спросил, как себя вели другие жители по отношению к немцам. Неожиданно допрашиваемый сказал, что Пинкин никуда не уехал и продолжает жить в своем доме, который в числе немногих остался не тронутым немцами при отступлении. Внезапно возникшая ситуация обязывала меня принимать важное решение самостоятельно. Если немецкий резидент дома, то я обязан задержать его и доставить в отдел. Но как? Для этого я продумал легенду: мол, являюсь начальником обозно-вещевого снабжения одной из летных частей и ищу портного, чтобы обшивать наших летчиков, обносившихся в блокадном Ленинграде. Так и сказал Пинкину, придя к нему домой. Он охотно согласился. Особенно понравилось мое предложение его жене, которая стала страстно уговаривать мужа принять его.

В разговоре выяснилось, что Пинкин уже взят военкоматом на учет. Понимая, что надо скорректировать свои действия, я уточнил, где размещается военкомат, и договорился с Пинкиным, что завтра мы там и встретимся. Ну а сам, разыскав представителя военкомата, сообщил ему о своих планах задержания Пинкина.

Ночевал я у оперуполномоченного Особого отдела, обслуживавшего Сиверский аэродром. Заснуть не мог, еще и еще раз обдумывал предстоящие действия — правильно ли я поступаю, а вдруг он уже заподозрил неладное и скроется...

Спозаранку поспешил к представителю райвоенкомата, который стал заполнять ведомость о передаче Пинкина в мое распоряжение. В это время я в окно заметил, как во двор РВК въезжает на санях-розвальнях Пинкин с женой. «Неплохо же ты, предатель, поработал на немцев, — подумал я, — если они не только твой дом не тронули, но и лошадкой снабдили».

Процедура передачи и приема «призывника» была недолгой. Пинкин распрощался с женой, и мы пешком отправились к большаку, ведущему из Гатчины в Лугу. Настроение мое было на уровне: мол, без особых затруднений прихватил резидента противника и везу его туда, где тому и положено быть. Однако через несколько минут произошло неожиданное. По моему сигналу остановился ЗИС-5, доверху загруженный ящиками. Я посадил своего «подопечного», а сам попросил водителя остановиться у поворота на Толмачёво. Но сесть в кузов не успел, едва стал ногой на заднее колесо, как шофер дал газ.

Падая, я сильно ушибся. Поднявшись, что-то прокричал вслед удаляющемуся грузовику, но меня никто не услышал. Получалось, что мой резидент укатил, а я остался. Впоследствии я выяснил, почему же Пинкин не попытался остановить

машину. Оказалось, что он сел спиной к борту, через который я пытался взобраться в машину, и не заметил, что я упал. Он был уверен, что я в кабине вместе с водителем, и был страшно удивлен, когда машина остановилась у поворота на Толмачёво, а меня в ней не оказалось.

На попутке я пустился вдогонку и увидел «беглеца» у поворота на Толмачёво. Он стоял в растерянности.

В Толмачёво резидента поместили в камеру предварительного заключения, а на другой день я под конвоем препроводил его в Гатчину, где приступил к допросам. Задержанный был обескуражен и больше всего удивлен тем, как его задержали. На первом же допросе и на последующей очной ставке со Спириным Пинкин дал показания о своей принадлежности к фашистским разведорганам и полученном от них задании по сбору шпионских сведений. Рассказал и о четырех агентах, состоящих у него на связи. Завершал следствие уже не я — дело передали в следственную группу Особого отдела фронта.

За задержание и разоблачение фашистского резидента меня наградили орденом Красной Звезды.

Гасилов
Федор Георгиевич. 1975 г.

В сентябре 1944 года Гасилов Ф.Г. был переведен для дальнейшего прохождения службы в органы контрразведки 1-й Польской армии (г. Люблин, Польша), где был назначен на должность старшего следователя, а к концу 1944 года — начальника следственного отделения.

В ходе осуществления следственных действий Гасилову Ф.Г. удалось выявить и разоблачить английского агента — одного из высокопоставленных офицеров Войска Польского.

За разоблачение крупного английского шпиона польское правительство наградило советского контрразведчика военным орденом Крест Грюнвальда.

Польский военный орден
Крест Грюнвальда

В БОРЬБЕ С ВРАГОМ

Из воспоминаний полковника Филиппова Ивана Александровича.

Родился в 1922 году в Оренбургской губернии. С 1934 года проживал в Нижнем Тагиле. В 1939 году, после окончания семилетки, поступил в Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта. С октября 1941 года — в распоряжении Особого отдела НКВД Сибирского военного округа. После краткосрочной переподготовки назначен помощником оперуполномоченного Особого отдела 235-й стрелковой дивизии. В феврале 1942 года дивизия вошла в состав 53-й армии Северо-Западного фронта. С 1942 года — оперуполномоченный 801-го стрелкового полка этой же дивизии. С мая 1943 года — на оперативных должностях в ОКР «Смерш» 63-й армии, с февраля 1944 года — ОКР «Смерш» 61-й армии.

С 1945 года — во 2-м отделе УКР «Смерш» — УКР МГБ по ГСОВГ, с октября 1950 года — в 3-м Главном управлении МГБ СССР. Затем занимал должности начальника Особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по 1-й гвардейской танковой армии ГСВГ; начальника Особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по 1-й армии ПВО ОСНАЗ Московского округа ПВО; старшего инспектора 5-го, затем 2-го отделов Инспекторского управления КГБ СССР. С октября 1985 года в отставке.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В октябре 1941 года меня, студента Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта, взяли на работу в Особый отдел Сибирского военного округа.

Пройдя краткие курсы по совершенствованию знаний немецкого языка и стажировку у опытных работников, я получил назначение на должность помощника оперуполномоченного Особого отдела 235-й стрелковой дивизии, сформированной в Новосибирске. В феврале 1942 года дивизия вошла в состав Северо-Западного фронта и вступила в бой с немцами, окопавшимися в так называемом Демянском мешке.

*Сержант госбезопасности
Яров Петр Алексеевич. 1940 г.*

Уже в первом бою погиб оперуполномоченный 801-го стрелкового полка Иван Андреевич Вдовин и меня назначили вместо него. Мне было неполных 20 лет, когда я принял «дела» Вдовина: сохранившийся блокнот с зашифрованными записями и три стрелковых батальона в оперативное обслуживание.

Большую помощь советом и делом оказывал мне старший оперуполномоченный капитан Яров Петр Алексеевич, имевший большой жизненный и чекистский опыт.

Весной 1942 года в полку, как и в других частях дивизии, сложилась тяжелая обстановка: не хватало боеприпасов и продуктов питания. Дело было в том, что единственную дорожку-лежневку, по которой снабжалось большинство соединений 53-й армии, постоянно бомбили немцы, движение по ней часто прекращалось. В боевых подразделениях росло недовольство, увеличилось количество негативных высказываний. На этой почве в одном из обслуживаемых батальонов образовалась группа из шести солдат, которые готовились

к переходу на сторону противника — определили время и маршрут побега, обзавелись немецкими листовками-пропусками.

*Лежневка, по которой доставляли боеприпасы и продовольствие на передний край. Северо-Западный фронт, 1942 г.
(Российский государственный архив кинофотодокументов)*

Проверку полученных данных провел начальник Особого отдела дивизии майор Плющ Филипп Львович (Логвинович), до войны работавший следователем. Все участники группы были арестованы и осуждены.

Первое столкновение с вражеской агентурой произошло осенью 1942 года.

Один из наших помощников рассказал, что днем ранее со стороны немцев через замерзшее болото на наши позиции вышла группа вооруженных лыжников, одетых в красноармейскую форму. В составе группы были старший лейтенант, лейтенант и три сержанта. Они заявили, что являются советскими разведчиками и возвращаются после выполнения специального задания. Командир взвода проверил у них документы, после чего группа ушла в тыл.

Командир взвода в ходе беседы подтвердил эти сведения и заявил, что документы у них были в полном порядке, поэтому о выходе лыжников из-за линии фронта он никому не доложил.

Сомнений не было — в тыл проникла группа шпионов, так как ни один наш войсковой разведчик за линию фронта с удостоверениями личности и другими подлинными документами не уходил.

В ходе розыска, который проводили особые отделы дивизии и армии, «лыжники» были задержаны. Оказалось, что это была разведывательно-диверсионная группа абвера. Помимо сбора разведанных участники группы должны были вывести из строя Молвотицкую узкоколейку, использовавшуюся для перевозки военных грузов.

При задержании у шпионов изъяли рацию и взрывчатку, замаскированную под куски каменного угля и консервные банки.

С мая 1943 года, когда меня перевели на работу в розыскное отделение ОКР «Смерш» 63-й, а затем 61-й армии, встречи с вражеской агентурой, засылаемой в наш тыл, стали регулярными.

В основном это были завербованные немцами военнопленные, подготовленные в специальных разведшколах или в индивидуальном порядке. Часть их, не желая выполнять полученное задание, являлась с повинной, однако большинство задерживалось в ходе розыска или при переброске через линию фронта.

Взрывчатка, замаскированная под куски каменного угля, изъятая у немецкой агентуры. (Архив УФСБ России по Саратовской области)

Особое внимание разведорганы противника уделяли крупным перемещениям наших войск. Так, в период подготовки Орловской наступательной операции в прифронтовую полосу было заброшено несколько агентов противника. Один из них, снабженный рацией, после задержания заявил, что его поразило количество передвигающихся войск и их техническая оснащённость, в связи с чем он стал сомневаться, что сможет выполнить полученное задание. Поскольку связь с разведцентром им еще не устанавливалась, задержанный был передан в УКР «Смерш» фронта для возможного использования в радиоигре.

В августе 1944 года штаб 61-й армии временно разместился в районе станции Крынки вблизи города Волковыска (Западная Белоруссия), откуда руководил погрузкой в эшелоны подчиненных соединений в связи с их передислокацией в Прибалтику. Через два-три дня в ОКР «Смерш» армии поступил сигнал о выброске вражеских парашютистов в ближайший лесной массив. К розыску шпионов привлекли весь оперативный состав, а также несколько войсковых подразделений, выделенных для этих целей командующим армией.

Конечно, мы не ползали по-пластунски в лесу, как показано в фильме по книге Богомолова, а блокировали все выходы из лесного массива скрытыми засадами, поддерживали оперативную связь с местными жителями. При этом исходили из того, что шпионы прибыли для проведения разведки, а не чтобы сидеть в лесу. На второй день после начала розыска все три парашютиста были задержаны. Поползть в лесу все же пришлось, когда с участием задержанных для подтверждения их показаний искали спрятанные ими парашюты.

В 1943–1944 годах для выявления вражеских агентов широко использовались специальные посты для проверки документов, выставляемые на путях вероятного передвижения шпионов. Тщательно разработанные в Центре признаки поддельных документов, изготовленных немцами, почти безошибочно позволяли выявлять и задерживать их владельцев. В эффективности этих мер мы убедились в октябре–ноябре 1944 года, когда войска 61-й армии после освобождения Риги были переброшены на литовско-латышскую границу в район поселка Бата и станции Вайноде. Только одним «летучим» постом по проверке документов удалось задержать несколько шпионских групп, численностью по два-три человека, вооруженных винтовками и автоматами, переодетых в красноармейскую форму. Одна из этих групп была выброшена на парашютах, а остальные — переправлены через линию фронта с территории окруженной курляндской группировки немецких войск.

Отступая под ударами Красной Армии, фашистские разведорганы оставляли свою агентуру на оседание под видом так называемых примарков — военнопленных, бежавших из лагерей. Некоторые из них для большей убедительности легенды даже женились в указанных им немцами населенных пунктах. Два таких шпиона были выявлены и задержаны в районе Пинска при наступлении частей 61-й армии на Брест.

Нередко в перебрасываемые шпионские группы немцы включали агентов из числа бывших карателей. Им, как правило, ставились задачи по предотвращению явки с повинной их напарников. Одним из поставщиков таких «кадров» была карательная бригада Каминского, которая вела борьбу против советских партизан в Брянских лесах. Штаб бригады и работавший при нем немецкий разведорган располагались в поселке Локоть и на станции Брасово (в то время — Орловская область). Для подбора и изучения кандидатов на вербовку использовалась специально созданная Национал-социалистическая трудовая партия России (НСТПР). Основателем ее стал бывший профессор Московского института цветных металлов и золота Перхуров, бежавший к немцам из Московского ополчения.

В проведении разведывательных, диверсионных и террористических акций против советских войск гитлеровцы активно использовали украинских националистов. Поэтому органам военной контрразведки приходилось вступать в борьбу с бандитским подпольем ОУН–УПА на освобождаемой территории.

В конце февраля 1944 года 61-я армия была передислоцирована на территорию Ровенской области. Войска заняли оборонительные позиции на границе Пинских болот, штаб расположился поблизости от райцентра Дубровицы. Управление контрразведки «Смерш» 2-го Украинского фронта ориентировало армейский отдел о действиях вооруженных банд ОУН–УПА на Западной Украине и их связях с немцами. Каких-либо конкретных данных по занятому нами району в ориентировке не было.

Начались вооруженные нападения на наших военнослужащих: от рук бандитов погибло несколько рядовых и сержантов, был убит офицер одного из армейских подразделений. С убитых снималась форма, забирались их оружие. В прифронтовой полосе была задержана разведывательно-диверсионная группа, состоявшая из русских немцев, которую через линию фронта перевел оуновец по кличке «Соловей».

В связи с тем, что территориальные органы госбезопасности еще созданы не были, в борьбу с подрывной деятельностью националистов включилась военная контрразведка. В райцентре Дубровицы и непосредственном окружении штаба эта работа была поручена мне.

Вскоре был задержан некий Шмигельский И.И., имевший при себе оружие. При проверке выяснилось, что в район Дубровиц он прибыл из Прикарпатья еще

Вход в схрон ОУН–УПА (Центральный архив ФСБ России)

Внутренний вид схрона ОУН–УПА (Центральный архив ФСБ России)

во время войны специально для создания националистического подполья. С учетом его показаний в местах возможного пребывания вооруженных банд была проведена войсковая разведывательно-поисковая операция. В ходе боя, завязавшегося возле одного из хуторов, задержали бандита, одетого в красноармейскую форму и вооруженного винтовкой СВТ. Конвоирование задержанного по селу Берестье, в школе которого временно располагался Отдел контрразведки армии, видели многие местные жители. Поздно вечером пришла пожилая женщина, которая рассказала, что задержанный нами бандит — «кат» (палач), руководитель местной «боевки» службы безопасности ОУН. При немцах он охотился за советскими партизанами, задерживал и пытал их. Сына ее соседа после пытки еще живого он перепилил пилой, а труп бросил в реку Горынь. Военную форму, как выяснилось, он снял с убитого красноармейца и вооружился его винтовкой.

Эти и другие злодеяния задержанного подтвердили в ходе следствия все допрошенные по делу свидетели. Преступник был осужден судом военного трибунала.

К сотрудничеству с органами военной контрразведки в Дубровицах и окрестных селах удалось привлечь нескольких бывших активных членов ОУН и участников банд. Сведения, полученные от них, позволили раскрыть ряд серьезных преступлений, установить места укрытия известных бандитов и руководителей националистического подполья.

Так, на хуторе Сохи, неподалеку от штаба армии, была зверски убита 18-летняя девушка, секретарь местного сельского Совета. Бандиты подвесили ее живую на сук дерева за ноги, распорол живот и прикрепили надпись «Так будет со всеми зрадниками (изменниками) Украины». Одновременно был распушен слух, что это преступление совершено военнослужащими Красной Армии.

Направленный на место преступления источник сообщил, что в «акции устрашения» участвовали шесть бандитов из числа членов молодежной организации «Юнаки», назвал их имена, указал, где они проживают и в каких схронах скрываются.

О задержании убийц и предании их суду было оповещено все население района.

На основании оперативных данных была спланирована операция по задержанию военного руководителя «надрайонного провода ОУН» по кличке «Галайда». Схрон в виде хорошо замаскированного бункера, где он укрывался вместе с сожительницей, располагался в лесу. Взять его живым не удалось — он оказал вооруженное сопротивление, а затем, убив сожительницу, застрелился сам.

Много усилий пришлось приложить к поимке руководителя «окружного провода ОУН» Логвиновича, уроженца и жителя села Дубровицы, который, согласно полученным данным, вел переговоры с немцами накануне их отступления. Лишь в результате выхода на его близкие связи удалось получить сведения о том, что он скрывается в доме своей матери, а замаскированный вход в его подземное убежище расположен под материнской кроватью. При проверке полученных сведений выяснилось, что в том же доме, но на другой половине были временно расквартированы офицеры армейского батальона связи, которые иногда оказывали хозяйке различные услуги.

Задержание Логвиновича было произведено внезапно, в результате чего он не смог воспользоваться имевшимися у него гранатами и револьвером. Задержанного сразу же этапировали в УКР «Смерш» фронта. На основании его предварительных показаний обнаружили оставленный немцами для бандитов тайный склад, где помимо стрелкового оружия и боеприпасов находилась также 45-мм противотанковая пушка советского производства. Одновременно был изъят тайник, где хранились списки и клятвы бандитов и членов ОУН, подписанные собственной кровью.

Активная разведывательно-подрывная деятельность гитлеровских спецслужб не прекращалась до самого окончания войны.

Так, в феврале 1945 года среди взятых в плен во время боев за город Хоэнзальцбург немецких военнослужащих были выявлены солдаты, хорошо владевшие русским языком. На допросах некоторые из них показали, что являются агентами фашистского разведоргана «Ваффен СС — Ягдфербанд-Ост», который возглавлял Отто Скорцени. В связи с тем, что к окончанию их подготовки на фронте у немцев сложилось отчаянное положение, Скорцени дал указание всю обученную агентуру включить в состав действующих подразделений вермахта. При этом все агенты получили инструктаж: в случае попадания в плен внедряться в Красную Армию, где проводить разведывательно-диверсионную работу.

Военными контрразведчиками было выявлено около 50 таких «военнопленных», большинство из которых не владели немецким языком и были одеты в одинаковую камуфляжную форму. Только среди немецких солдат, временно содержавшихся на территории бывшей тюрьмы в Хоэнзальцбурге, их оказалось более десятка.

ОСЕНЬЮ 1944-ГО

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Виноградова Валентина Васильевича.

Родился в 1906 году в дер. Кушва Пермской губернии. Окончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина и военно-морской факультет Академии имени К.Е. Ворошилова. С 1928 года — курсант полковой школы 53-го стрелкового полка. С 1929 года — командир отделения, секретарь бюро ВЛКСМ 100-го стрелкового батальона, политрук роты, полковой школы, 52-го стрелкового полка, инструктор политотдела 18-й стрелковой дивизии Московского военного округа. С 1934 года — военный комиссар подводной лодки Щ-307 Балтийского флота. С 1938 года — старший инструктор, начальник отдела руководящих политических органов Политического управления ВМФ.

В марте 1939 года переведен на работу в НКВД, назначен начальником Особого отдела Тихоокеанского флота. С мая 1943 до апреля 1945 года — начальник ОКР «Смерш» Краснознаменного Балтийского флота.

С апреля 1945 до ноября 1946 года — начальник ОКР «Смерш» Черноморского флота. С 1947 года — на командных постах в ВМФ, начальник политотдела военно-морских учебных заведений, член Военного совета Северного флота. В 1956 году уволен в запас.

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Осенью 1944 года войска Ленинградского, 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов и часть сил 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и Дальней авиацией разбили противника под Таллином и Ригой. Более 30 немецко-фашистских дивизий оказались отрезанными от Пруссии и зажаты в клещи между Тукумсом и Либавой.

В ходе борьбы за освобождение Прибалтики состоялись Таллинская и Моонзундская операции, в которых самое активное участие принимал Краснознаменный Балтийский флот. В Таллинской операции Балтийский флот, прикрывая от противника правый приморский фланг наступающих войск Ленинградского фронта, продвигался вместе с ними вдоль южного побережья Финского залива. На боевом

Советские солдаты Вьюрков В. и Головань Н. с красным флагом на крыше Президцума Верховного Совета Эстонской ССР. Таллин, 1944 г.

счета моряков высадки тактических десантов и ликвидация очагов сопротивления врага; освобождение островов и населенных пунктов Кунда, Локса, Палдиски, а позже островов Моонзундского архипелага. Одновременно флот частью своих сил (авиацией и подводными лодками) подвергал ударам морские сообщения и базы врага на Балтийском море, нанося ему серьезный урон в живой силе и технике, в боевых и особенно в транспортных судах.

22 сентября подвижные группы войск Ленинградского фронта освободили столицу Эстонской ССР Таллин — довоенную главную базу Балтийского флота и крупный порт в Финском заливе.

За время своего трехлетнего пребывания в Прибалтике разведывательные и контрразведывательные органы абвера создали там широкую многочисленную сеть агентуры. Известно было, что в школах немецко-фашистской разведки на территории Эстонии в местечках Кейла-Йоа, Кумна и Лайтсе одновременно проходили обучение свыше 150 агентов, разведчиков и радистов, завербованных из военнопленных и предназначенных в основном для подрывной деятельности против КБФ. Разведшкола в местечке Вана-Нурси каждые два-три месяца выпускала больше сотни диверсантов. В городе Валга, местечках Стренчи и Белое Озеро также существовали разведывательные школы абвера, выпускавшие немало разведчиков, диверсантов и террористов. На полную мощность готовили агентуру Рижская разведывательная школа и разведывательный центр «Норд-Поль» под Кёнигсбергом.

Активная деятельность этих школ и центров позволила абверу оставить для подрывной деятельности в Прибалтике многочисленную и относительно хорошо обученную сеть агентуры.

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 229 (9686)

Суббота, 23 сентября 1944 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Столица Советской Эстонии освобождена!

Главную весть принесла вчера советскому народу приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина. Торжественно гремели двадцать четыре залпа из трёхсот двадцати четырёх орудий: Таллин освобождён героической Красной Армией, эстонскому народу возвращена его столица!

Игнаве немцеко-фашистских захватчиков из Таллина (Ревеля), доблестные бойцы Ленинградского фронта продолжают великое дело освобождения Советской Прибалтики. Из трёх её столиц нах двумя уже снова реют красные стяги. За Вильяндиом — Таллин. Крутейшая военно-морская база в Финском заливе вновь становится мощнейшей опорой для нашего Красного Военно-Морского флота. Отныне эта от немцеко-фашистских захватчиков советская земля, отныне она и советское море.

Никому из вооружённых сил не удалось захватить Таллин. Она так упорно цеплялась за столицу Эстонии не только потому, что не хотела выпустить добычу из своих хищных лап. Она в Таллине обороняла свои военные позиции на Балтийском море, свои политические позиции на севере Европы. Они пытались удержать Финляндию, опираясь на Эстонию. Но под ударами Красной Армии они потеряли Финляндию и вышблены из Таллина. Она потеряла и важнейший свой заслон на путях в Германию.

Освобождением Таллина нанесен сокрушительный удар немцеко-фашистской вылазке в «стабильности» на советско-германском фронте. Напротив германские командования подбрасывало сюда свежие силы. Но выжили подкрепления, прибывавшие на транспортных самолётах из-под Берлина. Советские воины искусным маневром пальнули оборону немцев, а затем стремительным наступлением освободили Таллин.

В составе войск Ленинградского фронта вступил в борьбу с врагом эстонский корпус генерал-лейтенанта Царя. Сыны эстонского народа бесстрашно борются против немцеко-фашистских захватчиков с первого дня оккупации их страны, — один борется в рядах Красной Армии, другое — в партизанских отрядах. Силами не сдавшихся эстонского народа и немцеко-захватчикам! Глубо-

ко уходит она своими корнями в историю Эстонии. Много веков стояла эстонская земля под железной пятой немецких баронов. Гитлеровская оккупация воскресила самые мрачные времена, какие переживались трудолюбивым и мужественным эстонским народом.

Вместе с германской армией хлынула в Эстонию немецкие помещики. У крестьян была отнята их земля. Сами они были обращены в крепостных. Немцеко-фашисты жервавы во главе с Альфредом Розенбергом не скрывали своих разбойничьих планов, Эстонский народ был приговорён частично к истреблению, частично к опеченчанию. Намечалась и уже осуществлялась широкая колонизация Эстонии немцами.

Гитлеровские разбойники собирались превратить Таллин в гнездо пиратов на Финском побережье, отсюда совершать набеги на другие страны, отсюда угрожать Ленинграду. Они хотели, владея Таллином, удрушить советский Красный Флот, запереть его в Кронштадте.

Взробоги разбиты все эти сумасбродные планы зловещих гитлеровских разбойников. В упорных боях Красная Армия ещё раз и здесь, как везуно, показала своё превосходство над германскими вооружёнными силами. Военные операции, завершившиеся освобождением Таллина, образуют систему последовательных ударов, наносимых во взаимодействии, в строгой последовательности. Войска Ленинградского фронта под командованием Маршала Советского Союза Говорова превосходно выполняли замысел Верховного Главнокомандующего.

Велико значение советского Таллина. Он занимает виднейшее и почётное место на балтийском побережье. Он образует советскую заставу в самом узком месте Финского залива. Суровый пестер Балтики свободно течёт теперь на освобождённых просторах. Открыты все возможности для развития народного хозяйства и культуры на прибалтийских советских берегах.

Эстонский народ радостно приветствует Красную Армию, своих родных воинов. Гитлеровцы хотели превратить паладающуюся

дружбу эстонского народа с русским народом и с другими народами Советского Союза. Впервые за свою историческую жизнь вступила свободно эстонский народ, когда вошёл в советскую семью народов. Памятны эти светлые дни, когда Эстония начинала строительство своей новой, свободной жизни. Широкие открывались перед ней перспективы.

Недалго продолжалась эти дни эстонского возрождения, но память о них укрепила силы эстонского народа во время тяжелой оккупации. Немцеко рабство с его позлыми, гнусными издевками, с его издевательством над культурой и честью эстонцев заставляло лучших сил Эстонии ещё выше ценить тот великий идеал, который их страна нашла в советской семье народов. Гитлеровцы не могли погасить в душах эстонцев их любовь к свободе и независимости. Еёна Красная Армия освободила первые километры эстонской земли, здесь началось энергичное восстановление всего того, что было создано в советское время.

Недалго существовала третья столица Верховного Совета Эстонской ССР первого созыва. Её приверженцами депутаты выражали свою приверженность товарищу Сталину и Красной Армии, освободившей уже значительную часть Эстонии. Советам принадлежала о возвращении крестьянам земли, отнятой у них немцами индустриантами. Делегация рабочих и крестьян освобождённых уездов Эстонской ССР обещала приложить все силы для скорейшего восстановления разгромленного немцеко-фашистскими извергами народного хозяйства.

Ныне на рузе победившей Красной Армии эстонский народ получает свою столицу. Она пострадала от гитлеровских захватчиков. Но не одиноко теперь эстонский народ. В дружбе советских народов он найдёт помощь и силы для восстановления своего Таллина.

Красная Армия идёт дальше. Визок час освобождения третьей столицы советской Прибалтики — Риги. Визок день полного освобождения советской земли от немцеко-фашистских захватчиков.

Статья в газете «Правда» от 23 сентября 1944 г. № 229 об освобождении г. Таллина

Учитывая это, Отдел контрразведки флота заблаговременно комплектовал оперативные группы в Таллин, Палдиски, Пярну, Ригу, другие города и населенные пункты побережья Балтики, подбирали и готовил розыскников, организовывал

тщательное изучение всей розыскной документации. Словом, все делалось для того, чтобы быстро и эффективно развернуть работу на освобожденной от противника территории.

Утром 23 сентября оперативная группа контрразведчиков флота приступила в Таллине к выполнению своих задач. Кстати говоря, разместились она в довоенном здании Особого отдела КБФ.

Первые же дни и недели работы контрразведчиков КБФ в Эстонии полностью подтвердили предположения о сложности обстановки на освобожденной нами территории Прибалтики.

Мы столкнулись с большой, разветвленной сетью оставленных абвером на оседание резидентур из числа агентов, подготовленных в упомянутых выше разведывательных школах и разведцентре под Кёнигсбергом. Немцы создали их в Таллине, Палдиски, Пярну, Раквере, Хагери, Выру, Тарту, Вильянди и ряде других городов. Помимо этого, немецкая разведка и контрразведка использовали для ведения подрывной деятельности против Советской власти и Советских Вооруженных Сил всю контрразведывательную агентуру карательных и полицейских органов.

Одной из директив начальника немецкой полиции безопасности в Эстонии Цилфельда предписывалось создать резидентуры разведчиков и диверсантов в каждом уезде. Значительная часть буржуазно-националистических элементов населения Прибалтики, а также лица, скомпрометировавшие себя в период немецкой оккупации, ушли в подполье, в леса и составили существенный резерв комплектования банд, орудовавших на территории республик.

Правда, на антисоветское подполье в Прибалтике деморализующе действовали победы Красной Армии и отступление немцев. Однако оно продолжало отчаянную борьбу с органами Советской власти всеми доступными ему средствами. Первое время лишь отдельные лица добровольно складывали оружие, являясь с повинной.

В такой обстановке развертывалась работа Таллинской оперативной группы Отдела контрразведки КБФ, а затем и еще десятка оперативных групп флотских контрразведчиков, действовавших, главным образом, в городах базирования кораблей, частей и авиации КБФ.

Командующий флотом адмирал Трибуц Владимир Филиппович, член Военного совета вице-адмирал Смирнов Николай Константинович и другие военачальники очень внимательно относились к сообщениям контрразведки, оперативно принимали меры к повышению бдительности на флоте, помогали силами и средствами в проведении оперативно-боевых операций.

Общими усилиями военной контрразведки Ленинградского фронта и Балтийского флота, территориальных органов госбезопасности в конце 1944 года был нанесен разгромный удар по немецкой агентуре.

Одно из типичных для того времени — дело Каспера Ханса и его сообщников. В резидентуре, возглавляемой Каспером, действовало большое количество хорошо подготовленных, обученных и вооруженных агентов.

После проведения некоторых оперативных мероприятий одному из наших офицеров-контрразведчиков, Вахту Юлиусу Егоровичу, владеющему эстонским языком, удалось задержать и доставить в Отдел контрразведки КБФ молодого человека в штатском, назвавшегося Каспером Хансом Карловичем.

Кто же он такой? Эстонец, 1920 года рождения, юрист по образованию. В январе 1944 года Ханс Каспер согласился работать в немецкой разведке против СССР. Обучался в Рижской школе разведчиков-радиостов, проходил дополнительную подготовку в разведцентре «Норд-Поль» под Кёнигсбергом. По окончании подготовки

*Начальник 1-го отделения ОКР «Смерш»
Балтийского флота капитан 2-го ранга
Мозгов Николай Кириллович. Фото 1938 г.*

получил радиостанцию, 2 автомата ППШ с патронами, 25 гранат, револьвер, советское военное обмундирование со знаками различия лейтенанта, орден Красной Звезды, фиктивные документы и деньги.

В мае 1944 года Каспер прибыл в Таллин, где получил задание — после отступления немецких войск остаться в Таллине, собирать данные о Красной Армии и Военно-Морском Флоте и передавать их по радио.

В помощь Касперу придавалась группа завербованных немцами агентов в количестве 14 человек (Хольм О.А., Таймере Э.К., Орав Ф.М. и другие). Укрывать Ханса Каспера готовилась содержательница конспиративной квартиры в Таллине, агент немецкой разведки Кааре Х.Б. Кстати сказать, в связи с опасениями, что Каспер задержан (на конспиративную квартиру он не явился), Кааре Хильда Беновна все оружие, боеприпасы, снаряжение и рацию закопала у себя в саду.

Каспер периодически поддерживал двустороннюю радиосвязь с немецким разведцентром «Норд-Поль», расположенным близ станции Гросс Раум под Кёнигсбергом. Передавал из Таллина радиogramмы сотрудников немецкой разведки — Леонида Матизена (кличка «Реннер») и других — о создании ими на территории Эстонии разведывательно-

диверсионных групп, получал указания в адрес Матизена от «Норд-Поль». Такие передачи имели двоякую цель: непосредственную и учебную, тренировочную для будущей работы.

За службу в немецкой разведке Каспер получал 350 немецких марок в месяц, питание по нормам военнослужащего, а в июне 1944 года получил от немецкой разведки 50 тысяч рублей единовременного вознаграждения.

Если личное задание Касперу ограничивалось шпионажем, то его группа, помимо сбора разведывательных данных, имела задание совершать диверсии на военных объектах и террористические акты в отношении командного и политического состава Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Во время допроса Каспер Х.К. не только рассказал о себе, но и дал обстоятельные показания о составе своей резидентуры, адресах каждого из агентов, разведчиках, обучавшихся вместе с ним в Рижской школе и разведывательном лагере под Кёнигсбергом.

Его показания помогли контрразведчикам Балтики активно и целеустремленно развернуть работу по выявлению и розыску агентуры противника в базах и пунктах базирования кораблей, авиации и частей флота.

В результате оперативных мероприятий были вскрыты и ликвидированы резидентуры в городах Раквере, Курессааре (остров Сааремаа), Палдиски, Пярну и на острове Хийумаа. И это не считая таллинской резидентуры, замыкавшей непосредственно на Ханса Каспера.

Все перечисленные резидентуры организационно строились по тому же принципу, что и резидентура Каспера, а именно: резидент-радиист-разведчик, группа агентов, помощников, содержатель или содержательница конспиративной квартиры. Задания мало чем отличались, носили на себе печать шаблона и неконкретности, что являлось, по всей видимости, результатом спешки в связи с отступлением под ударами Советской Армии.

Все резиденты обязывались поддерживать радиосвязь с немецким разведцентром «Норд-Поль». Только в крайних, исключительных обстоятельствах они обращались к Хансу Касперу как старшему из резидентов. Так же как и Каспер, разведчики-радиисты, они же резиденты, обеспечивались портативными радиостанциями, оружием, фиктивными документами, деньгами и обмундированием советских военнослужащих. Имели пропуски для беспрепятственного передвижения по территории Эстонии, получали от немецко-фашистской разведки жалованье и паек по нормам военнослужащих. Каждый из них летом 1944 года получил советские деньги в сумме от 35 до 50 тысяч рублей.

Разведчики-радиисты Каспер Х. К., Нурк К. П., Солонг Г. Л., Пайю А. В., Кольдре П. Л. и Мугу А. Э. составляли основное ядро организации. Все прошли тщательную подготовку в Рижской разведшколе и при разведцентре «Норд-Поль», привлекались к шпионской деятельности одними и теми же вербовщиками абвера, получали одинаковое содержание.

Надо отметить, что руководящие сотрудники абвера еще задолго до отступления фашистских войск из Прибалтики допускали такую возможность и буквально с начала 1944 года, а по всей вероятности и раньше, готовили свою агентуру для оседания в Эстонии и Латвии.

Всего по делу Ханса Каспера и его соучастников контрразведчики КБФ арестовали 25 агентов немецкой разведки, 24 объявили в розыск; изъяли большое количество оружия, фиктивных документов и обмундирования.

Над разоблачением агентов немецкой разведки, возглавляемых непосредственно Хансом Каспером, и других лиц, так или иначе связанных с ним, работало большое число оперативных сотрудников Отдела контрразведки «Смерш» КБФ. К отдельным мероприятиям привлекались матросы из приданной отделу роты особого назначения. Многие контрразведчики и матросы проявили мужество, выдержку, беспредельную преданность делу. В ряде случаев при задержании преступников, изъятии оружия и боеприпасов им приходилось рисковать жизнью.

Большая часть работы по делу Каспера и его резидентуры выпала на долю начальника отделения Мозгова Николая Кирилловича, всегда отличавшегося исключительной работоспособностью, простотой в отношениях с людьми и умением быстро ориентироваться в любой обстановке.

*Генерал-майор береговой службы
Виноградов Валентин Васильевич. 1944 г.*

Наградной лист

№ **234**

На **Начальника оперативной группы Отдела контрразведки "Сигма"**
(Секретная, исключительной важности часть, операция, управление или задание)
Краснознаменного Балтийского флота
Капитана И. А. Т. Вахта Егоровича
(полное наименование)

Орден "Красного Знамени"
(исключительный порядок)

1. Год рождения **1903**

2. Национальность **эстонец**

3. Специальность **инженер-саулер**

4. Периодность **член ВВЦ/О/ с июля 1930 года**

5. С какой армией в РККА или РСФСР **с 1920 по 1921 г. и ВВЦ с 1921 года***

6. Участие в гражданской войне **Участником и подполковником Кронштадтского отряда**

7. Участие в контурах **не имеет**

8. Представлялся ли ранее к награде, если и за что **Представлялся в 1941 году за участие в борьбе с немецкими оккупантами**

9. Какие награды удостоился в награды и за что **Орден Отечественной войны 2-й степени и медаль "За оборону Ленинграда"**

10. Служба в боях и других буржуазных армиях и пребывание в плену **не служил, в плену не был**

11. Постоянный адрес _____

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг
(исключительный и особый порядок награждения, исключительный или особый)

Тов. Вахт, руководя оперативной группой Отдела контрразведки "Сигма" штаб в городе Таллине, проявил героизм и участие в борьбе с вражеской агентурой, оставленной немцами и освобожденной советской Остией, на корабле промкату и в рамках оперативной группы, возглавляемой тов. Вахт, вверенной И. Красовича и участившей в освобождении Таллине, оставленной немцами для подорыва авиационной, в советские разведывательные операции и действия для осуществления изъятия документов, захвачено 4 немецких агентов-диверсантов, освобождена немецкая разведка в штаб Красовича, освобождена в Красовича - освобожденная советской разведкой группа немецких инженеров и гор. техники и три человека причастных к немецкой разведке. Кроме этого, руководя тов. Вахт оперативной группой оперативно освобождена человек и включены в состав "Сигма", участившие в освобождении отряда на уничтожении коммунистов в оккупированных городах, один из освобожденных - участника вооруженного областного отряда на штабном подполковником в 1941 году, а также участие в работе советской разведки.

№ 234

В проведенных операциях по борьбе с агентурой про-
тивником тов. Вахт проявил инициативу и выдержку и
исполнил задание областного контрразведки.

Тов. И. А. Т. достоин награждения орденом
"Красного Знамени".

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КОНТРРАЗВЕДКИ "СИГМА"
КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА - КРАСОВИЧ
Береговой службы

= 25 - октября 1941 года

Каждый (подпись) _____

Высший комиссар _____

1941 г.

Наградной лист на капитана Вахта Юлиуса Егоровича.
(Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации)

Помогали ему Амплеев Вадим Павлович, начальник следственной части Краснов Михаил Иванович. Много энергии и смелости проявил Вахт Юлиус Егорович, оказавшийся с его знанием эстонского языка незаменимым участником ряда оперативных мероприятий.

Все товарищи, активно работавшие по делу Каспера Х.К. и его резидентуры, удостоены правительственных наград. Товарищ Вахт Ю.Е. награжден орденом Красного Знамени.

ФРАНЦУЗСКИЕ ТЕТРАДИ ЛЕЙТЕНАНТА РЯБОВА

Боевой путь военного контрразведчика, уроженца Оренбургской губернии Рябова Ивана Васильевича является примером храбрости и самоотверженности.

Закончив в 1936 году Ленинградскую артиллерийскую школу РККА, он проходил службу в войсках Киевского Особого военного округа.

В августе 1939 года был отобран для работы в органах военной контрразведки и направлен для прохождения службы в Особый отдел НКВД 109-й стрелковой дивизии в Забайкалье.

Вместе с дивизией Рябов И. В. в мае 1941 года был переброшен на запад и уже 26 июня 1941 года принял участие в бою с фашистами под г. Бердичевом. Затем были бои за города Острог, Кривино, Слаута, Шепетовка, тяжелые дни и ночи отступления под натиском превосходящих сил противника.

В сентябре 1941 года вместе с немногочисленными остатками своего полка Иван Васильевич оказался в фашистском окружении. Будучи раненым, он успел уничтожить оперативные документы. Немцам назвался старшим лейтенантом артиллерии Колесником Александром Васильевичем. Затем — долгие месяцы плена и принудительных работ.

Военный контрразведчик Рябов И. В. не смирился с участью узника фашистского концлагеря. Трижды пытался бежать из лагерей для военнопленных на территории Украинской ССР, Австрии, Франции. В ноябре 1943 года бежал из лагеря «Острый Кур» в г. Либеркур на севере Франции.

В городке Боваль ему удалось связаться с командованием отрядов французского Сопротивления. Вскоре советский офицер уже возглавлял интернациональный партизанский отряд, который вел подрывную работу против немецких оккупантов и вишистов в городах Дулланс, Фреван и Сен-Поль. Совершались диверсионные акции по выводу из строя промышленного оборудования, автомобильных и железнодорожных мостов, подрыву немецких воинских эшелонов, было проведено несколько операций по уничтожению крупных отрядов противника и освобождению узников концлагерей.

Боевые успехи отряда Рябова И. В., его личная смелость и командирский талант были настолько очевидны, что менее чем через полгода со дня, как он и его товарищи вступили в борьбу с фашизмом, руководством французского Сопротивления Рябов И. В. был награжден французским военным орденом — Военным крестом с серебряной звездой.

Партизанская деятельность военного контрразведчика на Французской земле продолжалась до освобождения Франции союзниками в сентябре 1944 года. С этого времени и до возвращения на Родину в октябре 1945 года Иван Васильевич работал в советском представительстве по репатриации советских граждан в Западной Европе начальником сборного пункта во французском городе Ардуаз. Он помог многим нашим соотечественникам, оказавшимся на чужбине, вернуться домой.

В декабре 1946 года Рябов И. В. уволился с военной службы и вернулся на свою малую родину — в село Архиповка Сакмарского района Оренбургской области. До выхода на пенсию он работал школьным учителем. Умер в 1984 году, похоронен на сельском кладбище.

О боевом пути Рябова И. В. во французском Сопротивлении писателем Николаем Прониным в 1984 году, на основе дневников героя, написана повесть «Французские тетради лейтенанта Рябова».

«10 февраля. Нам стало известно, что в нашем районе появился подозрительный тип. Его зовут Карье. По-видимому, это шпик⁹ и разыскивает партизан. Обосновался Карье в кафе мадам Креман, это на развилке дорог у Розели». (Из дневника.)

Решили, что Карье займутся Петриченко и Николай. Через некоторое время разведчикам удалось собрать о Карье некоторые данные: до войны он служил в почтово-телеграфном ведомстве. По делам службы иногда приезжал в Розель, заходил в кафе мадам Креман — жизнерадостной женщины, быстрой в работе, острой на язык.

В первые дни оккупации Карье где-то запропастился, на хуторе не показывался, а когда появился вновь, сразу можно было понять, что он стал шишкой, ведающим продовольственными заготовками: держался с большим достоинством, на боку носил офицерскую сумку.

⁹ Шпик — тайный агент полиции, сотрудник службы наружного наблюдения.

*Фотография командно-преподавательского состава и выпускников
2-й Ленинградской артиллерийской школы РККА. 1936 г.
Лейтенант Рябов И. В. — четвертый ряд снизу, восьмой слева*

То, что старый посетитель вновь вернулся в кафе, никого не удивило. Крестьяне любили мадам Креман и охотно посещали ее заведение. Даже в голодный 1944 год здесь всегда можно было выпить чашечку кофе, а приветливые слова и щедро расчотаемые улыбки хозяйки заставляли забывать, что кофе сварен из желудей. Поэтому на первых порах визиты Карье никого не удивили. Подвело его не в меру проявляемое любопытство.

— Мадам Креман, — как-то вкрадчивым голосом заговорил он, — что это за странные посетители иногда заходят к вам? Вот за этот стол люди садятся вроде бы разные, а газеты держат одинаковые?

— Неужели, мсье Карье! — воскликнула она. — Я просто поражена вашей наблюдательностью, а сама, признаться, этого не замечала, все дела, все, знаете, некогда...

По селам и хуторам Карье ездил не один, а с пятью вооруженными солдатами. Они скупали у крестьян за бесценок продукты. Ведь немцы не разрешали возить продукты в город на рынок... Странно было только то, что нередко вслед за отъездом «заготовителей» начинались аресты. Один случай, второй... Особенно забеспокоились партизаны после того, как был схвачен паренек, только что бежавший из лагеря и прибившийся к ним. Правда, в отряд взять его еще не успели, но уже присматривались к нему. Жил он на хуторе Розель. После того как там побывали «заготовители», его схватили.

Советские партизаны. Франция, 1944 г.

Эти аресты встревожили и франтиреров¹⁰.
— Церемониться с ним нечего, — сказал капитан Луи, когда Колесник¹¹ рассказал ему о наблюдениях своих разведчиков.

— Все ясно — это платный шпик!

— Да, но он француз, — замялся Колесник.

Капитан посмотрел на него недоуменно:

— Француз? Ах, вы вон о чем. Дипломатия... Хорошо. Тогда вместе с вами пойдут и мои парни. Карье они возьмут на себя. Согласны?

— И еще вопрос, — продолжал Колесник, — в случае, если мы отнимем у «заготовителей» продукты и скот, куда все это девать?

— Ну, эту проблему решить нетрудно, — улыбнулся Капитан, — отдадим семьям расстрелянных патриотов.

Накануне стало известно, что Карье и сопровождающие его солдаты вечером должны возвращаться из-под Дуллана в Амьен — центр департамента. В лесу, на развилке дорог, была устроена засада. Уже в сумерках Николай подал сигнал:

— Едут!

Вначале послышалось цоканье подков о щебеночное шоссе, затем игра на губной гармонике... Вот из-за кустов вынырнула первая фурманка, за ней вторая. Сытые, лощеные битюги, несмотря на груз, шли крупным шагом. Для них этот груз — не груз. Солдаты, развалившись на мешках и свертках, дремали, а тот, что устроился на первой фурманке, играл на губной гармонике. Сам Карье полулежал на последней подводе. За ней шел привязанный скот.

Особое внимание партизаны обратили на солдата, сидевшего впереди. И не только потому, что он ехал первым и играл на губной гармонике, — больно уж комично он выглядел: крохотная головка, большие, словно лопухи, уши. В первый момент «гармонист» показался им рохлей, таким недотепой. Но этот недотепа чуть не наделал беды...

Как только первая подвода поравнялась с тем местом, где партизаны спрятались в кустах, Колесник подал сигнал. Бойцы выскочили из укрытия с такой быстротой и внезапностью, что Карье и его солдаты не успели даже взяться за оружие. Зато тот, что сидел впереди, проявил удивительную прыть.

Он раньше всех заметил партизан, тут же сиганул в кусты и запетлял между ними, словно заяц. Карабин немец прихватить не успел. Поэтому все надежды у него были на ноги, а ног он не жалел. За ним кинулся Жан — неплохой спортсмен. Однако расстояние между ним и беглецом начало быстро увеличиваться. Франтиреры и партизаны намеревались провести операцию тихо, без единого выстрела. К сожалению, Жан вынужден был выхватить из-за пояса пистолет. Только он прицелился — беглец сиганул в кусты и был таков, словно провалился сквозь землю. «Куда же он девался?» — недоумевал француз. В тот момент, когда Жан пробежал

¹⁰ Франтиреры (фр. *Francs-tireurs* — вольные стрелки) — французские партизаны.

¹¹ Александр Колесник — псевдоним, который использовал Рябов И. В.

мимо куста, за который нырнул немец, он чуть не кувыркнулся через кучу барахтающихся тел.

Оказывается, солдат наскочил на секретный пост, выставленный Колесником. Услышав хруст веток, а затем и увидев самого беглеца, партизаны затаились, подпустили его ближе, сбили с ног и скрутили руки. Подводы тут же были отправлены в укромное место под разгрузку. С ними ушел и скот, а Карье и солдат увезли с собой франтиреры.

В этой операции было захвачено пять карабинов и один пистолет. Два карабина оказались в руках франтиреров, но старший группы Телье подошел к Колеснику:

— Возьмите и их, эти карабины по праву принадлежат вашим парням.

— Спасибо, — поблагодарил лейтенант, — но ведь вам тоже не хватает оружия...

— О, я имею неплохой автомат! — возразил Телье. Сунув руку за пазуху, он вытащил 15-зарядный пистолет, подбросил его на ладони и весело рассмеялся.

Оружие, переданное французами, было для русских партизан самым дорогим подарком.

* * *

«18 июля. К взрыву мостов у нас все готово. Но надо обговорить кое-какие детали... Уже в сумерках в лес пришел Попович. Следом — Анри и Морис. А там и Коваленко... Они только что видели разрушения в городе. Разговор невольно зашел о бомбежке.

— Возможно, союзники намерены высадиться еще и в Пикардии? — высказал предположение Коваленко. — Ведь это ближе всего к Англии.

— Вряд ли, — возразил Анри, — просто политика Черчилля, как известно, “выбомбить Германию”, превратить города в руины. Вот летчики и стараются вовсю.

— Но Фреван-то не Германия, а Франция, — заметил Попович.

— А это все равно, — не сдавался Анри, — значит, не будет лишнего конкурента на мировом рынке. Не случайно те города, которые взяли союзники, стерты с лица земли. Погибли Сен-Лео, Тийи и многие другие...

Неожиданно в землянку вошел запыхавшийся Дмитрий.

— Только что арестована группа Павловского, — выпалил он, — в их числе и Андрей. Мы растерянно переглянулись. С минуту в землянке стояла напряженная тишина.

— Кем? — наконец спросил я.

— Французской полицией.

В группе Павловского было четверо бойцов. Жили они в подвале одного из разрушенных зданий города. Ночью Павловский и его товарищи побывали на задании. Вернулись под утро. Вскоре к ним пришел Андрей. Лишь только партизаны улеглись спать, нагрянула полиция. Выходит, их уже ждали. По соседству прятались еще партизаны. Они вовремя ушли. А вот Павловского и его товарищey схватили. Вновь видели какого-то типа, который крутился близ развалин.

<...>

Вслушиваясь в наш разговор, Анри недовольно крутил головой.

— Дело серьезное, — заговорил он. — В этой группе у вас в основном молодежь. Попадут в гестапо, начнутся пытки — не выдержат. Опасность нам всем грозит большая. У нас единственный выход — напасть на полицейское управление. Заодно освободим участников Сопrotивления. Кстати, их там томится немало. В управлении у нас есть свой человек. Он поможет. Возможно, ему удастся установить фамилию типа, который выслеживает партизан.

И, вопросительно посмотрев на меня, спросил:

— Ну как?

Нападение на полицейское управление в данный момент несвоевременно. Оно, разумеется, насторожит немцев. После этого нам труднее будет подступиться к мостам. Но и допустить передачу партизан в руки гестапо тоже нельзя. Анри прав. Последствия могут быть весьма серьезные. И я ответил:

— Согласен!

— Тогда готовьтесь! — сказал Анри. — Операцию будем проводить в одну из ближайших ночей!» (Из дневника.)

Весь вечер дождь то переставал, то принимался накрапывать вновь. По небу неслись рваные серые облака. Из-за них нет-нет да выглянет луна. И тогда от домов, деревьев на тротуары и стены ложились длинные тени. Придерживаясь их, к зданию полицейского управления крались партизаны...

Вот уже передние достигли подъезда. И тут же по углам здания выросли фигуры автоматчиков. К крыльцу подкатил грузовик. Операция началась. Первым в помещение ворвались Николай и Морис. Оба в масках. У входа их поджидал Робер, тот самый полицейский, о котором рассказывал Анри. Пропустив партизан в помещение, он молча показал глазами наверх, где на втором этаже в одной из комнат сражались в шахматы офицер и сержант. Морис кинулся по лестнице первым.

— Руки вверх!

Офицер рванулся было к кобуре, но Николай в упор выстрелил в него. Тем временем сержант-полицейский разбил висевшую под потолком лампочку и, воспользовавшись темнотой, выпрыгнул в окно со второго этажа. Внизу его, видимо, заметили. Резанула короткая автоматная очередь. И вновь все стихло. Но стрельбу

Советские партизаны. Франция, 1944 г.

в городе услышат, надо спешить. Робер извлек из шкафчика висевшие там ключи и кинулся по коридору. Звякнул запор камеры, распахнулась дверь. На пороге встали двое: полицейский и человек в маске с пистолетом в руках.

— Вы свободны, — сказал человек в маске, обращаясь к арестованным. — У подъезда вас ждет грузовик. Желающие могут воспользоваться им.

Но все, кто находился в камере, как замороженные смотрели на говорившего. Они были так ошарашены появлением этих двоих людей, что не могли понять, что происходит. Тогда тот, что был в маске, прикрикнул:

— Вы что, оглохли? Мы партизаны. На сборы две минуты!

И вот тут камера стала похожей на сумасшедший дом. Все принялись кричать, обниматься, целоваться. В этот момент туда вбежал Николай, склонился над человеком, постанывающим в углу, узнал в нем Андрея. Андрей побывал на допросе в числе первых, был сильно избит. Когда Николай вывел его в коридор, то мимо них уже бежали люди из соседних камер. У крыльца тихо урчал грузовик. В темноте кто-то считал тех, кто залезал в кузов.

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Возбужденный голос торопил:

— Быстрее, быстрее!

Заработал мотор, и грузовик тут же растворился в темноте. Вслед за ним бесплотными невидимками растаяли в ночи и фигуры партизан.

Позже от Робера стало известно, что имя осведомителя — Ян. Удалось установить его адрес. Ночью к домику Яна подкатила автомашина. В дверь постучали.

— Кто? — спросил голос за дверью.

— Из полиции. Срочное дело!

Ничего не подозревая, предатель распахнул дверь... На рассвете по приговору партизанского суда он был расстрелян.

* * *

«1 августа. Анри прав. Ждать помощи нам неоткуда. Операцию придется проводить оружием, которое у нас есть. Жаль, что у нас его мало, а тем более — боеприпасов». (Из дневника.)

Едва над городом спустились сумерки, как по одному, по два от одного разрушенного здания к другому в районе мостов начали перебегать смутно различимые в темноте фигуры людей. Над рекой плыл густой туман, и мост, к которому пробирались они, проступал неопределенной громадой.

В том месте, куда ползла передовая группа партизан, прохаживался часовой. Из-за темноты и тумана его не было видно, но партизаны знали, что он действует как автомат: десять шагов от моста в сторону караульного помещения, десять назад. Шаги — поворот, шаги — поворот... Вероятно, вот также прохаживается часовой и возле того моста, к которому сейчас крадутся франтиреры. Взрывы мостов у русских и французских партизан должны произойти одновременно. Но в тот момент, когда Николай и Дмитрий по заранее разминированной полоске земли ползли к часовому, а Павловский и Бойко с ножницами к ограждению из колючей проволоки, из темноты вдруг вынырнул запыхавшийся Андрей.

— Товарищ командир, большинство охранников моста собрались в бистро, пьют вино и горланят песни.

— Говоришь, в бистро? — переспросил Колесник и тут же решил: надо ворваться в караульное помещение, захватить оружие. На выполнение этого задания он послал группу бойцов во главе с Коваленко.

Пока все идет как надо. Только доложили, что снят часовой, сделаны проходы в проволочном ограждении и к окопам уползли подрывники с минами. Вероятнее всего, после взрывов помощь охране придет из города. На улице, которая проходит к мосту, на всякий случай залегла в засаде группа автоматчиков.

Теперь все зависит от того, как быстро справятся со своим делом подрывники — как установят мины. Лица партизан напряжены, потянулись томительные минуты ожидания...

Вдруг на противоположном берегу реки послышалась стрельба. Что-то стряслось у франтиреров. Из-за тумана звуки стрельбы доносились глухо, как-то округло. Однако стрельбу сразу же услышали охранники моста, возле которого залегли русские партизаны. И хотя немцы уже успели основательно хлебнуть спиртного, все же кинулись из кафе за оружием в караулку. Но было уже поздно. Их оружием завладели партизаны. Им осталось только поднять руки под дулами нацеленных на них автоматов.

Между тем стрельба на противоположном берегу с каждой минутой становилась все ожесточеннее. Ее непременно услышат в городе. Теперь жди подмоги.

Колесник лежал на берегу, неподалеку от моста, нетерпеливо посматривал на светящийся циферблат часов и ждал сигнала от подрывников, но его почему-то не было. Прошла одна, вторая минута — вечность. По расписанию к станции вот-вот должен подойти поезд. Если дело затянется, то этот поезд им здорово помешает.

Тем временем перестрелка у франтиреров начала ослабевать. Там что-то произошло. Франтиреры подавили сопротивление немцев или, наоборот, охрана отбросила их прочь от моста?

Вдруг за спиной у партизан послышалась вначале глухая, а потом и вполне четкая трескотня мотоциклов. И почти тут же застрочили автоматы боевого охранения партизан. Часть бойцов от моста кинулась в сторону выстрелов, на помощь товарищам. И вновь неясно: подкрепление это или разведка.

К счастью, стрельба в тылу партизан продолжалась недолго. Темноту ночи прошло несколько автоматных очередей, и все стихло. Двух мотоциклистов партизаны уложили сразу, а третий успел свернуть за угол и ушел. Значит, это была разведка. Теперь наверняка жди подкрепления.

Колесник по-прежнему весь в нервном напряжении, ждал сигнала. С того момента, как уползли подрывники к мосту, прошло немало времени, но они что-то молчат. И его уже начала охватывать тревога. Если до прихода немцев они успеют взорвать мост — задание будет выполнено, нет — долго они здесь не продержатся...

Но вот темноту ночи резанула красная ракета. Это значило, что установлены заряды и подрывники начали отходить...

— Все в порядке, товарищ лейтенант! — радостно шепчет лежащий рядом с Колесником Андрей.

«Ох, не спеши, коза, в лес, — усмехается про себя Александр. — За какие-то считанные минуты картина может резко измениться».

Очень уж не нравился ему визит мотоциклистов и тишина у второго моста. В этот момент где-то далеко в городе послышался пока неопределенный, глуховатый звук, который начал быстро расти, становился все громче и громче... Похоже, что на помощь охране мостов идет подкрепление...

Этот гул услышал и Андрей. И тут же заерзал на земле. Наверное, он уже понял, как был опрометчив. Они продолжали напряженно вслушиваться.

Чего там тянут подрывники? Прошла еще минута, другая. Гул моторов становился все ближе. Но вот ахнул огромный взрыв. Наконец-то! Огненный смерч, лизнув-

ший мост, на миг осветил вздыбленные пролеты, фонтаны воды, и вновь все погрузилось во мрак ночи... Теперь все, теперь можно уходить...

* * *

«22 августа. Наконец-то союзники стоят на подступах к Пикардии. По ее дорогам хлынули разбитые немецкие части. Колонны беженцев, мародеров. Дел у нас заметно прибавилось. Прошлой ночью партизаны задержали экипаж танка, у которого кончилось горючее, командир танка, молоденький лейтенант, насмерть перепуганный тем, что оказался в наших руках, как попугай твердил одну и ту же фразу: "Гитлер капут! Гитлер капут!"

А вечером Коваленко со своими товарищами разоружил в лесу группу мародеров. У них отобрано много золотых вещей. Николай ушел в штаб франтиреров узнать, как поступить с пленными. Назад вернулся вдвоем с Эмилем. По их физиономиям нетрудно было понять: произошло что-то очень важное.

— Вы слышали, что творится в Париже? — спросил Эмиль. И, окинув нас веселым взглядом, сказал, что началось всеобщее вооруженное восстание. Ожесточенные бои идут вторые сутки.

— Ура! — радостно кричали партизаны. — Теперь завертится, закрутится. Только держись!

— Еще бы!

— Вторая новость, — продолжал Эмиль, — вернулся отряд Анри. Франтиреры передают вам всем приветы!

Но мне казалось, что и на этот раз разведчик выложил не все. И в самом деле, как только мы остались вдвоем, он попросил карту-двухкилометровку. Аккуратно разгладил ее на колене, ткнул пальцем в район Сен-Рикье, сказал:

— Отсюда только что прибыл наш человек. Он говорит, что по этой дороге ожидается отход фашистского гарнизона. Было бы непозволительным упускать его. Анри считает, что если нашим объединенным отрядам залечь вот на этом участке, — при этом Эмиль вновь ткнул пальцем в карту, — то мы сможем организовать немцам отличную встречу.

Я взглянул в то место карты, куда указывал разведчик. Дорога шла между холмами, поросшими лесом, скорее всего по ущелью. Устроив засаду, тут можно действовать наверняка,

— Ну что же, — согласился я, — предложение стоящее...» (Из дневника.)

Вечер застал русских и французских партизан в лесу, у обрыва неглубокого ущелья. Вокруг шумели вековые сосны. Небольшая речка бежала где-то по дну ложбины. У самого берега они отрыли окопы, замаскировали их и принялись ждать появления противника. Со стороны Ла-Манша тянуло сыростью и прохладой.

<...>

— Стой! Кто идет? — послышался голос из орешника.

— Пароль — Франция!

В обоих отрядах насчитывалось около восьмидесяти человек. В их распоряжении два пулемета и миномет, почти у каждого автомат или карабин. Но дело не только в количестве оружия. Многие из тех, кто находился здесь, принимал участие не в одной горячей схватке с врагом, прошел суровые испытания. Вон почти у края обрыва за сосной рядом с Николаем лежит Мишле. Он в отряде Анри с первых дней его организации. Был в кадровой армии, попал в плен, бежал, пришел к франтирерам. Под Кале в деревне у него осталась семья: жена, двое детей. Об их судьбе ему ничего не известно. Как они там?

Перед Мишле на сошках стоит ручной пулемет. Француз аккуратно разложил перед собой диски, посмотрел на Колесника и, улыбнувшись, спросил:

— Ну как, лейтенант?

— По-моему, все в порядке, — ответил тот серьезно.

Глаз у Мишле острый, стрелок он опытный. В армии тоже был пулеметчиком. Правда, в 1940-м, когда они отходили от границы, ему так и не пришлось ни разу выстрелить. Зато в отряде ни одна операция без его участия не обходится. Меткие очереди Мишле не раз выручали товарищей в трудную минуту. Можно не сомневаться, что, когда появятся немцы, он не промахнется и на этот раз. Француз осматрелся вокруг, возбужденно сказал:

— Ох и дадим же мы сегодня прикурить бошам¹²... Только вот что-то они не показываются!

Незаметно наступила ночь, а немцев все нет и нет. Может быть, они изменили маршрут или перенесли сроки отступления? Стало прохладней. Партизаны поживались, многих одолевал сон. Лишь на зорьке дозорные принесли весть:

— Идут!

Колесник подался к краю обрыва, навел бинокль на извивающееся внизу шоссе. Вначале он различил лишь небольшой отрезок пути, который смутно проступал перед ним внизу, все остальное закрывал туман. Но вот подул ветерок, и туман начал редеть, таять. Вскоре извивающуюся змеей дорогу можно было проследить вполне четко и на довольно большом расстоянии. Вон в конце ее из-за поворота выполз «Бюссинг» — тяжелый трехосный грузовик. За ним второй, третий... Издали похожие на больших серых жуков, машины увеличивались в размерах на глазах.

— Четвертый, пятый... — считал Николай. А из-за поворота выползали все новые и новые грузовики. Когда Николай насчитал десять «Бюссингов», первый, крытый брезентом, уже поравнялся с правым флангом партизан.

Видно, как в кабине, откинувшись на спинку, дремлет офицер. Под козырьком тонкий, с горбинкой нос, прикрытые веки. За ним идут еще три машины, полные солдат. Они сидят спиной к кабине и смотрят в убегающую даль. На четвертой установлен на турели спаренный пулемет. В кузове всего четыре немца. И вновь машина, на этот раз крытая брезентом.

Партизаны молча смотрят вниз. Заметно, что они волнуются. Еще бы, столько гитлеровцев! Только и партизан немало. Из-за каждого валуна или сосны торчит автомат или карабин. И потом, франтиреры и партизаны находятся наверху, а немцы в лощине, зажатой с обеих сторон горами.

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, — продолжает считать Николай грузовики. Партизаны то и дело поглядывают в сторону своих командиров: немцы совсем близко, вот бы сейчас по ним как раз ударить. Но командиры молчат: не подошло время, пусть побольше бошей втянется в лощину.

— Без приказа не стрелять, — предупреждает Колесник.

Когда показался семнадцатый грузовик, там, откуда они катили, ахнул взрыв. Это взлетел на воздух арочный мост с выгнутой, как у кошки, спиной, отрезавший путь к отступлению противника. Окрестности тут же наполнились треском пулеметных и автоматных очередей, выстрелами из винтовок.

Передний «Бюссинг» сделал замысловатый зигзаг и свалился в кювет. Второй, охваченный огнем, встал посередине дороги, третий — рядом. На дороге образовалась пробка. Задние машины тоже остановились. Ошеломленные неожиданным

¹² Бош, боши — французское национальное прозвище немцев.

шквальным огнем, с машин как горох посыпались на землю немцы. Но, сраженные меткими выстрелами, тут же падали. Фашистский пулеметчик, оставшийся в живых, потянулся к гашетке, пытаясь открыть огонь по партизанам, но Мишле опередил его. Он ударил из пулемета, и немец, словно подкошенный, свалился в кузов. Однако многим фашистам удалось укрыться за грузовиками и в кюветах. Оправившись от первого удара, они торопливо и зло застрочили из автоматов. В нескольких местах одновременно загорелись дымовые шашки.

У гитлеровцев была одна надежда — прорваться вперед. Это они рассчитывали сделать с ходу. Стали собираться в группы. Пользуясь дымовым прикрытием, группы перебегали от одного валуна к другому и все сильнее наседали на партизан. Разгадав замысел противника, заработал партизанский миномет. В лощину полетели мины. Снизу послышались крики и стоны.

— Что, не нравится?! — кричал Николай, строча из автомата.

К сожалению, мин было совсем немного. И вскоре обстрел из миномета прекратился. Предвидя это еще в тот момент, когда в лощине показались первые немецкие грузовики, с левого фланга вниз спустилась группа партизан. В те места, куда не долетали мины, полетели гранаты.

Мишле то и дело менял диски. Его пулемет работал безостановочно. Немцы залегли вновь. И вдруг с одного из последних грузовиков неожиданно зататакал, видимо, только что расчехленный пулемет. Прежде всего он ударил по тому месту, где лежал Мишле. Из окопа послышался стон — пулемет замолчал. А немец уже перенес свой огонь чуть ниже, где залегли партизанские автоматчики. Те вынуждены были прижаться к земле. Воспользовавшись этим замешательством, передние группы гитлеровцев ожили, потекли по лощине вперед. Однако это продолжалось недолго. К пулемету француза подполз Николай:

— Мишле, что с тобой?

Тот не отвечал. Лежал, обхватив обеими руками пулемет. Из головы на траву капала кровь.

Уничтоженный участниками Сопrotивления немецкий грузовик Büssing NAG type 900. 1945 г.

Николай снял большие руки Мишле с пулемета, навел прицел, привычно нажал гашетку и первой же очередью сразил немецкого пулеметчика. После этого он круто развернул пулемет и начал расстреливать гитлеровцев,двигающихся по лощине. Дым от шашек уже рассеялся, и Николай четко видел мечущиеся внизу фигурки немцев. Его пулемет косил и косил их без устали...

Бой в лощине шел целый день. Лишь в сумерках, когда с черных гор начали падать тени, стрельба в лощине стала ослабевать. Воспользовавшись сумерками, немногие уцелевшие фашисты рассеялись по горам. Когда партизаны спустились вниз и подошли к грузовикам, оказалось, что они забиты награбленным. Чего только тут не было: картины и ковры, одежда и продукты.

— Ты смотри, да здесь целые склады, — удивлялись бойцы, — вот мародеры...

Однако время терять даром нельзя. Забрав оружие и часть продуктов, партизаны начали отходить в лес.

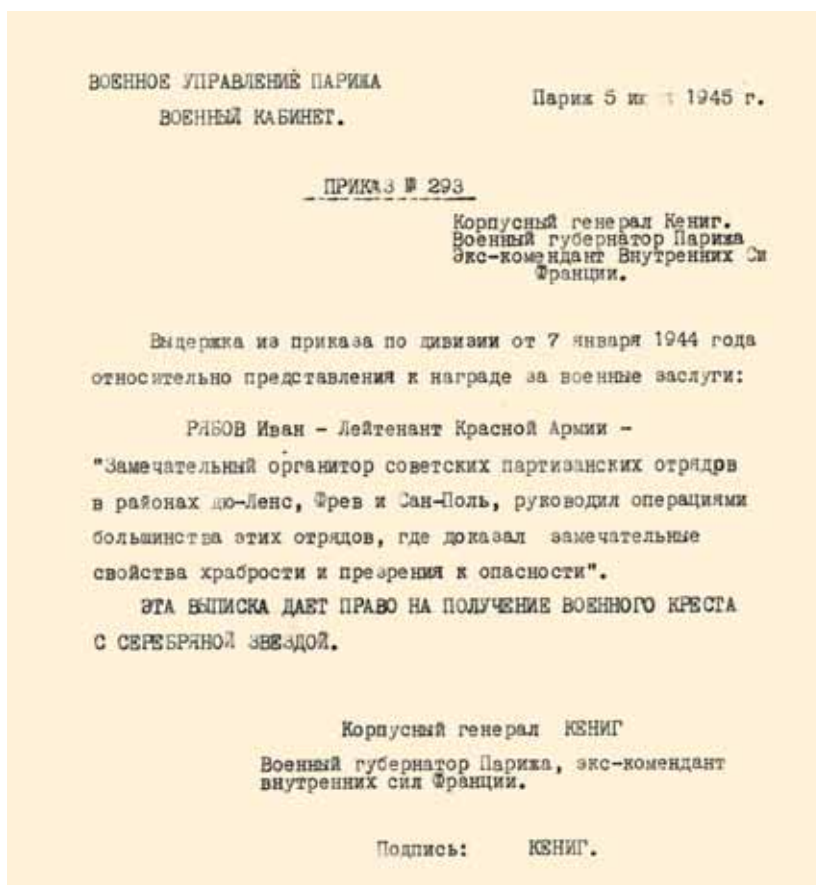
* * *

Победа пришла, а их возвращение на Родину все еще затягивалось. В начале июля Рябову позвонили из Парижа, попросили подготовить документы на отличившихся партизан, а спустя некоторое время вместе с теми, на кого были отосланы наградные листы, вызвали в Париж и его.

В Большом зале Советского посольства собрались сотрудники штаба по репатриации советских граждан из стран Западной Европы, дипломатические работники, русские партизаны, франтиреры, офицеры французской, английской и аме-

Французский орден Военный крест
1939–1945 с серебряной звездой

Выписка из приказа о награждении Рябова И. В.
(перевод с французского)

Рябов Иван Васильевич. 1970-е гг.

риканской армий, многочисленные гости. Вначале была официальная часть, затем началось вручение наград.

Одна за другой назывались знакомые ему фамилии: Петриченко, Бандалетов... И вдруг он услышал свою фамилию. Уже немолодой французский генерал, стоявший слева от стола, за которым сидел президиум, взяв из папки лист бумаги, начал читать:

— Военный секретариат Парижа, 5 июля 1945 года. Приказ № 293 военного губернатора Парижа, бывшего главнокомандующего войсками внутреннего сопротивления, корпусного генерала Кенига. Основание: декрет от 7 января 1944 года о награждении за участие в войне...

Генерал читал размеренно, не спеша, хорошо поставленным голосом. Переводчик, наоборот, почему-то спешил, словно за ним кто-то гнался. Едва генерал успевал произнести фразу, как он торопливо переводил ее и выжидательно смотрел на своего шефа. Создавалось впечатление, что говорит только генерал.

«Объявляется благодарность в приказе по дивизии Ивану Рябову — лейтенанту Красной Армии, — звучал голос генерала, — как прекрасному организатору советских партизанских отрядов в районах Дуллана, Фревана и Сен-Поля, который возглавил операции этих отрядов и проявил при этом смелость и презрение к опасности». «Объявление благодарности, — вторил переводчик, — влечет за собой награждение Военным крестом с серебряной звездой».

Памятник русским участникам движения Сопротивления во Франции. Кладбище Пер-Лашез, Париж

ЖИВЫХ НЕ ХОРОНЯТ

Из воспоминаний майора Пospelова Михаила Андреевича.

Родился в 1917 году в дер. Мосейково Тверской губернии, в семье рабочих.

С начала Великой Отечественной войны добровольно ушел в партизанский отряд. Более 10 раз переходил линию фронта, принимал участие в разработке операций по освобождению более 400 советских военнопленных, разгрому немецкого гарнизона под Старой Руссой, взрыву склада боеприпасов. Был дважды ранен. В 1942 году отозван из-за линии фронта и направлен на работу в военную контрразведку. В октябре 1944 года руководил оперативно-боевой операцией по захвату документов вражеской разведки в Риге. При этом получил тяжелое ранение.

По окончании войны работал в Особом отделе Ленинградского военного округа. Долгое время являлся членом Совета ветеранов военной контрразведки, вел большую работу по патриотическому воспитанию молодого поколения.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В октябре 1944 года мне довелось участвовать в оперативно-боевой операции, по окончании которой моя сестра получила такое письмо:

«Уважаемая Нина Андреевна! С прискорбием сообщаем Вам, что Ваш брат Михаил Пospelов был очень тяжело ранен в городе Риге и в госпитале умер 18.10.1944. Пересылаю Ваши письма. Сообщите, куда выслать его вещи. С приветом П. Т. Иванов».

Что же послужило основанием для отправки этого скорбного известия в Ленинград?

В первых числах октября в расположении войск 2-го Прибалтийского фронта, с боями приближавшихся к Риге, был задержан агент немецкой разведки, назвавший себя Лангасом. На допросе в отделе контрразведки дивизии он вел себя довольно странно. Сначала отрицал свою причастность к фашистскому шпионскому ведомству, выдавая себя за бежавшего из немецкого плена советского солдата латышской национальности. Потом признался, что является резидентом абвера и располагает очень важными сведениями. Чтобы подчеркнуть их особую значи-

мость, Лангас просил предоставить ему возможность встретиться с «самым большим начальником».

Доставленный в Управление контрразведки фронта, шпион назвал ряд агентов абвера, действовавших в советском тылу, и дислокацию фашистского разведоргана в Риге.

Сведения, если они были достоверными, действительно относились к категории заслуживающих особого внимания. Обезвреживание вражеской агентуры — это всегда предотвращение шпионских или диверсионных акций, срыв коварных замыслов врага, это сохранение жизни многих наших людей.

Когда о результатах допроса Лангаса доложили начальнику Управления контрразведки «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенанту Железникову Н. И., он подал мысль о захвате документов немецкого шпионского центра в Риге. Чтобы быть точным, приведу выдержку из книги «Военные контрразведчики», в которой генерал уже после войны писал:

«Ожидать, что немцы не успеют эвакуировать документы этого разведцентра до наступления наших войск, было бы неосмотрительно. Как правило, немецкие спецорганы, чувствуя, что обстановка на фронте складывается не в их пользу, успевали удрать подальше в тыл.

Посоветовавшись, мы решили, что разведорган в Риге надо захватить не в момент нашего наступления, когда уже будет поздно, а непосредственно перед ним. Для этого направить в город боевую оперативную группу, которая неожиданно захватит здание разведоргана, завладеет документами и скроется в Риге до прихода советских войск или попытается прорваться обратно. Операцию поручили провести молодому военному чекисту капитану Михаилу Поспелову»¹³.

Вызов к генералу явился для меня большой неожиданностью. Не скрою, я сильно волновался, тем более что недавно был контужен и еще плохо слышал. Начальнику контрразведки фронта меня представил полковник Воронин, возглавлявший одно из подразделений Управления. Пристально посмотрев на меня, Железников Н. И. приступил к изложению сути предстоящей операции. Затем он проинструктировал меня, как лучше, с его точки зрения, выполнить поставленную задачу. Выслушав генерала, я доложил:

— Задание понял. Разрешите выполнять!

Железников Н. И. вышел из-за стола и, крепко пожав мне руку, пожелал успеха. Обратившись к полковнику Воронину, он тут же приказал:

— Подготовку к выходу на операцию начинайте немедленно! Иначе можем опоздать. Наши войска ведут бои уже на окраинах города.

Получить такое ответственное задание я посчитал за большую честь. Но меня беспокоило, что на подготовку операции времени практически уже не было. Вер-

Генерал-лейтенант
Железников Николай Иванович. 1952 г.

¹³ Военные контрразведчики. М.: Воениздат, 1978. С. 338, 339.

нувшись от генерала, я спросил полковника Воронина, кто пойдет со мной и что представляет собой Лангас.

— В оперативную группу намечено включить сержанта и трех солдат, — ответил полковник. — Это опытные, понюхавшие пороха бойцы, бывшие пограничники. Небольшая по составу группа мобильнее, ее легче переправить через линию фронта и обеспечить скрытность при подходе к разведоргану. Что касается Лангаса, скажу лишь, что он поставил перед собой задачу выжить. Война фашистами проиграна, успехом операции он обеспечит себе помилование. Ему 36 лет, кроме латвийского владеет шведским, немецким, английским и русским языками. Полнее об этом резиденте абвера вам расскажет капитан Бабинский. Он с ним работал.

Полковник замолчал и после небольшой паузы доверительно сказал:

— А ведь я знаю, о чем вы сейчас думаете.

— О чем же?

— Почему не поручили операцию Бабинскому? Он с резидентом занимался, ему, как говорится, и карты в руки.

— В общем-то да, — согласился я.

— Поначалу и мы так думали, — пояснил Воронин. — Скажу больше, он уже готовился к ней. Но чашу весов перевесил ваш партизанский опыт. Вы много раз переходили линию фронта и лучше других знаете, как вести себя в крайне сложных условиях.

Полковник посмотрел на часы и сказал:

— Будем экономить время. Принимайте резидента у Бабинского и готовьтесь к выходу на операцию.

Григория Бабинского я знал хорошо. Мне не раз приходилось бывать с ним на оперативных заданиях. Более того, мы дружили и часто проводили вместе часы досуга. И все же я чувствовал некоторую неловкость, когда пришел к нему с приказом принять резидента.

— Я в курсе дела, — успокоил он меня. — Я прекрасно понимаю, почему генерал принял такое решение. Считаю его правильным.

— Расскажи о Лангасе все, что тебе удалось о нем выяснить.

— С этим резидентом абвера, — начал он, — я работал всего несколько дней. Проверить все его показания просто не было возможности. А то, что выяснилось, выглядит весьма неутешительно. Суди сам. Ни одного из трех агентов, которых он назвал, задержать не удалось. Один из них еще месяц назад погиб при бомбежке. Второй ушел в банду эстонских националистов. Третий сумел удрать за кордон.

Я задумался, а капитан Бабинский, немного помолчав, продолжал:

— И еще один факт меня насторожил. Вчера Лангас попросил у меня разрешения сходить на соседние хутора за молоком. Я позволил. А он вместо этого подался в город Цесис. Его там засекли наши ребята. Когда они стали приближаться к нему, он скрылся в толпе.

— Может, ребята обознались?

— Исключено. Они его сфотографировали.

— А как же с молоком?

— Представь себе, вернулся с молоком.

— Такого без конвоя нельзя было отпустить, — высказал я свое мнение.

— Мы же готовились к сложной операции. Он уже был осведомлен о ней, и надо было продемонстрировать наше доверие ему.

— Так он ведь мог удрать!

— Без риска в нашем деле не обойтись, сам знаешь.

— Все дело в степени риска.

Настроение мое портилось. Это передавалось и Бабинскому.

— Ты об этом докладывал руководству? — спросил я.

— Нет, не успел. Намеревался это сделать сегодня, но, к нашему несчастью, все оказались в разъезде: на фронте очень горячая обстановка. Я же не знал, что выход на операцию будет назначен на сегодня.

При сложившейся ситуации операцию надо было бы отложить. Во всяком случае, до выяснения ряда непроверенных данных. Однако было уже поздно. Наши войска не будут откладывать захват Риги из-за нашей нерасторопности.

В заключение Бабинский посоветовал мне:

— Скажу тебе откровенно: с таким, как Лангас, в разведку не всякий бы пошел. А тебе придется. Поэтому будь с ним настороже. От него всего можно ожидать. Он спортсмен, мастер спорта по лыжам, сам похвастался: участвовал в международных соревнованиях.

— Прошу тебя, познакомь меня с ним побыстрее. В нашем распоряжении всего несколько часов.

С первого взгляда Лангас мне не понравился. Возможно, тут сыграл роль психологический фактор. Шпион, предатель — это уже вызывало неприязнь. Я присмотрелся к нему. Выше среднего роста. Широкий в плечах. Лицо плоское, нос приплюснутый, взгляд открытый. Испытывающе глядел на меня. Несмотря на свою довольно внушительную комплекцию, был легок и быстр в движениях. Я обратил внимание, как он ловко, словно пистолет в минуту опасности, выхватил из внутреннего кармана карту-схему Риги, чтобы показать мне месторасположение немецкого разведоргана. При этом спросил меня по-русски, с едва заметным акцентом:

— Вы бывали в Риге?

Я ответил, что нет. И тут же подумал: «Напрасно признался в этом. Если у шпиона возникли намерения нас обмануть, теперь ему будет легче осуществить свой замысел».

Лангас показал на своей карте дислокацию шпионского органа и маршрут, по которому легче всего подойти к цели. Этот разведорган абвера перебазировался сюда вместе с отступавшими войсками группы немецких армий «Север». И, хотя разместился он здесь недавно, фронтовая контрразведка уже знала место его расположения.

Мне, незнакомому с городом, ничего не оставалось, как согласиться с предложением нашего будущего проводника. Ориентирование по карте-схеме Риги для меня затруднялось еще и тем, что карта была на латышском языке, которого я не знал. Прежде чем прочертить линию предстоящего рейда на своей схеме, я заставил Лангаса несколько раз повторить все улицы, переулки, скверы, по которым придется идти, и запомнил их названия. Расспросил о внешнем виде, количестве этажей, комнат здания, в которых располагались сотрудники вражеского разведоргана.

А время летело быстро. Наступил вечер. Неожиданно я вспомнил, что еще ничего не ел с утра. Спросил у Бабинского, где находится сейчас наша походная кухня. Он махнул рукой куда-то в сторону опушки леса. Пообедать так и не удалось.

Топографическая карта Риги. 1935 г.

Вскоре прибыла оперативная группа в составе четырех бойцов. Старший сержант Любимов доложил по всей форме. Я поинтересовался, как они вооружены, снабжены боеприпасами, продуктами. Затем рассказал им о предстоящей операции, поставил боевую задачу.

Бабинский сообразил, что мне надо создать условия для разговора с прибывшими воинами в отсутствие Лангаса. И он нашел повод, позвав резидента с собой для получения пайка на складе. Мы впятером проводили взглядами мощную сутулую спину шпиона. Я сказал бойцам, что это наш проводник. И счел необходимым добавить:

— Человек не вполне надежный. Имейте в виду: это пойманный немецкий шпион. Чтобы сохранить свою шкуру, он согласился довести нас до своих бывших хозяев. Для своего спасения он может пойти на все. Стало быть, глаз с него не спускать. Но вести себя естественно, как будто вы о нем ничего не знаете. Если обнаружится, что шпион ведет нас в ловушку, стрелять в него по моему сигналу.

Мы распределили места, обязанности каждого, кто за кем пойдет. Договорились, что рядом с мастером спорта Лангасом в цепочке будет следовать тоже спортсмен, в свое время чемпион пограничной заставы по штанге. Ростом он не уступал резиденту. Звали его Степаном.

Вскоре к нам на «Виллисе» подкатил начальник подразделения контрразведки фронта майор Кулинкович. Отдав мне последние распоряжения, он тепло попрощался с нами. Пожелал нам доброго пути и подошедший с Лангасом капитан Бабинский.

Уже сгущались сумерки, когда «Виллис», подпрыгивая на колдобинах и разбрызгивая по сторонам осеннюю грязь, повез нас в сторону пылавшего и громыхавшего фронта, и чем ближе мы подъезжали к передовой, тем тревожнее становилось у меня на душе. Неожиданно вспомнилось, что этот переход линии фронта будет у меня по счету тринадцатым. И надо же случиться такому совпадению — его предстояло осуществить в ночь на 13 октября. Усмехнулся: «О чем думаю? Какая чепуха!» И мысли мои перекинулись на Лангаса, дышавшего мне в затылок с заднего сиденья.

Припоминаю детали: когда Бабинский подошел к «Виллису», я отозвал его в сторону и спросил, все ли время находился Лангас на его глазах. Не отлучался ли он по какому-либо поводу? Бабинский ответил, что ничего подозрительного он не заметил.

Вспомнив о продуктах, я почувствовал, что сильно голоден. Достал из вещмешка бутерброды, приготовленные Бабинским, угостил ими своих спутников и с аппетитом подкрепился.

Около 23 часов мы прибыли на передовую, к месту, указанному Кулинковичем. Здесь нас уже подждал контрразведчик стрелкового полка, которому было поручено помочь переправить нас через линию фронта. Не теряя времени, он повел нашу группу к подобранному заранее месту перехода. У «окна» контрразведчик рассказал нам об особенностях местности, расположении войск противника в данном квадрате, о главных ориентирах. Надо отдать должное фронтовым оперативным работникам: «окно» было выбрано удачно. Огневой рубеж мы пересекли без происшествий и через два часа оказались в тылу вражеских войск.

И тут меня снова охватила тревога. Теперь мы находились в полной зависимости от неизвестного нам человека, вчерашнего, а может быть, еще и сегодняшнего врага.

Лангас, видимо, хорошо знал эту местность. Несмотря на темноту, он сразу взял широкий шаг. Мы еле успевали за ним и вскоре оказались в пригороде правобережной части Риги. Я остановил Лангаса и потребовал умерить шаг. Сделал это вовремя: через минуту послышалась немецкая речь, и осветительная ракета,

взвившаяся в небо, выхватила из мрака вражескую артбатарею. Мы легли на землю. Прислушались. Голоса смолкли. Выждав несколько минут, поднялись и пошли дальше. Время уже давно перевалило за полночь. Я шепотом спросил у Лангаса, где мы находимся. Он довольно громко ответил:

— На кладбище.

Я почувствовал, как участились у меня удары сердца. Невольно возникла мысль: «Что он этим хочет сказать?» И я процедил сквозь зубы:

— Шутить будем после!

— Я не шучу, капитан, — ответил Лангас, — приглядитесь.

Присмотревшись в направлении, указанном проводником, я заметил мрачные очертания крестов: действительно, кладбище. Усмехнулся.

Разложив на первой же могильной плите карту, под светом карманного фонаря, включенного сержантом, мы стали искать на схеме это кладбище.

— Вот оно, — быстро ткнул пальцем Лангас. — А вот и разведорган. До него отсюда километра четыре.

— С учетом ночного времени можно подойти к нему за час, — прикинул сержант.

— Если не напоремся на патруль, — поправил Лангас. — Надо учесть и другие возможные неожиданности.

Я принял решение — дать группе четверть часа на короткий отдых и на то, чтобы перекусить: сил потребуется много.

Отдохнув, мы опять пошагали за Лангасом. Ночная прифронтовая Рига не знала покоя. По булыжным мостовым сновали патрули, в разные стороны проносились штабные машины и грузовики с солдатами, двигались самоходные орудия и танки. Все это мы видели своими глазами при свете часто пролетающих и падавших вблизи нас ракет. И всякий раз, когда ночная мгла вдруг рассеивалась под этими спускавшимися с неба «фонарями», мы прятались в тень домов, деревьев, афишных тумб. После каждого такого маневра с тревогой устремляли свои взоры в сторону нашего проводника: не скрылся ли он?

С востока все явственнее доносился не замолкающий ни на минуту грохот канонады.

Домский собор на фоне разрушенных кварталов. Рига, 1944 г.

По моим расчетам, мы должны были уже приблизиться к цели. Неожиданно впереди показалась колонна немецких солдат, следовавшая нам навстречу. Мы бросились в переулок и замерли. Топот ног приближался. Вот-вот немцы будут совсем рядом. Невольно возникла мысль: какой подходящий момент для Лангаса выдать нас! Я вынул пистолет, снял с предохранителя. Послышались щелчки: бойцы тоже поставили автоматы на боевой взвод. А тем временем колонна гитлеровцев поравнялась с нами. Гулко стучали кованые башмаки по мостовой, ухо улавливало обрывки фраз негромко разговаривавших между собой солдат. От нервного напряжения мурашки бежали по спине. Ладонь, сжимавшая пистолет, стала влажной. А гитлеровцы шли и шли, черной массой проплывая перед нашими глазами. Жутко было смотреть на врага в такой близости. Но вот показался конец колонны, и она вскоре потонула в темноте.

— Не меньше батальона, — подал голос старший сержант Любимов.

— Да, не меньше, — подтвердил я.

Через четверть часа, когда уже забрезжил рассвет, Лангас неожиданно остановился на пустынной улице и коротко бросил:

— Пришли!

Я окинул взором дом, уже принимавший в предрассветной осенней дымке отчетливые очертания, и с недоумением перевел взор на проводника. Перед нами стоял обыкновенный жилой дом, ничем не выделявшийся среди стоявших рядом. Но не это обеспокоило меня. Абверовцы умеют прятать свои тайны, и замаскировать свое логово под ничем не примечательное жилое здание — это было вполне естественно. Настораживало другое. Когда я перед выходом на задание расспрашивал Лангаса о резиденции разведоргана, он рисовал ее внешний вид совсем другим. Ни колонн, ни портика. Ни навесного балкона, которые называл шпион в числе других примет, на этом доме не было.

— Что-то не похоже, — стараясь как можно спокойнее, сказал я, хотя тревога уже нарастала.

Лангас не успел ответить, как послышался скрип двери. Бойцы мгновенно вскинули автоматы. Глядя в сторону, откуда донесся звук, мы увидели вышедшую

Статуя Роланда в историческом центре. Рига, 1944 г.

из полуподвала женщину. Озираясь по сторонам, она подошла к нам и с опаской спросила по-русски: «Вы из НКВД?»

Удивленный вопросом, я воскликнул:

— С чего вы это взяли?!

Женщина объяснила:

— Я здесь живу, совсем недавно проснулась от сильного шума. Подошла к двери, слышу топот на ближайшей лестнице, громкие возгласы, разобрала слова (немецкий-то я понимаю): «Скоро здесь будут русские из НКВД!»

Лангас заговорил с женщиной на латышском языке. Я строго перебил его:

— Что все это значит?

— Здесь жили сотрудники абвера, — стал объяснять он, — а вон там штаб.

Повернув голову в указанную сторону, я увидел метрах в ста особняк и негромко скомандовал:

— За мной, быстро!

Низко пригибаясь к земле, стараясь не шуметь, мы преодолели эту «стометровку» и остановились за углом здания. Здесь находилась цель нашего рейда. Через несколько мгновений оперативная группа вступила в схватку с абверовцами.

О подробностях, как проходила операция, я узнал уже после войны. В газете «Красная Звезда» за 11 октября 1964 года подполковник Беляев А. и майор Новичихин В. в очерке «Конец осинового гнезда» писали: «Бой вспыхнул сразу же на обоих этажах... Против горстки храбрецов гитлеровцы бросили несколько десятков солдат. В окна дома с улицы полетели гранаты. Вскрикнул, схватившись за раненое плечо, Любимов. Опустился на пол, получив тяжелое ранение, Пospelов. Раздалось еще несколько оглушительных взрывов, и в разбитое окно особняка ворвалось громкое «Ура!», на помощь осажденным разведчикам пришла основная оперативная группа. Ценнейшие документы фашистской военной разведки были переданы в руки советского командования».

Первое, что я услышал, когда пришел на несколько минут в себя, был голос Лангаса. Он кому-то громко кричал: «Капитан НКВД!» Сердце обожгла мысль: «Предал еще раз!»

Новый провал сознания бросил меня в небытие. Сколько времени прошло после этого, я не знаю. Но очнулся я от нерусской речи. Открыл глаза и вижу перед собой белые халаты, незнакомые лица. «Где я? В какой больнице?» — мелькнуло в голове. Попытался приподнять правую руку. Рука не действовала. Постепенно выяснил, что лежу под простыней, в бинтах. Попробовал привстать — не удалось. В глазах сразу потемнело, все тело пронзило, словно иглами. Мысли перекинулись на последний бой. С тревогой подумал: «Неужели ребята не продержались? Неужели не удалось захватить документы?»

Человек в халате, по-видимому, заметил, что я очнулся, быстро подошел ко мне, спросил по-русски, с очень сильным акцентом:

— Как вы себя чувствуете?

Я промолчал, а он задал еще один вопрос:

— Вы из НКВД?

Не дождавшись ответа и на этот вопрос, человек пообещал:

— Потерпите немного, мы вас скоро отправим.

А говорить я не только не хотел, но и не мог. Не хотел, потому что решил не давать неизвестным лицам никакой информации, а не мог из-за осколка, застрявшего в шее и сдавившего горло.

Чувство бессилия болью отозвалось в сердце. Единственная мысль завладела мною: «Что предпринять, чтобы не попасть в руки гитлеровцев, оказаться на своей

Орден Красного Знамени

Майор Поспелов Михаил Андреевич. 1975 г.

стороне?» Напряженно думая об этом, я то впадал в беспамятство и от сильного жара погружался в кошмарный сон, то просыпался и снова думал, как вырваться к своим.

Потом меня куда-то повезли, и опять от боли и слабости я не раз терял сознание. Очнулся в палатке медсанбата и услышал русскую речь. Меня спрашивали о фамилии, воинском звании, о части, а сказать я ничего не мог: осколок не давал возможности даже проглотить слюну. Документов при мне никаких не было. Горько подумал: умру и стану «без вести пропавшим». Какая досада! Мелькнула мысль: пока в сознании, попробую написать левой рукой данные о себе. Указательным пальцем изобразил медикам процесс писания. Меня поняли. Дали карандаш, лист бумаги, и я с огромным трудом начертил: «Поспелов М. А., капитан контрразведки 2-го Прибалтийского фронта».

— Он капитан из контрразведки! — воскликнула сестра и, обращаясь к врачу, сказала: — Санинструктор привез его от братской могилы. Там его чуть не похоронили. Говорил, что заметил, как «покойный» шевельнулся.

— А кто же его туда отправил? — спросил врач.

— Его отвезли вместе с умершими ранеными из рижской больницы.

— Только на войне такое может случиться, — заметил доктор.

В медсанбате мне сделали операцию — удалили осколок из горла.

— А с рукой надо повременить, — сказал врач, — организм ослаблен до предела, не выдержит.

Меня повезли в полевой госпиталь. Он оказался переполненным. Я побывал еще в нескольких госпиталях и наконец попал в Ленинград — в нейрохирургический

госпиталь. Какое это было счастье — сознавать, что ты после долгой разлуки снова в родном городе! Совсем недалеко отсюда, на улице Блохина, родные, близкие. Скорей, скорей дать им весточку о себе!

К тому времени я уже мог шевелить языком и членораздельно произносить слова. Попросил нянечку оказать мне услугу: навестить сестру Нину Андреевну и сообщить, что я жив и нахожусь в Ленинграде.

Как бывают непредсказуемы последствия наших эмоций! Когда нянечка принесла родным весть о моем появлении в Ленинграде, сестра от радости упала в обморок, и пришлось ее приводить в чувство с помощью врача. Нина Андреевна уже пережила мою смерть, получив от боевых друзей письмо, с которого я начал свои воспоминания.

До самого конца войны я лечился в госпитале, и хотя находился в родном городе и близкие навещали меня, но беспомощность, неподвижность, сознание ненужности не давали мне покоя. Медсестры и санитарки жалели, утешали, как могли.

Мало-помалу стал я поправляться. Молодой организм все-таки брал свое. Рука, которую даже намеревались из-за угрозы гангрены ампутировать, стала постепенно разрабатываться, раны затягивались.

Через два месяца мне уже разрешили вставать с постели, еще через месяц — короткие прогулки по госпитальному коридору. А спустя полгода я самостоятельно, без помощи отправился на курортно-санаторное лечение.

Позднее я узнал, что Лангас сдержал свое слово, довел нас до немецкого разведоргана.

В результате операции в Риге в руки советской контрразведки попали документы вражеского разведоргана, в том числе картотека агентуры. Эти документы помогли сотрудникам госбезопасности выявить и разоблачить немало шпионов и диверсантов абвера.

В своих воспоминаниях генерал-лейтенант Железников Н.И. рассказывает: «За проведение дерзкой операции по захвату фашистского разведоргана капитан Поспелов и члены его группы были представлены к правительственным наградам. Но самого командира, раненого, отправили в госпиталь, и его награждение в спешке наступления не состоялось.

В 1975 году, в дни празднования победы над фашистской Германией, награда нашла героя. Почетный сотрудник госбезопасности, майор в отставке Михаил Андреевич Поспелов за боевые подвиги в годы войны получил орден Красного Знамени!»

*Майор Поспелов Михаил Андреевич.
Художник Сайбаталов Х. Г. Ленинград, 1983 г.*

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Из воспоминаний полковника Гришечкина Александра Дмитриевича.

Родился в 1924 году в с. Монастырское Ульяновской губернии в крестьянской семье. Вырос в деревне, окончил среднюю школу.

В августе 1942 года призван в Красную Армию, направлен во 2-е Ульяновское Краснознаменное танковое училище имени М.И. Калинина. По его окончании обучался на двухмесячных курсах при Особом отделе Приволжского военного округа. После был направлен в Особый отдел 4-го артиллерийского корпуса ПВО, где принял в контрразведывательное обеспечение 1078-й зенитно-артиллерийский полк.

Участвовал в освобождении Белоруссии, Прибалтики и Польши. После расформирования артиллерийского корпуса ПВО, в сентябре 1946 года, был направ-

лен для прохождения дальнейшей службы в Министерство госбезопасности Литовской ССР, где проработал более 40 лет, пройдя должности от оперуполномоченного до начальника инспекции КГБ Литовской ССР. Активно участвовал в борьбе с антисоветским националистическим подпольем и его вооруженными бандами, а также в оперативных играх с английской разведкой.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Я стремился быстрее попасть на фронт и вступить в схватку с врагом. Успешно пройдя военно-врачебную комиссию, в августе 1942 года был призван в Красную Армию и направлен во 2-е Ульяновское Краснознаменное училище малых танков имени М.И. Калинина, где проучился восемь месяцев.

По окончании обучения меня вызвали в Особый отдел НКВД, где объявили, что я в числе других военнослужащих направляюсь на двухмесячные курсы сотрудников особых отделов при Приволжском военном округе. Изначально я сопротивлялся этому, но мне было сказано: «Ты являешься коммунистом, а это приказ Партии».

Окончив обучение, я был направлен на практику в Особый отдел 19-й запасной стрелковой бригады. Практику проходил под руководством сотрудника, в июне 1941 года принимавшего участие в обороне Брестской крепости. Тогда я впервые услышал о героизме легендарного гарнизона.

По окончании практики получил назначение на должность оперуполномоченного 1078-го зенитно-артиллерийского полка 4-го артиллерийского корпуса ПВО, штаб которого дислоцировался в городе Саратове.

Саратов в то время являлся уникальным «арсеналом», снабжавшим Красную Армию боеприпасами, оружием и самолетами. На окраине города находился нефтеперерабатывающий завод, вдоль Волги располагались нефтехранилища. В связи с этим Саратов подвергался жесточайшим бомбардировкам немецко-фашистской авиации.

1078-й полк прибыл в Саратов на переформирование, пополнение личным составом и перевооружение новыми образцами зенитных орудий. Днем осуществлялось переформирование, а ночью зенитчики отражали воздушные атаки противника. Особенно были тяжелыми противовоздушные бои 23–25 июня 1943 года, когда авиационный завод, выпускавший самолеты Як-1 и Як-3, был поврежден почти на 70 процентов. Были разбиты нефтехранилища, нанесен большой ущерб промышленному оборудованию.

После боев на Курской дуге Саратов уже почти не бомбили, и полк направили для участия в боях по освобождению Белоруссии и Прибалтики.

Более полную картину о противнике мы стали получать в конце 1942 — начале 1943 года. Приходило много ориентировок о заброске в наш тыл вражеской агентуры, диверсантов и террористов. Активно велась розыскная работа. Было много

Младший лейтенант Гришечкин А. Д. (справа) с наставником по оперативной работе старшим лейтенантом Юдиным Ю. К. Саратов, 1943 г.

Личный состав ОКР «Смерш» Саратово-Балашовского дивизионного района ПВО. Гришечкин А. Д. — крайний справа в первом ряду. Саратов, 1943 г.

*Гришечкин А. Д. (слева) с командиром
1-го дивизиона 1078-го зенап ПВО
капитаном Жердевым А. И. перед выходом
на ликвидацию диверсионной группы.
Резекне, Латвийская ССР, 1944 г.*

разоблачений агентов, пытавшихся проникнуть в ряды Красной Армии под видом военнослужащих, отставших от своих воинских частей, возвращающихся из госпиталей, находившихся в плену. Работа была сложной, особенно при поступлении нового пополнения. Необходимо было тщательно проверить, откуда прибыл каждый военнослужащий, что отнимало много времени и сил.

Непосредственно «лицом к лицу» с агентурой противника мне пришлось столкнуться на территории Латвии, где из 1078-го полка я был переведен на самостоятельную работу по обслуживанию 424-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона.

Разведывательные подразделения зажатой в Курляндском «мешке» гитлеровской армии «Север» забрасывали к нам в тыл своих диверсантов. При отступлении фашисты создали из числа своих пособников, изменников Родины и латышских националистов так называемые боевые группы, которые совершали диверсии на объектах хранения боеприпасов и горюче-смазочных материалов, нарушали коммуникации.

Из бойцов 424-го дивизиона была создана оперативно-войсковая группа, которая вместе с подразделениями войск НКВД осуществляла поиск и уничтожение этих вооруженных формирований.

Навсегда в моей памяти остался бой в Резекненских болотах зимой 1944 года. К двадцатым числам декабря нам удалось блокировать несколько диверсионно-

*Личный состав ОКР «Смерш» 4-го корпуса ПВО.
Гришечкин А. Д. — крайний слева во втором ряду. Барановичи, Белорусская ССР, 1946 г.*

Орден Красной Звезды

террористических групп. По поступившим от пленных сведениям, находящиеся в западне бандиты решили объединиться для осуществления прорыва в районе одного из крестьянских хуторов. На рассвете 26 декабря около сотни головорезов предприняли попытку прорвать оцепление, открыв плотный огонь из стрелкового оружия по советским бойцам. Но замысел окруженных провалился — получив мощный отпор, они отошли в лес. Спустя некоторое время бандиты снова попытались прорвать кольцо, уже мелкими группами, что также не увенчалось успехом. В этом бою было убито и ранено немало бандитов, более десяти из них захвачены живыми.

Оперативно-войсковые операции длились более недели, за это время произошло 14 боестолкновений, в ходе которых было ликвидировано и захвачено в плен немало гитлеровцев и их пособников — латышских националистов. Изъято большое количество оружия, боеприпасов, уничтожены блиндажи, места хранения вооружения, взрывчатки, продовольствия и медикаментов.

За участие в этих боевых операциях, захват и уничтожение агентов и диверсантов противника я был награжден орденом Красной Звезды, а также досрочно получил очередное воинское звание. Награды мне вручили в июле 1945 года в городе Грауденц (немецкое название польского города Грудзендз. — *Прим. составителей*) в Польше. Здесь я встретил Победу.

*Полковник Гришечкин А. Д.
Вильнюс. 1975 г.*

СПАСЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Из воспоминаний генерал-майора Градосельского Павла Васильевича.

Родился в 1917 году в дер. Топориха Тверской губернии. В 1937 году окончил Ленинградский техникум советской торговли, после чего был распределен на должность инспектора торгового отдела Приморского областного торгового г. Владивостока. В 1938 году призван на военную службу — красноармеец 22-го полка войск НКВД. С 1938 по 1941 год проходил службу на различных должностях военно-политического состава пограничных войск НКВД СССР Приморского округа. С 1943 года — слушатель 1-й Московской школы контрразведки НКО «Смерш». По окончании школы назначен на должность старшего оперуполномоченного секретариата ГУКР «Смерш».

С ноября 1945 до апреля 1968 года Градосельский П.В. проходил службу на руководящих должностях в аппарате 3-го Главного управления МГБ-КГБ при Совете Министров СССР. С апреля 1968 по март 1973 года являлся начальником Особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по 8-й гвардейской армии ГСВГ. Двенадцать с половиной лет прослужил в должности начальника Особого отдела КГБ СССР по Главспецстрою. Уволен с военной службы в декабре 1986 года.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За отличие в охране государственной границы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В 1942 году я проходил службу в пограничных войсках на Дальнем Востоке. Меня и еще четырех отличников «боевой и политической» вызвал к себе начальник политотдела Приморского пограничного округа и объявил: «Вы направляетесь на фронт!» Мы приехали в Москву в полной уверенности, что вскоре отправимся бить фашистов, однако встретивший нас сотрудник военной контрразведки рассказал, что мы отобраны для поступления в школу НКВД (с июня 1943 года — 1-я Московская школа ГУКР «Смерш». — *Прим. составителей*). Так я по-

пал в первый набор Московской школы «Смерш». Проучились мы там полтора года.

По окончании обучения я проходил службу на оперативных должностях в 1-м отделе, а затем — в секретариате ГУКР «Смерш». С этим периодом связан один из наиболее памятных эпизодов моей службы.

В конце 1944 года разведка добыла сведения о том, что немцы разыскивают на территории Восточной Пруссии рукописи ученого-астронома эпохи Возрождения Николая Коперника.

Информация была доложена в Центр. Последовало указание: предупредить намерения противника, принять меры к поиску материалов, связанных с жизнью и деятельностью Коперника, ценности доставить в Москву.

Для выполнения этого важного задания в ноябре 1944 года меня направили в УКР «Смерш» 3-го Белорусского фронта, я был включен в состав специальной оперативно-следственной группы, работу которой курировал лично Зеленин П. В.

В целях установления местонахождения культурных ценностей мы изучали немецкие трофейные материалы, допрашивали захваченных сотрудников разведывательных, карательных и диверсионных органов противника, а также их агентуру. В результате место хранения документов из архива Коперника нами было обнаружено, они были незамедлительно отправлены в Москву.

В ходе детального изучения ценностей на Лубянке были выявлены расхождения с описями, составленными немецкой трофейной командой, занимавшейся подготовкой к вывозу на запад наследия Коперника. Не хватало значительной части документов, предметов старины и драгоценностей.

Для их поиска в марте 1945 года я и еще один сотрудник Главка были повторно командированы на фронт — в ОКР «Смерш» 11-й гвардейской армии, которая после разгрома кёнигсбергской группировки противника дислоцировалась в Восточной Пруссии.

В течение марта и апреля мы работали в городе Фраенбурге¹⁴, где находился собор, каноником¹⁵ которого в свое время был Николай Коперник.

В результате нашей кропотливой работы было установлено, что к сокрытию исторических ценностей причастен викарий¹⁶ одной из местных католических церквей Алоиз Марквардт. После отступления немцев он по собственной воле распорядился награбленным фашистами имуществом, скрыв его от новой администрации.

*Старший майор госбезопасности
Зеленин Павел Васильевич. 1942 г.
В декабре 1944 г. — генерал-лейтенант,
начальник УКР «Смерш»
3-го Белорусского фронта*

¹⁴ В настоящее время Фромборк — небольшой город в Северной Польше, Браневского повята Варминско-Мазурского воеводства.

¹⁵ Каноник — римско-католический соборный священник.

¹⁶ Викарий — епископ, не имеющий своей епархии и помогающий в управлении епархиальному епископу.

Приглашение в Академию наук СССР по случаю передачи архива Коперника представителям Польской Народной Республики

градой для меня было и то, что в апреле 1952 года меня пригласили на церемонию передачи найденных нами ценностей Польской Народной Республике.

Рукописная книга XV в. из спасенного архива Коперника

В их числе были переданы рукописные книги Варминского епископства (XV, XVI века), содержащие записи хозяйственного характера, из которых свыше двух десятков сделаны рукой знаменитого астронома, письма к Копернику, его переписка с епископом Кроммером, видным политическим деятелем Польши XVI века, а также около 100 томов рукописных книг, свыше 200 томов научной литературы по истории Польши, философии и естествознанию.

Викарий был арестован. В ходе допроса он признался, что рукописи Коперника хранятся в подвале его дома, а в обогревательных трубах под полом местной церкви спрятаны драгоценности и католические реликвии.

В ходе проведения обысков 10 апреля 1945 года все недостающее по описям имущество было обнаружено и изъято.

За участие в мероприятиях по розыску предметов, представляющих историческую ценность (в 1944 и 1945 годах), я был представлен к орденам Отечественной войны II степени и Красной Звезды. Большой на-

Советское правительство в знак уважения к польской национальной культуре, а также считая, что обнаруженные документы, старинные книги по истории Польши, церковная утварь и научная литература на латинском, немецком и других языках должны по праву принадлежать польскому народу, приняло решение передать эти культурные ценности польскому правительству.

Во исполнение этого решения 10 апреля 1952 года состоялась передача спасен-

«ЦЕППЕЛИН» В ТУМАНЕ

Из воспоминаний генерал-полковника Григоренко Григория Федоровича.

Родился в 1918 году в г. Зенькове Полтавской губернии в крестьянской семье. Окончил семилетнюю школу, рабфак, а в 1939 году — физико-математический факультет Полтавского пединститута. Некоторое время работал учителем. В 1940 году был подобран в органы госбезопасности. В 1940–1941 годах — помощник уполномоченного Особого отдела 151-й стрелковой дивизии, с марта по август 1941 года — сотрудник Особого отдела 4-й воздушно-десантной бригады. Принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, был ранен. После излечения проходил службу в Особом отделе 14-й саперной бригады под Сталинградом. В 1942 году направлен на трехмесячные курсы при

Высшей школе НКВД, после их окончания был назначен на должность оперуполномоченного 1-го отдела 2-го Управления НКВД. С 1943 года — старший оперуполномоченный отделения по радиограм 3-го отдела ГУКР «Смерш».

В 1946–1949 годах — заместитель начальника и начальник отделения 3-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. С 1949 года — начальник отделения 5-го отдела 1-го Управления МГБ СССР. После занимал различные руководящие должности в системе отечественных органов безопасности. Окончил службу в августе 1983 года в должности заместителя председателя КГБ СССР — начальника 2-го Главного управления. В 1983–1989 годах занимал должность заместителя министра общего машиностроения СССР.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Моя служба в военной контрразведке началась с должности помощника оперуполномоченного Особого отдела 151-й стрелковой дивизии. В марте 1941 года я был переведен в Особый отдел 4-й воздушно-десантной бригады, дислоцировавшейся в Конотопе. В ее составе попал на Юго-Западный фронт, где в августовских боях 1941 года получил ранение. После излечения

в госпитале был направлен в Особый отдел 14-й саперной бригады, в составе которой принимал участие в боях под Сталинградом.

В 1942 году, после окончания трехмесячных курсов при Высшей школе НКВД, был переведен для дальнейшего прохождения службы в 1-й отдел 2-го контрразведывательного управления НКВД. Через некоторое время меня включили в состав группы из четырех оперативных работников специального отделения 2-го отдела Управления, специализировавшегося на проведении радиоигр с гитлеровской разведкой.

В 1943 году это подразделение было передано ГУКР «Смерш». Его возглавил талантливый контрразведчик Дмитрий Петрович Тарасов.

Дмитрий Петрович Тарасов родился в 1913 году в дер. Пелусозеро Олонецкой губернии, в крестьянской семье. После окончания в 1933 году Петрозаводского лесного техникума два года работал в лесном хозяйстве. В 1935 году поступил в Ленинградский институт инженеров промышленного строительства, однако закончить его не успел. В 1937 году по рекомендации Дзержинского райкома комсомола был зачислен курсантом в Ленинградскую межкраевую школу ГУГБ НКВД СССР. После ее окончания два года работал в Управлении НКВД по Ленинградской области в должности оперативного уполномоченного.

В 1939 году был переведен в Москву, в центральный аппарат. С 1943 года — начальник отделения по радиограмм 3-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР.

С 1946 года — во 2-м Главном управлении МГБ СССР. В 1952–1953 годах — заместитель начальника одного из отделов 2-го Главного управления МГБ СССР.

В 1953–1974 годах работал в центральном аппарате МГБ — КГБ СССР — начальник отдела безопасности управления «С» (нелегальная разведка). Принимал участие в обмене выдающегося советского разведчика Вильяма Фишера (полковник Рудольф Абель) на американского летчика Фрэнсиса Гэри Пауэрса. С 1974 года в отставке.

Всего за годы войны Центром и органами госбезопасности на местах была проведена 181 радиоигра, целью которых являлись дезинформирование немецкого командования, проникновение в разведывательные и контрразведывательные органы врага, выявление и ликвидация их агентуры, получение информации о планируемых противником военных операциях.

Ведение радиоигр в тесном контакте с Оперативным управлением Генштаба обеспечивало своевременную подготовку соответствующей «информации» по военным вопросам, передача которой гитлеровской разведке была призвана вводить противника в заблуждение относительно осуществлявшихся Красной Армией крупных военных операций: на Курской дуге, Корсунь-Шевченковской,

Немецкий военно-транспортный самолет Arado Ar-232 B-05 Tausendfüßler (от нем. «многоножка») эскадры специального назначения КГ-200

Белорусской и других. Только при подготовке Орловско-Курской операции было проведено 17 радиоигр.

Мне хотелось бы рассказать об одной из наиболее интересных и искусно проведенных радиоигр с противником, которая была призвана защитить первых лиц Советского государства от террористических посягательств.

В ночь с 4 на 5 сентября 1944 года с Рижского аэродрома поднялся в воздух четырехмоторный самолет «Арадо-232». Сконструированный для выполнения специальных задач, он имел навигационное оборудование, позволявшее летать ночью и в любую погоду. Благодаря десяти парам покрытых каучуком несущих колес шасси он мог садиться на малых по размерам площадках, на лугу и даже на пахоте. Деревянные лопасти винтов, глушители на моторах и черная матовая окраска корпуса делали его практически незаметным.

Пилотировали самолет опытные летчики люфтваффе, входившие в состав авиатруппы КГ-200. Они осуществляли заброску на территорию СССР террористов и диверсантов, поэтому при взятии в плен не могли рассчитывать на статус военнопленных. В самом самолете кроме экипажа находились два пассажира — мужчина и женщина в советской военной форме. Это были агенты разведывательно-диверсионного органа «Цеппелин-Норд» Петр Таврин и Лидия Шилова. Они летели в Москву с заданием убить Сталина.

Петр Таврин перешел на сторону врага в мае 1942 года. Находясь в лагере для военнопленных, согласился сотрудничать с немецкими спецслужбами, которые первоначально использовали его в качестве агента-provokatora. Пройдя таким образом проверку на преданность, в ноябре 1942 года Таврин становится курсантом разведшколы. Вскоре из разряда «одноразовых» агентов он переходит в категорию «ценных». Этому способствует активная работа изменника по разоблачению членов антифашистских организаций в Европе.

*Немецкий «диверсант № 1»
гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени. 1943 г.*

Со временем на Таврина обращают внимание высокопоставленные сотрудники гитлеровских спецслужб, в том числе любимец Гитлера — Отто Скорцени, который принимает личное участие в его подготовке к выполнению особо секретной миссии в советском тылу. С харизматичным агентом несколько раз встречается перешедший на сторону нацистской Германии генерал-предатель Власов А. А.

Агента-террориста снабжают документами на имя заместителя начальника Отдела контрразведки «Смерш» 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта майора Таврина Петра Ивановича. Для легализации в Москве он имеет запасной комплект документов на имя офицера, прибывшего из госпиталя на отдых и реабилитацию. В целях подтверждения легенды ему делают несколько пластических операций, имитирующих следы ранений. Грудь диверсанта украшает подлинная звезда Героя Советского Союза, боевые ордена и медали. В полевую сумку вложена сфальсифицированная вырезка из газеты с указами о награждениях, где, среди прочих, упоминается фамилия Таврин. Для осуществления теракта диверсант

снабжен пистолетами с разрывными и отравленными пулями, радиоуправляемой миной и миниатюрным гранатометом «Панцеркнакке», снаряд которого на расстоянии до 300 метров пробивает 35–40 мм броню.

С Тавриным П. И. в советский тыл направляется его супруга — агент «Цеппелина» Лидия Шилова, которая в этой агентурной паре выполняет роль радиста.

В ночь на 5 сентября 1944 года в отдел НКВД по Гжатскому району поступило сообщение из службы воздушного наблюдения, оповещения и связи о том, что в направлении Можайска пролетел вражеский самолет, который был трижды обстрелян нашей зенитной артиллерией. Из-за полученных повреждений самолет лег на обратный курс, однако продолжать полет не смог и совершил вынужденную посадку.

Через некоторое время начальнику Гжатского районного отдела НКВД поступило очередное сообщение о том, что неизвестный самолет приземлился в районе деревни Яковлево, от него на рассвете отъехали на мотоцикле в направлении деревни Карманово мужчина и женщина.

Утром того же дня несостоявшиеся террористы были задержаны сотрудниками Кармановского РО НКВД и РО НКГБ. Ни удостоверение сотрудника «Смерша», ни предъявленная телеграмма о срочном вызове в Москву, ни Золотая Звезда Героя Советского Союза не оказали должного воздействия на чекистов.

В ходе обыска мотоцикла были обнаружены оружие, боеприпасы, мина, бланки всевозможных удостоверений, более сотни печатей советских учреждений и организаций и прочая шпионская экипировка. Срочный запрос в Москву не подтвердил службу в органах контрразведки майора Таврина. Задержанные признались, что являются немецкими агентами, и дали согласие на сотрудничество.

При аресте Таврина П. И. и его спутницы в наши руки попали шифры, кодировочные таблицы и специально оговоренные на случай провала способы оповещения.

Радистка Таврина — Лидия Шилова на одном из первых допросов, 8 сентября 1944 года, дала исчерпывающие сведения об особенностях организации радиосвязи с Центром.

В целях выявления дальнейших намерений германской разведки было принято решение завязать с «Цеппелином» радиоигру, которая оказалась в ведении Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР. Непосредственное руководство ее проведением осуществлял старший оперуполномоченный 3-го отдела ГУКР «Смерш» майор Фролов, а с января 1945 года это дело было поручено мне.

Одновременно с получением санкции на проведение операции была активизирована вся система розыска государственных преступников. К работе были также подключены управления НКВД и НКГБ по Московской области.

Вся игра с «Цеппелином» проходила в тесном взаимодействии между соответствующими подразделениями НКВД, НКГБ и «Смерша». Так, например, тексты радиogramм в «Цеппелин» готовились начальником 3-го отдела ГУКР «Смерш» Барышниковым и утверждались лично начальником ГУКР «Смерш» Абакумовым или его заместителем — генерал-лейтенантом Бабичем. Кроме того, радиogramмы «Цеппелину» согласовывались с начальником 2-го Управления НКГБ СССР Федотовым и начальником Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Леонтьевым.

На первоначальном этапе радиоигры мы поставили перед собой задачу создать у немцев видимость того, что Таврин П.И. благополучно прибыл в Москву, легализовался и успешно создает условия для совершения террористического акта.

Первый выход в эфир состоялся 27 сентября 1944 года. Начиная с этого дня вплоть до 15 октября радиостанция неоднократно выходила в эфир. Однако связь с «Цеппелином» умышленно не устанавливали. 15 октября вновь вышли в эфир, слышимость была два балла, но создавали видимость, что Центр услышать было невозможно. Наконец 19 октября в Центр радиовали «вслепую»: «Вызывайте дольше и отчетливее. Лида плохо разбирает. Вас слышим редко, почему нерегулярно работаете? Привлеките радиста, который ее тренировал. Примите все меры, чтобы связаться...»

21 октября пришел ответ из «Цеппелина»: «Были очень обрадованы получить от вас ответ. Вашу телеграмму в 230 групп не получили.

Агент-террорист Таврин П. И. (справа) с сотрудником «Цеппелин-Норд» в ходе подготовки к покушению на представителей высшего политического руководства СССР

Портативный 30-мм гранатомет «Панцеркнакке» (от нем. «Panzerknacke» — «проламывающий броню»), которым был снабжен Таврин П. И. для осуществления террористического акта в отношении представителей высшего политического руководства Советского Союза

Немецкие агенты Таврин П. И. и Шилова Л. Я. перед отправкой на задание. 1944 г.

Майор Григоренко Григорий Федорович. 1945 г.

Повторите, сообщите подробно о вашем положении. Привет». В последующие дни продолжали создавать видимость помех в радиоэфире и невозможности принять радиogramмы Центра.

Наконец 26 октября связь была установлена и в «Цеппелин» отправили радиogramму: «Очень рад, что, наконец, появилась надежда. Думал, со связью уже ничего не получится. Лида совсем измучилась. Нахожусь в пригороде Москвы, поселок Ленино, Кирпичная ул., д. № 25... Сообщите, получили ли мое донесение о высадке — телеграмма 230 групп. Еще раз прошу, чтобы с Лидой работал опытный радист. Передавайте медленно. С нетерпением жду ваших сообщений. Привет всем. Л.П.»

29 октября пришло сразу две радиogramмы: «Прошу сообщить точно, где остался самолет и его экипаж...» и «Не давайте ваши телеграммы, больше чем 50 групп. Повторяйте каждые имена и числа два раза. Работаю с вами сам. Мы еще сработаемся. Привет... Михель».

В ответ повторно сообщили подробную радиogramму из 280 групп: «В первой телеграмме сообщал, что при посадке самолет врезался в деревья, потерпел аварию, только случайно все остались живы. Летчики оказались малоопытными и растерянными. Кроме того, что не сумели посадить машину, место для посадки почему-то выбрали около деревни. Вскоре после аварии в нашу сторону побежали люди. Я вынужден был действовать быстро и решительно. С трудом вытащил мотоцикл, и с Лидой немедленно отъехали от этого места, экипаж ушел на запад. Из-за плохой дороги мотоцикл отказал, его и все лишнее имущество пришлось уничтожить и двигаться лесом. С трудом добрались до Ржева, где жили 12 дней. Пытались с вами связаться. 28 сентября прибыл в Москву, сейчас живу в пригороде по сообщенному вам адресу. Пока все благополучно, изучаю возможности работы. Сообщите, где семья Лиды. Л.П.»

Завязался регулярный радиообмен с «Цеппелином». 2 ноября Центр радировал в ответ: «Повторите ваш адрес в телеграмме № 3. Привет. Михель». Через три дня, 5 ноября, немцам радировали: «Обстановка изменилась, многих людей нет. Имеющиеся люди не могут обеспечить получение пригласительного билета. Приглашительные билеты на торжественное заседание 6 ноября высылают Кремль по организациям специального формата с указанием фамилии. Вопрос о демонстрации 7 ноября неизвестен. Л.П.». На следующий день пришел ответ: «Сообщите о положении в Кремле и отношении Сталина и Тимошенко, и тут нам нужны постоянно донесения. Каждое донесение для нас важно». Из «Цеппелина» запросили повторить адрес, где остановились агенты...

13 ноября в Центр сообщили «оперативные» данные: «Торжественное заседание состоялось в Кремле. Попасты не удалось. Демонстрации и народа не было». Из «Цеппелина» продолжали слать шифровки с требованием повторно сообщить обстоятельства и место крушения самолета... 23 ноября немцам радировали: «Работать в Москве оказалось гораздо труднее, чем я думал, приходится начинать

все заново, подыскиваю людей. Хочу устроиться работать. Сообщите ваше мнение, прошу ответить, что с семьей Лиды. Привет. Л.П.».

Следующую радиограмму отправили 27 ноября: «Все телеграммы уничтожены. Содержание непонятых вами групп восстановить не могу. В телеграмме № 4 после слов “из-за плохой дороги” сообщал, что мотоцикл пришлось уничтожить. После чего прибыли во Ржев, откуда пытались с вами связаться. Л.П.».

7 декабря пришло задание из «Цеппелина»: «Вашей задачей является прочно обосноваться в Москве и подготовить проведение поставленной вам задачи. Кроме того, сообщать о положении в Москве и Кремле». В тот же день в Центр направили тщательно подготовленную шифровку: «Точного места посадки не знаю. После аварии на другой день к вечеру вышли к деревне Баранцево 20 км южнее станции Князьи Горы на железной дороге Ржев–Москва. От деревни Баранцево место посадки по моим расчетам не более 30 км на юг. Л.П.».

13 декабря из «Цеппелина» было получено две радиограммы. Первая: «Родственники находятся в безопасности, здоровы и работают; что слышно об основании комитета Власова, сумеете ли вы наладить отношения с комитетом “Свободная Германия” под руководством Зайдлица?» — и вторая, с запоздалым предостережением: «Почему нет у вас возможности получать сведения из Кремля, что слышно про Сталина. Предупреждаю, что ваш зажигательный аппарат радиомины к концу ноября будет непригоден для пользования».

23 декабря было отправлено в «Цеппелин» три коротких шифровки: «О Власове и Русской освободительной армии здесь знают, влияние разное, среди отдельных военных положительное, об основании комитета Власова пока ничего не слышно», «Комитет “Свободная Германия” активно действует, сужу по сообщениям печати, ищу возможности наладить отношения», «Сведений о Кремле не имею из-за отсутствия нужных людей, продолжаю искать».

Следующий сеанс связи состоялся почти через месяц, 19 января 1945 года в «Цеппелин» передали: «Выезжал на Урал по личному вопросу и искал Надю, которая в начале войны эвакуировалась в Свердловск. Безуспешно, мобилизовали в армию. Об отъезде хотел предупредить вас, но Лида не могла связаться. Л.П.».

Ответ пришел в виде трех коротких радиограмм: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожить. По выполнении доложить. Вблизи от вас работают друзья. Хотите ли для взаимной поддержки быть сведены вместе?», «Газетные сообщения о Комитете “Свободная Германия” здесь известны, передавать не нужно. Важно установить связь и сообщить о месте жительства членов, насколько они свободны», «Сообщите, составляет ли курс новых печатных чешских денежных знаков; 5,5 чешских крон одному рублю. Повторяю 5,5 крон равны одному рублю».

Поспешное согласие на соединение с другой группой немецких диверсантов мы посчитали преждевременным — это могло вызвать у противника подозрение. Кроме того, предполагалось, что члены этой группы «друзей» являются участниками другой нашей же радиоигры — «Загадка»...

В связи с этим 27 января в Центр направили ответы следующего содержания: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожен. Относительно друзей, в зависимости от вашего решения. Если это поможет ускорению выполнения моего задания, я согласен, но чтобы люди были вами проверены, и я их лично знал и им бы доверял», «Ваша телеграмма № 3 плохо расшифровывается и мне непонятна. О чешских кронах здесь ничего не слышно. Сообщите яснее, что я должен узнать о них», «Ваш радист быстро передает, не соблюдает пауз между группами, Лиде принимать тяжело. Прошу указать радисту на необходимость отчетливой работы».

31 января вновь вышли в эфир: «Краус. В час тяжелых испытаний заверяю в преданности делу. Что бы ни случилось, буду добиваться выполнения поставленных мне задач и жить надеждой победы. Прошу передать приветы и лучшие пожелания всем друзьям по борьбе. Петр». Из Центра радиовали: «Нумерацию ваших телеграмм начинайте каждый месяц с нового номера. Сокращения, употребляемые при сброске груза: сегодня сброски нет — 416; сегодня сброска — 445».

Очередной сеанс — 7 февраля, в «Цеппелин» радиовали: «Последняя ваша радиограмма непонятна. О какой сброске идет речь? Если это касается друзей, которых вы имели в виду направить ко мне, то прошу вначале сообщить, кто они и знаю ли я их лично». Из Центра в тот же день пришли две шифровки: «Петр и Лида, сердечные приветы. Во всяком случае, мы победим. Может быть, победа ближе, чем мы думаем. Помогайте и не забывайте вашу клятву», «Слушайте радиостанцию “Комитета освобождения народов России” на волне 1339 метра в 12-45, 14-00, 10-15, 19-05, 22-15 и 01-45 по Московскому времени. Слушать можете только на радиоприемник, но не на вашу рацию».

13 февраля состоялся следующий сеанс связи. В «Цеппелин» была отправлена шифровка: «Благодарим за приветы. В преданности делу не сомневайтесь. Сделаю все, что в моих силах. Петр. Слушать станцию Комитета освобождения не могу из-за отсутствия приемника, который был вынужден бросить в пути».

Ответная радиограмма получена 15 февраля, Центр сообщал: «Вам непонятная телеграмма содержит условные обозначения, чтобы вас скорее известить в случае сброски груза». Вероятно, в «Цеппелине» планировали сброс новых спецсредств для осуществления теракта взамен пришедшего в негодность взрывателя к радиомине.

Для «оживления» игры в «Цеппелин» 27 февраля сообщили шифровку, передачу которой санкционировал заместитель наркома госбезопасности Кобулов: «Познакомился с врачом-женщиной, имеет знакомых в Кремлевской больнице. Обращаюсь». Вновь вышли в эфир 5 марта и сообщили, что выходить на связь будут только для передачи особо важных сообщений, так как питание батареи на исходе, а приобрести новые нет возможности. В тот же день из «Цеппелина» пришел ответ: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривосточное положение...»

Из-за помех в эфире окончание радиограммы получить не удалось. 9 марта пришла повторная шифровка из Центра: «Сообщите, где вы находитесь и как Лида устроилась. Какое внутривосточное положение и шансы для проработки ваших планов. Привет от Нины. Краус». В ответ «Цеппелину» передали сообщение: «Для лучшей маскировки телеграмм меняйте ключевые группы. Первая ключевая остается на старом месте, как вторая группа в телеграмме. Вторая образуется путем сложения первой ключевой с последней гру...»

Из-за сильных помех Центр пропал в эфире, как оказалось — навсегда. В марте–апреле 1945-го радиоточка неоднократно пыталась установить связь, но «Цеппелин» в эфире больше не появлялся...

После войны от разоблаченных и захваченных советской контрразведкой агентов «Цеппелин-Норд» стало известно, что у немцев содержание радиограмм, поступавших от Таврина П. И., сомнений не вызывало, мы пришли к выводу, что радиоигра «Туман» была проведена успешно.

Так, задержанный сотрудниками «Смерша» весной 1945 года агент «Цеппелин-Норд» Александр Джон на допросе рассказал, что германская разведка доверяла сведениям, полученным от этой «семейки». Со слов Джона, Таврин И. П. сообщил, что он «добился входа в Кремль и даже присутствовал на одном из

совещаний правительства. <...> Последнее донесение от них было в апреле 1945 года».

Таким образом, нам удалось убедить вражескую разведку в том, что подготовка покушения на Сталина И. В. идет по плану, что предотвратило другие, не контролируемые органами госбезопасности попытки к устранению первых лиц Советского государства¹⁷.

16 августа 1951 года Таврину П.И. было предъявлено обвинение в совершенных им преступлениях:

«Вопрос: Вам предъявлено обвинение по ст. ст. 58-1 пункт “б” и 58-8 УК РСФСР в том, что, являясь военнослужащим Советской армии, вы изменили Родине и добровольно перешли к немцам, где были завербованы германской разведкой и в ночь на 5 сентября 1944 года переброшены на самолете в тыл Советской армии со специальным заданием по центральному террору. Содержание обвинения вам понятно?»

Ответ: Да, содержание обвинения мне понятно.

Вопрос: Вы признаете себя виновным?

Ответ: Признаю себя виновным только по ст. 58-1 п. “б”, т. е. в том, что я, являясь командиром роты 1196-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта, я 30 мая 1942 года в районе города Ржева добровольно перешел на сторону немцев, чем изменил Родине. По статье 58-8 виновным себя не признаю, так как я никогда не был намерен выполнять задание немцев по центральному террору».

1 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного Суда СССР Таврин П. И. и Шилова Л. Я. приговорены к высшей мере наказания. 28 марта Таврин был расстрелян, а 2 апреля того же года в исполнение приведен приговор в отношении Шиловой. Радиоигра «Туман» завершилась¹⁸.

Генерал-полковник
Григоренко Григорий Федорович.
1982 г.

¹⁷ Материал подготовлен на основе интервью Григоренко Г. Ф. телеканалу «Звезда»; книги Владимира Макарова и Андрея Тюрина «Смерш: Война в эфире».

¹⁸ Макаров В. Г., Тюрин А. В. Смерш: Война в эфире. М.: Русский путь, 2018. С. 750–751.

ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА НА ФЛОТЕ

Из воспоминаний старшего лейтенанта Сафроновой Анны Николаевны.

Родилась в 1919 году в с. Требунки Рязанской губернии, в крестьянской семье. В 1930-х годах переехала с семьей в г. Белев Тульской области. Окончив там 10 классов средней школы, работала паспортистом, секретарем, заведующим отделом пропаганды и агитации районного комитета ВЛКСМ.

В апреле 1941 года направлена на работу в Особый отдел НКВД Таллинского гарнизона. С сентября 1941 по июнь 1943 года проходила службу в должности секретаря-шифровальщика в отделах военной контрразведки Ленинградского фронта, Ладужской военной флотилии и Черноморского флота.

С ноября 1945 года — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный секретариата ОКР «Смерш» Северо-Западного оборонительного района (г. Одесса) и ОКР МГБ Черноморского флота (г. Севастополь).

В июле 1947 года, в связи с организационно-штатными мероприятиями, уволена с военной службы.

Продолжила работу в органах госбезопасности в качестве гражданской служащей на различных должностях. Вышла на пенсию в 1975 году.

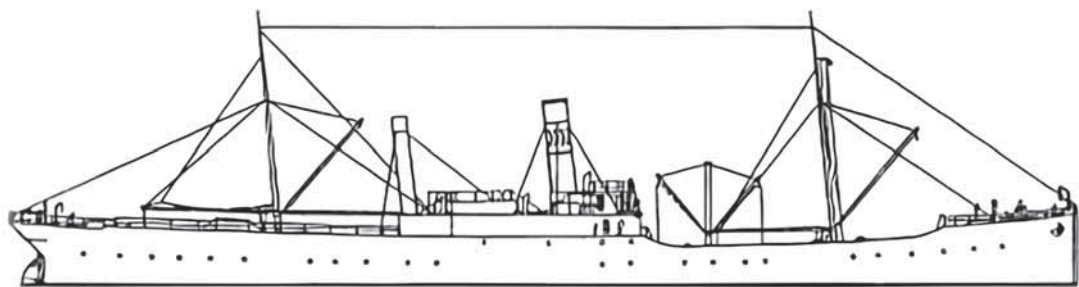
Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

С первых дней войны Таллин стала бомбить немецкая авиация, которой активно противодействовали стоящие на рейде корабли Балтийского флота. Особенно мощно отражал атаки авиации крейсер «Киров», от залпов которого сотрясался весь рейд. По ночам глазам предстала страшная картина — город горел.

28 августа 1941 года мы получили приказ об эвакуации. Упаковали в металлические шкатулки секретные документы и шифркоды, после чего в порту все сотрудники Особого отдела флота погрузились на плавмастерскую «Серп и Молот». Это было огромное судно, загруженное людьми и военным снаряжением, что называется, под завязку.

Результаты бомбовых ударов немецкой авиации по столице Советской Эстонии. Таллин, август 1941 г.

Плавучая мастерская «Серп и Молот» (до 1922 г. — «Ангара»). Судно построено в 1900 г. в Великобритании. В 1905 г. приобретено Морведом. В том же году переоборудовано в транспорт-плавмастерскую и включено в состав Балтийского флота. Участвовало в Первой мировой войне. Во время Гражданской и советско-финляндской войн обеспечивало ремонт кораблей флота. Судно «Серп и Молот» принимало участие в перебазировании КБФ из Таллина в Кронштадт. 28 августа 1941 г. повреждено авиацией противника, «выбросилось» на южный берег о. Гогланд, после чего было оставлено экипажем и пассажирами. На следующий день в результате пожара, возникшего после налета авиации противника, полностью выгорело и затонуло

Отходили под непрерывными бомбежками. Через некоторое время судно получило несколько пробоин, стало крениться и нам пришлось подняться на верхнюю палубу без вещей. С собой в противогазной сумке я смогла унести только мое любимое крепдешиновое синее платье с кружевным воротничком.

Весь залив был усеян движущимися под взрывами кораблями. Многометровые фонтаны воды, вспышки разорвавшихся снарядов и мин, разлетающиеся обломки пораженных суденышек. Рядом с нами проходил эсминец с курсантами Фрунзенского военно-морского училища, откуда раздался крик:

— Нюра, Нюра Казакова, это я, Женя!

Среди курсантов с винтовками на палубе был мой одноклассник Женя Бочаров, с которым мы жили на одной улице.

— Передай родным, что у меня все в порядке! — кричал он, размахивая бескозыркой.

Женю я больше не встречала. Их корабль погиб при переходе, о чем впоследствии я рассказала его маме...

Бомбежки продолжались непрерывно и на второй день. В идущее рядом с нами судно «Верония», на котором находились семьи командиров, попало несколько бомб, оно стало тонуть. Как потом рассказывали очевидцы, в числе других в воде оказалась жена командующего Балтийским флотом адмирала Трибуца В. Ф. Ее спасла плавающая мина, за взрыватели которой женщина держалась руками до тех пор, пока не была подобрана моряками с подошедшего тральщика. За время, проведенное в воде, она поседела.

В наш «Серп и Молот» тоже попало несколько бомб, я оказалась в воде и в числе других была подобрана катером, который высадил нас на остров Гогланд. Из нашего отдела спаслось только несколько человек, в том числе начальник — Лазарь Моисеевич Иоффик, который принял на себя общее командование над военнослужащими. На острове, под бомбежками, мы прожили несколько дней, после чего тральщиком были эвакуированы в Кронштадт, а оттуда доставлены в Ленинград,

Сафронова А. Н. с коллективом Особого отдела. 1942 г.

Колонна автомобилей ГАЗ-АА передвигается по «Дороге жизни». Водительские двери открыты на случай срочной эвакуации. Ладожское озеро, 1942 г.

на Литейный проспект в «Большой дом». Там я продолжила свою службу секретаря-шифровальщика.

Далее довелось служить в Отделе контрразведки Ладожской военной флотилии и под бомбежками многократно ездить по «Дороге жизни». Одна такая поездка едва не закончилась трагически — служебная «эмка» с шифрдокументами провалилась в полынь, и мы едва не утонули в ледяной купели.

В 1945 году меня перевели в Особый отдел Черноморского флота, где мне довелось встретиться с президентом США Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем, которые участвовали в Ялтинской конференции.

Контрразведка флота обеспечивала безопасность проведения встречи глав Большой тройки непосредственно в Ялте, и наши оперативники пригласили меня посетить Ливадийский дворец, где они работали. Попали мы, как говорится, «с корабля

Генерал-лейтенант береговой службы Ермолаев Николай Дмитриевич. 1945 г.

*Участники Ялтинской конференции:
У. Черчилль, Ф. Д. Рузвельт и И. В. Сталин в Ливадийском дворце. 1945 г.*

на бал». Наш начальник Николай Дмитриевич Ермолаев пил в это время кофе в гостевом зале вместе с Рузвельтом и Черчиллем.

Кто-то из них поинтересовался через переводчика, кто из шифровальщиков обеспечивает бесперебойную обработку информации конференции. Ермолаев Н. Д. вызвал меня и представил высоким гостям. Те очень удивились, увидев совсем молоденькую девушку, поцеловали мне руку и пригласили к столу выпить с ними чашечку кофе. Отказываться было не принято, пришлось согласиться, после чего, поблагодарив их за угощение, я покинула зал. Видела и дочь Рузвельта, которая после отъезда отца еще несколько дней жила в Севастополе во флигеле, расположенном рядом с Особым отделом. Однажды мы даже приветственно помахали друг другу руками...

«ШТАЛАГ 1 А»

Из воспоминаний подполковника Соловьева Петра Ивановича.

Родился в 1917 году в с. Лузино Пермской губернии. В армии с 1938 года — начальник радиостанции 34-й стрелковой дивизии 2-й отдельной Дальневосточной армии.

С июля 1941 года на Западном фронте — старший военный цензор военной цензуры литера «АМ». Был ранен. После излечения в госпитале служил секретарем-шифровальщиком Особого отдела НКВД стрелковой дивизии УралВО, с февраля 1942 года — 152-й стрелковой дивизии Карельского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. С мая 1944 по август 1946 года — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный ОКР «Смерш» 152-й стрелковой дивизии 2-го, 3-го Белорусских и 1-го, 3-го Украинских фронтов.

Уволен в 1955 году с должности оперуполномоченного Особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по 65-му пограничному отряду Тихоокеанского округа.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В феврале 1945 года 152-я стрелковая дивизия 3-го Белорусского фронта освободила местечко Домтау в Восточной Пруссии, на восточной окраине которого находился лагерь военнопленных «Шталаг 1 А».

Начальник Отдела контрразведки дивизии подполковник Иванов дал распоряжение своему заместителю майору Попову и мне выехать в лагерь и выявить, возможно, оставленную там на оседание немецкую агентуру.

Взяв автомашину и 10 солдат взвода охраны, мы приехали в лагерь. Никаких представителей санитарной службы фронта или командования там еще не было.

Входные ворота были открыты. Лагерь был разделен на две части. В одной половине два барака занимали военнопленные, которых защищал Красный Крест: французы, чехи и другие. Они имели свою аптеку, кухню, врачей и даже священника.

Вторая половина — четыре барака, состоявшие из четырех секций длиной около 50 метров. Внутри — двухъярусные нары.

Концентрационный лагерь «Шталаг 1 А Штаблак» (Stalag 1 A Stalblock). Восточная Пруссия, пос. Домтау, 1944 г.

В бараках содержались русские военнопленные, которых немцы под охраной водили на работу на авторемонтный завод и другие предприятия в местечке Домтау. Также на этих предприятиях работали русские, вывезенные на работу с территории оккупированных областей СССР. Они жили без охраны в бараках специально построенного городка.

Перед приходом наших частей большая часть здоровых военнопленных была эвакуирована немцами в Германию. Остальные частью ушли в поселок ремзавода, частью — разбежались по окрестностям. Врачи и санитары из числа русских военнопленных уехали с немцами.

В лагере остались до 50 ходячих больных и около 400 военнопленных, которые в течение последних дней даже не могли выйти из бараков. Каждый день умирало по пять-шесть человек. Их сбрасывали в ров, который был вырыт в восточной части лагеря.

Приступая к работе в Шталаге, мы выставили охрану от зевак. Среди русских военнопленных был установлен военфельдшер — старший лейтенант, который не ушел с немцами, оставшись заботиться о больных.

От него я узнал, что за 10–15 дней до ухода немцев в лагерь привезли 10 военнопленных, которые физически были здоровы, ходили со всеми на работы, а с приходом наших частей не ушли с немцами, а остались в поселке. Фельдшер сообщил, что может опознать некоторых из них в лицо.

Я с тремя солдатами и фельдшером пошел в поселок. Обходя дома, бараки и цеха ремзавода, старший лейтенант узнал одного из тех военнопленных. Он был задержан и доставлен в лагерь.

На допросе сознался, что в составе агентурной группы он был доставлен немцами в «Шталаг 1 А». Ранее проходил обучение в Курганской немецкой разведшколе (деревня Курганы Минской области).

При отступлении из Минска школу перебросили в поселок Валдава Литовской ССР, а затем его и других «учеников» стали оставлять на территориях Восточной Пруссии, освобождаемых Красной Армией, для внедрения в наши части. Агент уверял, что попал в разведшколу из лагеря военнопленных, чтобы сохранить себе жизнь. Что после выброски в тыл советских войск планировал добровольно сдать органы НКВД.

Задержанный был допрошен начальником Отдела контрразведки дивизии майором Ивановым и начальником ОКР «Смерш» 134-го стрелкового корпуса подполковником Евграфовым. Дал чистосердечные показания, после чего было принято

решение о его использовании в качестве опознавателя.

На следующий день мы еще раз обошли поселок, но наш новоиспеченный помощник никого не опознал. При этом сообщил, что разыскиваемые могли уйти на сборный пункт, который был организован в бывших военных городках в 10 километрах от Дамтау.

Взяв машину и трех солдат из взвода охраны, я выехал с опознавателем на сборный пункт. Прибыв на место, увидел огромное количество людей — пункт был заполнен русскими военнопленными, угнанными на работу в Германию мужчинами и женщинами, а также эвакуированным немецким населением. Здесь же работали полевые военкоматы, которые отбирали военнопленных в запасные полки.

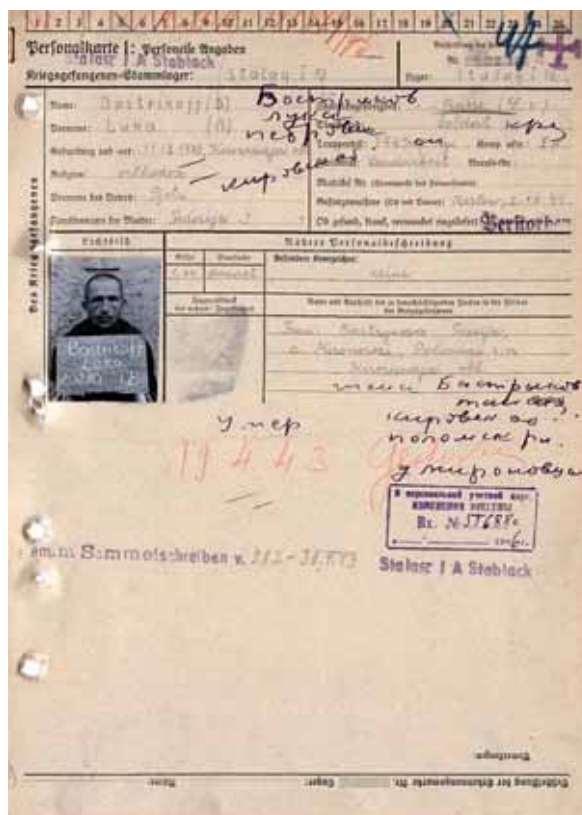
Я с опознавателем обошел все казармы. В одном из помещений он указал на двух человек, которые были с ним в разведшколе. Они были задержаны и направлены в Отдел контрразведки «Смерш» 134-го стрелкового корпуса.

На четвертый день поисков в большой группе бывших военнопленных, направлявшихся в тыл, мой опознаватель заметил еще одного «знакомого». Я задержал его, но не обошлось без трудностей — лейтенант, сопровождающий эту группу, запротестовал, предложил мне показать мои документы и сообщил о происходящем руководству сборного пункта.

Оказалось, что на сборном пункте работает оперативная группа НКВД СССР под руководством полковника Богданова. Меня с опознавателем, задержанным и двумя солдатами доставили к нему. Полковник распорядился забрать задержанных, арестовать меня и солдат, отобрать оружие и посадить нас под охрану в одну из комнат.

Свое решение он объяснил тем, что мы не имели права проводить опознание на сборном пункте. Примерно через пять часов полковник распорядился вернуть нам оружие и сказал, что с начальником Отдела контрразведки полковником Кононенко достигнута договоренность о передаче ему опознавателя и задержанного.

Я вернулся в отдел, но вместо поощрения получил от начальства нагоняй за то, что не смог без лишнего шума увести у опергруппы НКВД задержанных. Бывали в нашей работе и такие эпизоды.

Личные карты советских военнопленных — узников концлагеря «Шталаг 1 А». (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации)

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВОЙНЫ (военные контрразведчики в Берлинской операции)

Из воспоминаний генерал-лейтенанта Матвеева Александра Ивановича.

Родился в 1916 году в дер. Верховина Петроградской губернии в крестьянской семье. В 1930 году окончил неполную среднюю школу, в феврале 1931 — ноябре 1932 года учился в школе ФЗУ «Ленпромстроя». С января 1935 года на комсомольской работе. В органы государственной безопасности Матвеев А.И. был направлен по мобилизации 22 июня 1941 года. Принимал участие в Сталинградской битве, форсировании Днепра, освобождении Украины, Польши, штурме Берлина. Войну закончил в должности начальника ОКР «Смерш» дивизии. После войны работал начальником особых отделов Горьковского военного округа, Московского округа ПВО, начальником управлений особых отделов Дальневосточного военного округа, Группы советских войск в Германии. В течение 15 лет

служил в центральном аппарате заместителем и первым заместителем начальника 3-го Управления КГБ при Совете Министров СССР.

Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени и «Знак Почета», нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» и 16 медалями.

Берлинская операция, как отмечал Жуков Г. К., занимает особое место в истории Второй мировой войны. В это время окончательно решались важнейшие военно-политические вопросы, от которых во многом зависело послевоенное устройство Германии, ее место в политической жизни Европы.

В успех битвы за Берлин внесли достойный вклад и военные контрразведчики, нанеся последний решительный удар по разведывательным органам противника.

В ходе Берлинской операции отделами военной контрразведки 1-го Белорусского фронта решались задачи по:

— активизации контрразведывательной работы в войсках, направленной на выявление вражеской агентуры, обеспечение секретности всех деталей подготовки и проведения наступательной операции, выявление фактов, снижающих

уровень боевой готовности частей к генеральному наступлению;

— перекрытию каналов проникновения через линию фронта агентуры противника и других враждебных элементов: официальных сотрудников спецслужб, карателей, изменников Родины и т. д., выявлению и захвату тайников с оружием, взрывчатыми веществами, а также задержанию шпионов, диверсантов и террористов, оставленных в освобожденных районах в тылу наших войск;

— активному розыску шпионов, карателей, предателей и других опасных преступников, добыванию информации о контактах гитлеровских спецслужб с разведорганами союзников;

— захвату спецорганов противника в полосе наступления наших войск, розыску и задержанию главарей гитлеровского рейха;

— предотвращению мародерства и бесчинств в отношении гражданского населения.

Перед 47-й гвардейской стрелковой дивизией, где я был начальником ОКР «Смерш», стояла боевая задача: преодолеть сопротивление противника и выйти на окраину Берлина в район Целендорф. В полосе наступления дивизии дислоцировалось одно из центральных учреждений абвера, замаскированное под сельскохозяйственный институт.

Прибывшие к нам в отдел начальники ОКР «Смерш» 8-й гвардейской армии генерал-майор Витков Григорий Иванович и 4-го гвардейского корпуса подполковник Кузьмин Александр Николаевич поставили задачу: организовать захват личного состава, агентуры и документов абверовского центра.

Вместе с Витковым Г.И. и Кузьминым А.Н. мы обсудили возможные варианты решения этой задачи. Наиболее целесообразным было признано проведение десантной операции, чтобы исключить возможность эвакуации абверовского центра на запад Германии.

Витков Г.И. тут же по телефону договорился с командующим 8-й гвардейской армией Чуйковым В.И. о выделении танковой роты и мотострелкового батальона, которые должны были обеспечить нам огневую поддержку.

От военной контрразведки формировалась оперативная группа в количестве пяти человек, возглавить которую было поручено мне. В состав оперативной группы входили старшие оперуполномоченные Отдела контрразведки «Смерш» 47-й гвардейской стрелковой дивизии Голубцов М.И., Каратуев И.П., Маринин М.И., Шишин Г.А. и прикомандированный из разведотдела дивизии переводчик Васильев Г.Л.

*Генерал-майор
Витков Григорий Иванович. 1954 г.*

*Подполковник
Кузьмин Александр Николаевич. 1945 г.
(Архив УФСБ России по Омской области)*

Капитан Голубцов Михаил Илларионович. 1946 г.

Гвардии капитан Маринин Михаил Иванович. 1945 г.

Операция развивалась успешно. После огневого налета на узком участке фронта десант, при содействии частей поддержки, прорвал линию обороны и, не ввязываясь в бои, устремился к намеченной цели. Надо было преодолеть около двух километров. Сельскохозяйственный институт, где находились абверовцы, был взят с ходу, без особого сопротивления, поскольку охранялся только часовыми и налет для противника был совершенно неожиданным.

Во дворе стояли снаряженные для эвакуации грузовые машины и пять бронетранспортеров сопровождения без экипажей. Обитатели «заведения» спали перед предстоящей эвакуацией.

Всего взято было в плен более 100 человек. Среди них были офицеры и лица в гражданской одежде различных национальностей, в том числе русские.

Старший офицер, назвавшийся полковником Анклом, при опросе сообщил, что его воинская часть находится в готовности к эвакуации и ждет команду от своего руководства.

Тщательно опрашивать задержанных было некогда, необходимо было обеспечить их безопасность и сохранность захваченных документов до подхода основных сил.

По плану десантной операции к рассвету здание «института» должны были деблокировать части дивизии, вышедшие на рубеж западнее города Фертенвальде. В ожидании их подхода мы заняли круговую оборону. Однако на рассвете основные силы дивизии пробиться в район Целендорфа не сумели. В свою очередь противник, обнаружив десантников в своем тылу, несколько раз атаковал здание разведцентра, но был отбит. Затем был открыт артиллерийский и минометный огонь с целью уничтожения груженных автомашин с документами. Возникло много очагов пожара, которые нам удалось ликвидировать. Автомшины мы вывели на противоположную сторону улицы, где они оказались недосягаемы для мин и

снарядов. Пленные, содержащиеся в подвале, во время артобстрелов несколько раз пытались вырваться, но эти попытки были пресечены.

Круговую оборону пришлось держать целые сутки. Все бойцы и командиры десанта, экипажи боевых машин танковой роты, а также оперативные работники вели себя как настоящие герои. Все атаки были отражены, в этом бою враг потерял много солдат и офицеров. Наши потери были незначительными, но больно отзывались в наших сердцах.

Только на следующее утро основным силам дивизии удалось потеснить противника, десант был деблокирован. Мы оказались в тылу наступающих советских войск, сохранив в целости все трофеи, захваченные днем ранее. Документы и показания пленных оказались весьма ценными. Они неопровержимо доказывали, что фашистские разведывательные органы действительно концентрируют свои силы на юге Германии, а захваченный нами абверовский разведцентр должен был эвакуироваться в Баварию — в Штутгарт и Тюбинген, прихватив с собой наиболее ценные кадры и оперативную документацию.

* * *

С выходом 47-й гвардейской стрелковой дивизии к Целендорфу и наступлением к центру Берлина перед нашим ОКР «Смерш» была поставлена непростая задача: интернировать японское посольство, которое располагалось в районе Тиргартен. Выполнение этой задачи принесло очень много хлопот и отвлекло на какое-то время наши силы от решения других вопросов.

Здание посольства располагалось на центральной аллее Тиргартена, недалеко от Бранденбургских ворот. Когда мы прибыли туда, все сотрудники посольства, кроме двух охранников, находились в бомбоубежище, оборудованном в подвальном помещении. Мы попросили одного из охранников пригласить посла. Через несколько минут из бомбоубежища вышли несколько человек. Один из них сообщил через переводчика-японца, что посол в данное время отсутствует, а он является поверенным в делах и уполномочен представлять дипломатическое представительство. Я, в свою очередь, отрекомендовался как представитель советского командования, уполномоченный обеспечить охрану посольства и безопасность его сотрудников. Это сообщение было воспринято японцами положительно.

Мы попросили временного поверенного представить список всех сотрудников посольства с указанием их официального статуса. Список на 80 персон, включая водителей и другой обслуживающий персонал, тут же был отпечатан на русском языке.

Затем мы попросили поверенного показать все службы посольства и занимаемые ими помещения. Так нам удалось обнаружить радиостанцию и коммутатор связи, шифровальный узел и архивы посольства. Все комнаты сразу же брались под охрану и опечатывались,

Здание японского посольства в Берлине. 1940 г.

Генерал Кребс (справа), прибывший 1 мая 1945 г. в расположение советских войск для проведения переговоров. В заключении перемирия ему было отказано. Советское командование настаивало на безоговорочной капитуляции

японцы туда больше не допускались. Вокруг здания были выставлены вооруженные посты. Во второй половине дня я пригласил поверенного в делах и объявил ему, что советским командованием принято решение эвакуировать сотрудников посольства в безопасное место.

Поверенный насторожился, попытался убедить меня оставить персонал в здании, мотивируя это тем, что они прожили в нем всю войну, перенесли страшные авиационные бомбардировки. Теперь же, когда конец войны близок, гражданам Японии будет лучше остаться здесь. В ответ на эти аргументы я заявил, что в Берлин должны прийти англо-американские войска. Поскольку Япония находится в состоянии войны с США и Великобританией, безопасность сотрудников посольства находится под угрозой. Советское командование, принимая решение об эвакуации, исходит из соображений гуманности. После длительных переговоров японцам было предложено в течение двух часов подготовиться к эвакуации.

Для временного размещения работников посольства нами было подготовлено помещение на восточной окраине Берлина. Ранее там находилось общежитие одного из учебных заведений. Интернированным разрешалось взять с собой все необходимые личные вещи, которых оказалось не так уж много.

После доклада Виткову Г. И. о выполнении задачи и сложившейся ситуации последовало указание: обеспечить содержание и охрану сотрудников посольства до особого распоряжения. Вот тут и начались наши мытарства. Продуктов питания не было. Пришлось договариваться с заместителем командира дивизии по тылу полковником Воробьевым о постановке интернированных на котловое довольствие. Отсутствовали постельные принадлежности — через командира дивизии Шугаева мобилизовали резервы медсанбата.

Эти хлопоты продолжались более недели. Исчерпав свои «дипломатические» возможности, с разрешения Виткова Г.И. я выехал в Управление контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта, которое к этому времени располагалось в городе Потсдаме. Меня принял заместитель начальника Управления генерал-майор Мельников Г.А., который пообещал срочно разобраться в этом деле и принять необходимые меры.

Действительно, на следующий день за японцами прибыла колонна автобусов во главе с полковником и двумя гражданскими лицами. Наконец мы распрощались с поверенным в делах и его подопечными.

Все дни нашей «японской одиссеи» дивизия вела ожесточенные уличные бои. Каждый дом в полосе наступления приходилось брать штурмом. Несмотря на значительные потери, массовый героизм наших воинов нарастал с невиданной силой. Все мы чувствовали приближение конца войны, это радовало и окрыляло.

Рано утром 1 мая 1945 года в штаб 47-й дивизии поступило сообщение из штаба 8-й гвардейской армии о том, что, по заявлению прибывшего в качестве парламентария Генерального штаба сухопутных войск генерала Кребса, 30 апреля 1945 года Гитлер покончил жизнь самоубийством. Берлинским гарнизоном командует Геббельс, который предложил советскому командованию через генерала Кребса вступить в переговоры о перемирии. Это предложение, как известно, было отклонено советским командованием и предъявлено требование о безоговорочной капитуляции.

Поскольку немцы отказались сложить оружие, войскам, в том числе и 42-й дивизии, было приказано обрушить на противника всю нашу огневую мощь. Штурм нарастал с небывалой силой. Не выдержав натиска, ночью 2 мая 1945 года радиостанция штаба берлинской обороны передала и неоднократно повторила на русском языке: «Высылаем своих парламентариев и прекращаем военные действия».

Генерал Гельмут Вейдлинг (слева) и офицеры штаба 56-го танкового корпуса, сдавшиеся в плен советским войскам. Берлин, 2 мая 1945 г.

Красное знамя над поверженным Берлином. Май 1945 г.

Медаль «За взятие Берлина»

В шесть часов утра 2 мая 1945 года на участке нашей дивизии сдался в плен командир 56-го танкового корпуса генерал Гельмут Вейдлинг вместе со своим штабом.

На допросе, который мы провели вместе с командиром 47-й гвардейской стрелковой дивизии Шугаевым В.М. и комиссаром Николаевым Н.И., Вейдлинг сообщил, что несколько дней назад он был назначен Гитлером командующим обороной Берлина.

Он также подтвердил версию о том, что Гитлер и Геббельс покончили жизнь самоубийством, а главари гитлеровской верхушки Гиммлер, Геринг, Кальтенбруннер, Кейтель и другие бежали на Запад.

Вейдлинг выразил готовность отдать приказ Берлинскому гарнизону о прекращении сопротивления, который объявили по радио на немецком языке. Затем по радио выступил сдавшийся в плен заместитель министра пропаганды Ганс Фриче, призвавший немецкие войска прекратить всякое сопротивление и сложить оружие. В середине дня 2 мая 1945 года на участке 47-й гвардейской стрелковой дивизии, как и на других участках фронта, немцы прекратили сопротивление и начали массово сдаваться в плен. Завершилась Берлинская наступательная операция.

Фашистское логово было уничтожено. Пришла окончательная Победа. Наступил долгожданный мир.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПАРАД ПОБЕДЫ

Из воспоминаний майора Ивановского Олега Генриховича.

Родился в 1922 году в Москве в семье служащих. Начал службу в 1940 году в погранвойсках на советско-польской границе. За годы Великой Отечественной войны прошел путь от сержанта до гвардии старшего лейтенанта — оперуполномоченного ОКР «Смерш» 11-й (впоследствии 8-й гвардейской) кавалерийской дивизии 7-го (с 19 января 1943 года — 6-го гвардейского) кавалерийского корпуса.

Принимал участие в освобождении Смоленщины, Белоруссии и Западной Украины. Воевал в Польше, Румынии, Венгрии и Чехословакии. Участник знаменитого парада Победы 1945 года в Москве.

В послевоенные годы — инженер, конструктор ракетно-космической техники. Заместитель ведущего конструктора первого и второго искусственных спутников Земли, ведущий конструктор первых космических кораблей-спутников «Восток», создатель автоматических межпланетных станций. Главный конструктор по лунной тематике НПО имени С. А. Лавочкина (в 1965–1976 годах).

12 апреля 1961 года, находясь на верхней площадке стартового комплекса площадки № 1 космодрома «Байконур», в числе других специалистов, обеспечивал посадку и размещение в корабле «Восток-1» первого космонавта Земли Юрия Алексеевича Гагарина. Олег Генрихович также помогал закрывать люк кабины космонавта.

Лауреат Ленинской (в 1960 году) и Государственной (в 1977 году) премий СССР. Почетный сотрудник госбезопасности. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», орденом Почета, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

*Гвардии лейтенант
Ивановский Олег Генрихович. 1945 г.*

*Генерал-лейтенант Плиев Исса Александрович.
Станица Раздельная Одесской области
Украинской ССР, 1944 г.*

Наконец бои затихли. 14 мая я уехал к начальнику ОКР «Смерш» дивизии Братенкову. Обнялись мы с Антоном Максимовичем, да так, что косточки хрустнули. Поздравили друг друга с Победой, с тем, что дошли, что живы.

— Ну а теперь, старший лейтенант, новое задание. Подробнее сказать пока не могу, но задача такая: в полку будут отбирать самых достойных, кому можно поручить выполнение очень ответственного задания. И сам готовься. Надо, чтобы люди были особенные, заслуженные, боевые. Вот так. Подробнее когда смогу — скажу.

Дня через четыре треть полка, все, что осталось к тому времени в строю, было поднято по тревоге. Но, к счастью, не по боевой. Построились. Казаки надели ордена, медали. Три офицера, приехавшие из штаба дивизии, командир полка, замполит обходили строй, отбирали не только самых рослых, но и тех, у кого орденам и медалям было тесновато на груди. Отобрали человек тридцать, а из офицеров — только моего друга Ефима Аронова. Он, полковой фельдшер, носил на груди три ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, и это не считая медалей. Прямо можно сказать — и строевым-то офицерам не многим такая честь выпадала.

В тот же день все «избранные» выехали в штаб дивизии. Там был повторен отбор, который проводили командир дивизии генерал Павлов, замполит полковник Нитовщиков и начальник контрразведки майор Мирошин.

Из тридцати осталось двенадцать. Мирошин подозвал меня:

— Цель этой операции пока не объявлена. Объявят позже в штабе корпуса. Пусть люди пока думают, что это отбор для встречи с союзниками на демаркации. Вам по секрету скажу, пока не для огласки. Поедете в Москву на парад. Большой парад, особенный. Парад Победы. Вы один из оперсостава корпуса. Довольны?

21 мая верхами выехали в штаб корпуса. Ехали мы рядом с Ефимом, говорили о том о сем, потом умолкли как-то сразу, одновременно, посмотрели друг на друга.

— А что, Ефимушка, может, последний раз в седле? Может, и не увижу я больше своего Полета?

*Медаль «За Победу над Германией
в Великой Отечественной войне
1941–1945 гг.»*

*Гвардии лейтенант Ивановский Олег Генрихович. 1943 г.
(Российский государственный архив
научно-технической документации)*

— Ну почему же последний? Что, не вернемся в полк, что ли? Вернемся через денек-два. Вот что потом будет, кто знает? Останется ли конница в армии или расформируют ее... А жаль, ей-богу, жаль, если расформируют...

На большой поляне неподалеку от штаба корпуса собрались отобранные в полках Первой гвардейской конно-механизированной группы войск. Человек двести. Построились. Подошли генералы, среди них Плиев. Все затихли.

— Товарищи казаки и танкисты! Пользуюсь случаем, с великой радостью поздравляю вас с Победой! Командование фронта поручило мне сообщить решение Верховного главнокомандующего маршала Сталина о проведении в столице нашей Родины — Москве — Парада Победы. Вам выпала честь и большое счастье стать участниками этого исторического парада!

Громкое, быть может, и не очень стройное, не очень похожее на парадное, но радостнейшее «Ура-а-а!» раскатилось по поляне. Вверх полетели кубанки, шлемы, фуражки. Строй смешался...

Сводный полк 2-го Украинского фронта формировался в Братиславе. Двумя или тремя эшелонами мы выехали в Москву. Николай, мой дядя Коля, с конями вернулся в полк.

Граница. И вот миг, памятный, знаменательный для меня. Небольшой вокзал и скромная вывеска: «Коломыя». Помню, с какой теплотой толкнулось сердце — четыре года с той ночи, когда мы, молодые курсанты-пограничники, вынуждены были отойти отсюда, вырываясь из окружения. Четыре года длинных, тяжких дорог войны — и вот опять этот же город, та же точка на карте Родины. Замкнулось

Пропуск Ивановского О. Г. для входа на Красную площадь Москвы для участия в Параде Победы. (Российский государственный архив научно-технической документации)

Удостоверение гвардии старшего лейтенанта Ивановского О. Г. (Российский государственный архив научно-технической документации)

кольцо военных дорог, закончилась военная, боевая часть моей биографии. <...>

Москва. Она была уже не такой, как в 1943-м, когда примчался я на пару дней из госпиталя. И не такой, как до войны. Москва была мирная, послевоенная.

Часть парадного войска разместились на Стромынке, 32. Рядом Нимфа, та самая Нимфа, которая течет и в Тайнинке, на которой я вырос, в теплую воду которой так любил прыгать «ласточкой». Как же давно все это было! Как давно!

Начались парадные тренировки. Нелегкой была та задачка — ходить парадным строевым шагом. Далеко не все владели этим искусством, в боях было не до этого, а ведь надо было пройти по Красной площади так, как еще никто и никогда не ходил. Таких парадов не было! Сколько глаз и своих родных, дружеских, да и не очень дружеских будут смотреть.

Ходили на занятия каждую ночь, как только затихал город. <...>

К параду готовилась и столица, умывалась, подкрашивалась, ремонтировалась и шила нам парадное обмундирование — в своем фронтовом на парад не пойдешь! Нам шили темно-синие черкески, красные казакины, черные каракулевые кубанки. Ко всему этому положены были шашки, шпоры на сапоги,

красные суконные башлыки. Кубанцам, терцам такое же, но только синего цвета, уральцам — белого.

Дошли слухи, что выпущена специальная медаль «За победу над Германией» и что первую партию этих медалей вручат нам, участникам парада, причем только нам к этой медали будут выданы удостоверения красного цвета.

С каким вниманием, с какой любовью встречали нас москвичи. На улицах буквально проходу не давали. И как приятно было оценить их внимание, когда каждое утро, приходя позавтракать в маленькое кафе на углу дома, близ моста, на берегу Яузы, мы в каждой пачке папирос «Казбек», лежащей на столе, находили красивую вкладку с золотистой надписью «Привет победителям» или на пачках «Беломорканала», красным, эти же слова.

23 июня объявили приказ Верховного главнокомандующего: Парад принимать будет Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, командовать Парадом — Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский.

24 июня. Поднялись в четыре часа утра. К шести часам мы должны были быть на исходных позициях на площади, против Политехнического музея.

Утро было дождливым, но не пасмурно, а празднично было на сердце! Стояли мы в строю, тихонько переговаривались, чуть не поминутно поправляя друг на друге то башлык, то чуть надвинувшуюся на бровь кубанку, то подцепленный с левого бока клинок, делились самыми последними впечатлениями о праздничной Москве. Без особой надежды, правда, поглядывали на затянутое облаками небо, смахивая с лица дождевые капли.

Против нас стоял строй сводного полка Военно-Морского Флота.

Я, имея право в любой момент выйти из строя, решил подойти посмотреть на моряков. Что меня туда потянуло, не знаю.

— Олег! Ты?

Из строя выбежал ко мне моряк... Анатолий, Толька Уваров, друг детства, тот, с которым играли в «летчиков-челюскинцев». В годы войны ни разу мы не встретились, редко-редко переписывались. В разные концы развела нас война, знал я, что воевать ему не пришлось, и вот свела нас здесь судьба в то историческое, пасмурное, праздничное утро.

Толька Уваров... Анатолий Гаврилович — капитан-инженер 1-го ранга, кандидат технических наук, профессор. Много лет он был заместителем начальника Высшего военно-морского инженерного училища под Ленинградом. Но это все потом, в послевоенные годы. А тогда, в то утро, только обнялись мы, как команда «Приготовиться к движению!» вернула на свои места в строю.

К восьми часам мы вышли на Красную площадь. Сводный полк 2-го Украинского фронта занял свое место у стен ГУМа. Полк... Тысяча человек пехотинцев и артил-

Кубанские казаки — участники парада войск Красной Армии на Красной площади Москвы 24 июня 1945 г.

леристов, летчиков и танкистов, связистов и саперов, разведчиков и кавалеристов, генералов и рядовых солдат войны, отличившихся в боях, награжденных боевыми орденами.

Командир сводного полка фронта — Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский.

Генералы... Кто мог знать, что стоять в строю парадного полка я буду с генералом Каманиным, командовавшим штурмовым авиакорпусом на 2-м Украинском, а в 1960-м, через 15 лет, не раз встречаясь, мы будем обсуждать ход подготовки космонавтов и космических кораблей, что обо мне он будет вспоминать порой в своих дневниках, изданных уже после его смерти. Николай Каманин... Им я «был» во время игр в «челюскинцев» в далеком 1934-м...

Стекали капли воды по каскам пехотинцев, мокли наши черкески, кубанки и башлыки, темнели, намокая, алые знамена.

Серая, с чернеющим мокрым резным рисунком, стена ГУМа. Минин и Пожарский. Фонтан на необычном месте — на Лобном. Напротив, на другой стороне пло-

Маршал Советского Союза Рокоссовский К. К. докладывает Маршалу Советского Союза Жукову Г. К. о готовности войск к Параду Победы. Москва, 24 июня 1945 г.

щади, темно-коричневая громада Исторического музея. У Кремлевской стены зеркально отливают гранит Мавзолея...

Без пяти минут десять. Замерла Красная площадь, заполненная тысячами москвичей и гостей столицы. Замерли полки фронтов. На трибуну поднялись руководители партии, правительства. Вошел Сталин.

Сейчас, вот-вот сейчас стрелка часов на Спасской башне, чуть дрогнув, коснется долгожданного мгновения истории. Десять!

По площади разнеслось: «Парад, смирно!» И тут же из Спасских ворот на красивом белом коне показался маршал Жуков. Грянули торжественные звуки «Славься» Глинки. И — тишина. Навстречу Жукову на вороном коне — Рокоссовский.

— Товарищ Маршал Советского Союза! Войска действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона для парада построены!

Два кавалериста — Жуков и Рокоссовский. Война была во многом войной техники, войной моторов, но не только. Воевали и кавалерийские корпуса. Славные доваторовцы, беловцы, пливцы, соколовцы. И пусть, въезжая на Красную площадь на конях, Жуков и Рокоссовский соблюдали лишь традиции, мы, стоящие в строю казаков-кубанцев в шеренгах 2-го Украинского фронта, относили это на свой счет. Хорошо. Очень хорошо, что не на танках, а на конях. Замечательная традиция.

Начался объезд войск. В ответ на поздравления по площади раскатывалось «Здравия желаем, товарищ маршал!» и могучее «Ура-а-а!».

Объехав войска, Жуков поднялся на трибуну Мавзолея, подошел к микрофону:

— Победу над фашизмом мы завоевали ценой тяжелых жертв. В жестоких битвах с врагом пало смертью храбрых много наших боевых друзей — лучших сынов и дочерей нашего народа, сегодня, в день великого торжества, почтим их память и произнесем: «Вечная слава героям, павшим в боях за нашу Советскую Родину!»

Здравницей в честь народа-победителя и славных воинов его Вооруженных Сил маршал закончил речь. И тут же — Гимн и мощные залпы артиллерийских орудий. Много залпов. Потом узнали: их было пятьдесят.

В 10 часов 25 минут по площади разнеслось: «К церемониальному маршу!»... И двинулись полки фронтов Великой Отечественной.

Проводив последний сводный батальон, замолк тысячетрубный оркестр. Резкая дробь 80 барабанов, и две сотни воинов бросают фашистские знамена к подножию Мавзолея.

И только сейчас наступило освобождение от военного гнета, всего того тяжелого и мрачного, чего было в избытке за эти годы. Думаю, не только я в тот момент, под барабанную дробь, всем своим существом, всем сердцем понял: кончилось, вот теперь кончилось...

Ивановский Олег Генрихович. 1985 г.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Из воспоминаний генерал-майора Крамара Павла Васильевича.

Родился в 1919 году в дер. Спасовка Енисейской губернии.

В органах государственной безопасности с 1942 года. Помощник оперуполномоченного и оперуполномоченный Особого отдела НКВД — ОКР «Смерш» 22-й стрелковой дивизии 1-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта. Участник Маньчжурской стратегической наступательной операции.

С 1947 по 1971 год — на различных руководящих должностях в органах военной контрразведки в Дальневосточном, Белорусском, Одесском военных округах и ГСВГ. Службу закончил в 1981 году в должности начальника Особого отдела КГБ СССР Одесского военного округа.

Награжден орденами Красного Знамени, Кутузова II степени, двумя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и другими.

Августовские дни 1945 года в Приморье стояли умеренно теплые и мягкие. Нещадно палившее до этого солнце словно бы подобрело, а несильные ночные ветры все чаще доносили освежающую прохладу океана. В такие дни легко дышалось и хорошо работалось.

Кроме того, казалось, сам воздух напоен особым ароматом — ни с чем не сравнимой радостью недавно одержанной Победы над фашистской Германией.

К началу августа 1945 года сосредоточенные на Дальнем Востоке войска Красной Армии завершили подготовку к тому, чтобы в соответствии с подписанным Советским правительством в феврале 1945 года на Ялтинской конференции соглашением вступить в войну с союзницей Германии — милитаристской Японией, разгромить агрессора.

Советское командование хорошо понимало, что разом повергнуть окопавшуюся в Маньчжурии более чем миллионную вымуштрованную японскую армию будет не так просто. Войска тщательно готовились к боям.

Совместно с воинами напряженную подготовку к предстоящим сражениям вели сотрудники Отдела контрразведки «Смерш» 1-й Краснознаменной армии, где автор этих воспоминаний, в звании капитана, работал заместителем начальника отделения.

Японская Квантунская армия наряду с войсковыми разведывательными и контр-разведывательными подразделениями располагала в Маньчжурии целой сетью крупных территориальных разведывательных органов — так называемых японских военных миссий (ЯВМ). Эти органы вели шпионско-подрывную работу против Советского Дальнего Востока, а также руководили специально подготовленными отрядами «Асано», предназначенными для диверсионной и террористической деятельности в тылу Красной Армии.

Эмблема и нарукавная повязка военнослужащего бригады «Асано»

Бригада «Асано» (от яп. Асано-бу-тай — отряд «Асано») — вооруженное формирование в армии Маньчжоу-го, сформированное из русских эмигрантов, живших в Маньчжурии.

Отряд получил свое название по имени первого командира Асано Макото и назывался так до 1944 года, когда был переименован в «Сунгарийский русский воинский отряд армии Маньчжоу-го», а с апреля 1944 года — в «1-й отдельный кавалерийский отряд армии Маньчжоу-го».

Отряд, формировавшийся как разведывательно-диверсионное подразделение, был законспирирован и базировался вблизи железнодорожной станции Сунгари II в 60 километрах от Харбина. Первый состав отряда численностью до 250 чело-

век формировался из членов учебной команды «Российского фашистского Союза», представителей монархических объединений и казачьей молодежи. Официальной датой основания отряда стало 29 апреля 1938 года, когда было закончено комплектование и подразделение получило государственный акт Маньчжоу-го.

Военнослужащие бригады «Асано». 1942 г.

В полосе наступления 1-й Краснознаменной армии действовала японская военная миссия, дислоцированная в городе Лишучжень.

Отдел контрразведки армии получил задачу: создать оперативную группу, которая бы вместе с наступающими войсками вошла в Лишучжень, захватила здание ЯВМ и организовала розыск японской агентуры и официальных сотрудников миссии.

Начальник ОКР «Смерш» армии назначил меня руководителем оперативной группы. В ее состав вошли оперуполномоченный-розыскник старший лейтенант Тимофеев Николай Алексеевич, два автоматчика и шофер с автомашиной «Виллис».

Вечером 8 августа у начальника отдела собрались его заместители — полковник Абрамов Михаил Петрович, подполковник Тесленко Николай Петрович, началь-

ник отделения подполковник Глухов Александр Федорович и я, чтобы окончательно отработать все детали предстоящей операции.

Заканчивая инструктаж, начальник настоятельно советовал мне при организации работы в Лишучжене опираться на помощь местных жителей.

Возвратившись с совещания к себе, я собрал участников группы, проверил наличие вооружения, а отпечатанные на тонкой рисовой бумаге списки сотрудников и агентов вражеской разведки заложил в непромокаемые капсулы и вшил в обмундирование. В ночь на 9 августа 1945 года опергруппа прибыла на командный пункт 257-й танковой бригады, которая предназначалась для ввода в прорыв в обороне японских войск.

9 августа начались военные действия, а 10-го наша опергруппа в боевых порядках танковой бригады двинулась на Лишучжень. Рано утром 11 августа танкисты, а вместе с ними и мы ворвались в город. Там сразу же нашли местных жителей, владевших японским языком, которые затем оказали немалую помощь в работе. Из них особенно запомнились местная учительница, русская патриотка, дочь белоэмигранта Мария Сергеевна и служащий хлебопекарни, бывший колчаковский офицер Иван Николаевич, тяготившийся своим пребыванием на чужбине и, как он заявил при знакомстве, «готовый умереть за прославившую себя в веках Советскую Русь».

Вместе с ними мы прибыли к зданию ЯВМ, расположенному на окраине Лишучжени. Это был большой одноэтажный каменный дом на 10–12 комнат, обнесенный почти двухметровым забором. По зданию миссии словно прошел ураган: почти все окна и двери были раскрыты, в комнатах валялись кучи бумаг, чемоданы и одежда. Никого из людей в помещении ЯВМ не оказалось. Пустовали и 10 камер тюрьмы. Лишь не выветрившийся в открытых камерах тяжелый, спертый воздух свидетельствовал о том, что они лишь недавно оставлены узниками.

С помощью Марии Сергеевны я детально изучил найденные документы. Часть сейфов, от которых не нашлось ключей, пришлось взломать. Мы искали списки, картотеки и адреса на вражескую агентуру.

Старший лейтенант Тимофеев тем временем вместе с Иваном Николаевичем обошли прилегающие к ЯВМ улицы, выясняя у местных жителей данные о сотрудниках миссии.

Мария Сергеевна вдруг вскрикнула и сказала, что нашла картотеку лиц, которые сотрудничали с японцами. Но при более внимательном изучении картотеки оказалось, что в ней учтены вспомогательные контингенты ЯВМ из числа китайцев и русских эмигрантов. Все эти лица, около 30, находились у себя дома и, по свидетельству Марии Сергеевны, против Советского Союза японцами активно не использовались.

Старший лейтенант Тимофеев, возвратившись из города, сообщил, что при опросе жителей ему удалось кое-что установить о проживающем в Лишучжене колчаковском офицере полковнике Белянушкине. Он не бежал с японцами и, видимо, скрывается дома.

Белянушкин, согласно нашим спискам, являлся начальником охранного отряда ЯВМ и резидентом японской разведки. Мы его сразу задержали, и с этого момента наша работа пошла более активно.

Хотелось бы рассказать о хорошем отношении китайского населения и честных людей из русских эмигрантов, которое благотворно влияло на нашу работу. Победа над фашистской Германией и первые удачные операции против японских милитаристов вызвали среди местного населения огромный подъем и ликование. Тысячи жителей вышли на улицы городов и сел с красными флажками в руках.

Они смеялись, пели, кричали «шанго» («хорошо»), приветствуя Красную Армию — освободительницу.

Такая обстановка вконец деморализовала наших врагов. Многих задержанных агентов противника не приходилось избивать — они сами выкладывали все о совершенных преступлениях против Советского государства. Некоторые из них приходили с повинной и заявляли, что добровольно сдаются...

Когда старший лейтенант Тимофеев доложил о том, что привел Белянушкина, я отправил Марию Сергеевну домой.

В открытую дверь не вошел, а буквально ввалился огромного роста человек, примерно 60-летнего возраста, с большими седыми усищами, в полной форме полковника русской армии со множеством орденов и медалей. Пройдя несколько шагов от двери, Белянушкин зычным голосом доложил:

— Господин капитан, полковник русской армии Белянушкин явился к вам и сдается на милость победителей.

После этого он упал на колени, наклонился лбом до самого пола и зарыдал. От такой необычной сцены мы с Тимофеевым несколько растерялись и, ухватившись почему-то за автоматы, как бы оцепенели. Потом, не сговариваясь, подскочили к Белянушкину, подняли его под руки, усадили на стул и дали воды. Когда он несколько успокоился, я спросил, кто присвоил ему звание полковника.

Белянушкин рявкнул:

— Адмирал Колчак!

Минутная жалость к этому старому человеку сразу же прошла. В памяти всплыл рассказ отца о том, как в 1919 году отступавшие через Сибирь колчаковцы заподозрили группу крестьян нашего и соседнего села в причастности к партизанам. Без суда и следствия они растерзали несчастных, привязав их ноги к хвостам лошадей, рванувших галопом по селу. Как знать, не он ли сотворил это злодеяние?

Однако на выяснение прошлого времени не имелось: гул боя удалялся от Лишучжени, нам следовало незамедлительно действовать.

Белянушкину прямо сказали, что за все причиненное Советскому Союзу зло он ответит позже, а сейчас мы предлагаем ему искупить хотя бы часть своей вины и помочь нам обезвредить японскую агентуру. Он безоговорочно согласился нам помочь, дал ценные показания и оказал существенную помощь в последующей нашей работе.

Около часа длился его рассказ. Мы едва успевали записывать нужные сведения. Белянушкин рассказал, что начальником лишучженской ЯВМ является японский подполковник Ясудзава. Вечером 8 августа он выехал в Муданьцзян к своим начальникам с каким-то докладом. Когда утром 9 августа начались военные действия, сотрудники лишучженской ЯВМ разбежались, унеся с собой часть документов. Содержавшихся в тюрьме человек пятнадцать арестованных, в основном китайцев, они освободили. В числе арестованных якобы находились два советских разведчика, выданные японцам в Мулине или Мишане провокатором и двуручником Терещенко — беглым кулаком из Приморского края. Их личности и дальнейшую судьбу Белянушкин не знал.

За несколько часов до занятия Лишучжени советскими танкистами Ясудзава явился в ЯВМ, вызвал туда Белянушкина и его помощника поручика Симачкина. Рассказал им, что по указанию своих начальников он с трудом вернулся по забитым дорогам из Муданьцзяна с тем, чтобы эвакуировать наиболее важные документы и перебазировать часть находившейся в резерве агентуры в муданьцзянскую ЯВМ.

Удалось ли Ясудзава это сделать, Белянушкину было неизвестно. Тогда же японец предложил Белянушкину и Симачкину увести охранный отряд ЯВМ и находив-

шуюся при миссии группу «Асано» на полевую базу, расположенную в сопках километрах в двенадцати от города, выждать там, пока пройдет линия фронта, и затем приступить к операциям по нападению на тылы советских войск, взрыву мостов и совершению терактов в отношении советских военачальников.

Уйдя из ЯВМ, Белянушкин и Симачкин по обоюдной договоренности решили, что объединенный диверсионный отряд уведет в сопки Симачкин, а Белянушкин останется в городе, чтобы через своих соглядатаев разведывать обстановку и наводить диверсантов на объекты нападения. Однако Белянушкин клялся, что, принимая такое решение, он и не думал бороться против советских войск, а пошел на это, боясь Симачкина — ярого врага СССР и верного холоя японцев. Тот мог немедленно застрелить Белянушкина за малейшие колебания. Утром Симачкин увел 150 диверсантов в сопки.

Белянушкин назвал более 20 агентов и резидентов ЯВМ, половина из которых, по его мнению, являлась резервной. Видимо, Ясудзава хотел перебазировать их в Муданьцзян. Большинство из названных Белянушкиным агентов значились в нашем списке, что говорило о его откровенности. О том, куда девался Ясудзава, ему известно не было.

Вечером 11 августа к зданию ЯВМ, где мы располагались, подошла большая группа китайцев, которые энергично жестикулировали и шумели. Пригласив Марию Сергеевну, говорившую по-китайски, мы с ее помощью выяснили следующее. 10 августа два китайца из Лишучжэня примерно в 20 километрах от города были задержаны советскими воинами. Увидев стрижку наголо, их приняли за переодетых в гражданскую одежду японских солдат. На пункте сбора японских военнопленных, куда их доставили, советский офицер отпустил задержанных.

Когда китайцы уезжали домой и садились на попутную автомашину, то видели, как на пункт сбора военнопленных доставили группу японцев, в числе которых был Ясудзава, одетый в форму японского солдата. Мы поблагодарили китайцев и попросили их идти домой.

Советская военная техника в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции. Август 1945 г.

Что же задумал матерый разведчик? Улизнуть от ответственности или провести какую-либо дерзкую операцию в нашем тылу, сбежав из плена? Одно мы знали, что его нужно немедленно найти, обезвредить и использовать в борьбе с противником. Оценив обстановку, мы с Николаем Алексеевичем решили срочно осуществить неотложные мероприятия. О добытых материалах необходимо было доложить в Отдел контрразведки армии, который находился где-то в движении. Также нужно было срочно найти и взять под стражу Ясудзаву.

Для решения этих задач я выехал на «Виллисе», взяв с собой Ивана Николаевича, который хорошо знал в лицо начальника ЯВМ. Учитывая, что у нас не было реальных сил, чтобы блокировать и обезвредить диверсионный отряд Симачкина, мы поручили Белянушкину, с его согласия, отправиться в отряд и, опираясь на верных ему людей, склонить диверсантов к явке с повинной в полном составе в «советскую военную комендатуру» (так мы себя называли). Если Симачкин на это не согласится, то мы посоветовали Белянушкину применить к нему силу, а если потребуется, то и оружие. Старший лейтенант Тимофеев за время моего отсутствия должен был разыскать и задержать Терещенко, а также других наиболее опасных агентов ЯВМ.

После примерно двухчасовой поездки по фронтовым дорогам мне удалось найти командный пункт 84-й кавалерийской дивизии, откуда по телефону я доложил подполковнику Глухову обо всех полученных нашей опергруппой данных. Он одобрил проведенные мероприятия и наши планы, просил докладывать итоги работы ежедневно, обещал прислать роту из охраны тыла для обезвреживания диверсантов, ориентировал о ряде агентов ЯВМ, подлежащих розыску по материалам других оперативных групп, предложил немедленно разыскать Ясудзаву.

И вот мы снова в пути, ищем Ясудзаву. Идут колонны войск, встречные и попутные; преодолеваем бездорожье, лесные завалы, болота, разрушенные мосты. Несколько раз проверяют документы у нас, мы сами проверяем их у сомнительных лиц. Уже найдены и осмотрены два пункта сбора военнопленных, но того, кто нам был нужен, там не оказалось.

Перед заходом солнца прибыли на третий пункт, где нам сопутствовала удача: Ясудзава был задержан. Поздно ночью мы прибыли в Лишучжень и, хотя от усталости валились с ног, все-таки приступили вместе с Николаем Тимофеевым к допросу бывшего шефа ЯВМ в его собственном кабинете.

Ясудзава неплохо владел русской речью. Вначале он на вопросы не отвечал и был настолько подавлен, что лишь повторял, как мы позже разобрали, слова: «Надо достойно умереть». После продолжительного разъяснения того, что ему предоставляется возможность смягчить свою вину перед Советским Союзом, Ясудзава мало-помалу разговорился.

Он сообщил некоторые данные о дислокации японских войск и наличии укреплений в районах городов Муданьцзян, Ханьдаохедзы, Харбин, Гирин и ряда других.

*Японские военнопленные на фильтрационном пункте.
Август 1945 г.*

Перечислил многих агентов и резидентов ЯВМ и охарактеризовал их практическую подрывную деятельность. Назвал агентов, забрасывавшихся на Советский Дальний Восток, и тех, которые должны были участвовать в разведывательно-диверсионной деятельности против наступающих советских войск. Всего он назвал около ста человек, сотрудничавших с ЯВМ в разведывательном и контрразведывательном направлениях. О своем пребывании в Муданьцзяне 8 августа он рассказал, что ездил туда по вызову своих начальников, где получил указания об усилении разведработы против советских войск в Приморье. Но выполнить их не успел, так как начались военные действия.

Рано утром 11 августа он прибыл в Лишучжень, но там не успел связаться со своими агентами и вынужден был бежать, поскольку к городу подходили советские войска.

Вначале он хотел пробраться в Муданьцзян, но все дороги уже были перехвачены Красной Армией. Скрывался в лесу, переодевшись в солдатскую форму, а затем с группой японских солдат сдался в плен, где ожидал своей участи. К утру мы все трое настолько устали, что решили хотя бы немного отдохнуть. Когда я сказал, что вынужден взять Ясудзаву под стражу и поместить в тюрьму, он не без иронии спросил: «А разве я уже не заслужил снисхождения, чтобы отдохнуть не в тюрьме?» В тон вопросу было сказано, что он пока заслужил право выбрать любую камеру тюрьмы.

*«Капитуляция Квантунской армии».
Художник Судаков П. Ф. 1948 г. Холст, масло*

Рано утром старший лейтенант Тимофеев уехал на ближайший армейский КП, чтобы сообщить в Отдел контрразведки армии о показаниях Ясудзавы. Я занялся розыском и задержанием наиболее опасных японских агентов. Чтобы не допустить ошибки, под стражу брались только те люди, на которых было не менее трех-четырёх показаний, данных различными людьми, о сотрудничестве с японской разведкой и практической враждебной деятельности против Советского государства. После возвращения Тимофеева Николая Алексеевича мы продолжили операцию вдвоем и до утра 13 августа взяли под стражу более 50 шпионов, о чем доложили своему руководству и просили прислать помощь для ведения следствия.

Покончив с задержанием наиболее опасных шпионов, 13 августа мы стали решать, что же делать с отрядом Симачкина. Хотя фактов нападения диверсантов на армейские тылы не было, указанный отряд нужно было немедленно блокировать и обезоружить, так как он в любую минуту мог перейти к враждебным акциям.

Между тем никакие советские подразделения к нам на помощь не прибыли. Не было сведений и от Белянушкина. В этой обстановке, примерно зная район базирования диверсантов, мы решили, что 13 августа с группой автоматчиков и проводников-китайцев я пойду в этот район, чтобы попытаться обезоружить диверсантов.

Однако мне не пришлось этого делать. К нам явился посланец отряда и сообщил, что отряд находится в двух километрах от города и просит прибыть туда советского офицера для обсуждения условий сдачи. Взяв с собой автоматчиков и посланца, я немедленно выехал к отряду, где потребовал сложить оружие, что и было сделано. Фамилии и адреса диверсантов были переписаны, их достоверность подтвердил Белянушкин, который сумел склонить отряд к сдаче советским властям. Все эти лица затем были отпущены домой, оружие доставлено в здание миссии, а Белянушкина и Симачкина пришлось задерживать и взять под стражу.

В полдень 14 августа в Лишучжень прибыл второй эшелон Отдела контрразведки «Смерш» армии во главе с подполковником Тесленко, в составе которого были оперработники, следователи и технический персонал. К этому времени нами было задержано более 60 сотрудников, агентов и резидентов ЯВМ.

Одно из «осиных гнезд» японских милитаристов — Лишучженьская японская военная миссия прекратила свое существование.

Медаль «За победу над Японией»

Генерал-майор
Крамар Павел Васильевич. 1965 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю

- Руководитель Департамента военной контрразведки ФСБ России
генерал-полковник Юрьев Н. П. 3

Их подвиг бессмертен!

- Председатель Совета Общественной организации ветеранов
Департамента и органов военной контрразведки
генерал-лейтенант запаса Шидловский Л. Д. 5

В те трудные дни

- Белоусов М. А., генерал-майор в отставке 7

Счастливая звезда Ивана Устинова

- Устинов И. Л., генерал-лейтенант в отставке 18

На Можайском направлении

- Гришечкин А. Д., полковник в отставке 21

В дни обороны Москвы

- Русак И. Т., генерал-майор в отставке 24

В одном строю с мужчинами

- Юнина Е. П., лейтенант в отставке 28

Обороня Советское Заполярье

- Чижевский Т. А., полковник в отставке 32

Агент-«сигнальщик»

- Веселов М. Н., капитан 1-го ранга в отставке 38

Без права на ошибку

- Леонов И. Я., полковник в отставке 41

Обороня Одессу

- Иванов Л. Г., генерал-майор в отставке 52

В боях за Севастополь

- Куролесов А. Т., майор в отставке 60

По следам активных операций

- Зиборова А. К., капитан в отставке 68

На Северном Кавказе

- Гуськов А. М., генерал-майор в отставке 72

Особый отдел Сталинградского фронта

- Селивановский Н. Н., генерал-лейтенант в отставке 82

Через годы стало известно

- Беляев В. П., полковник в отставке 88

Оперативный розыск на Курской дуге

- Сыромятников Б. А., подполковник в отставке 102

На Ораниенбаумском плацдарме	
Богданов А. А., подполковник в отставке	104
Старший лейтенант Телегин	
Усанин Г. Ф., подполковник в отставке	112
На Смоленской земле	
Хенкин А. М., капитан в отставке	115
Путь в «Сатурн»	
Козлов А. И., старший лейтенант в отставке	119
За линией фронта	
Иванов А. Н., подполковник в отставке	128
Резидентура портного Пинкина	
Гасилов Ф. Г., майор в отставке	135
В борьбе с врагом	
Филиппов И. А., полковник в отставке	139
Осенью 1944-го	
Виноградов В. В., генерал-лейтенант в отставке	146
Французские тетради лейтенанта Рябова	
Пронин Н. М.	153
Живых не хоронят	
Поспелов М. А., майор в отставке	166
Испытание на прочность	
Гришечкин А. Д., полковник в отставке	176
Спасение культурных ценностей	
Градосельский П. В., генерал-майор в отставке	180
«Цепелин» в тумане	
Григоренко Г. Ф., генерал-полковник в отставке	183
Военная контрразведка на флоте	
Сафронова А. Н., старший лейтенант в отставке	192
«Шталаг 1 А»	
Соловьев П. И., подполковник в отставке	197
Последние дни войны	
<i>(военные контрразведчики в Берлинской операции)</i>	
Матвеев А. И., генерал-лейтенант в отставке	200
Легендарный Парад Победы	
Ивановский О. Г., майор в отставке	207
На Дальнем Востоке	
Крамар П. В., генерал-майор в отставке	214

В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ ПРОВЕРЕНЫ!

Воспоминания и дневники
военных контрразведчиков

Подписано в печать: 25.03.2020. Формат: 60×90½

Бумага мелованная. Гарнитура Pragmatica, Charter

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0

Тираж 2300 экз.

Заказ № 1770/20

Р ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
РУДЕНЦОВЫХ

ООО «Издательский дом Руденцовых»

115035, Москва, ул. Б. Ордынка, д. 16/4, стр. 3

Тел.: +7 (495) 775-90-13, +7 (495) 953-72-48

www.idomru.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

